

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение  
высшего профессионального образования  
«КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ  
ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Э.А. ТАЙСИНА

ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ  
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

Учебное пособие  
для аспирантов и соискателей

Казань 2012

УДК 1 (091) (075.8)

ББК 87

Т14

*Рецензенты:*

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин  
Казанского филиала Российского университета кооперации *Р.М. Нугаев*;  
доктор философских наук, профессор кафедры философии Казанского  
государственного энергетического университета *А.П. Косарев*

Т14 **Тайсина Э.А.**

**История и философия социально-гуманитарного познания:**  
Учеб. пособие. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2012. – 220 с.

Несмотря на значительные приложенные усилия, философия науки все еще не обрела общепризнанного статуса, ее возможности выявлены не до конца, и потенциальная сила ее не служит в полной мере развитию *самой философии* как социально-гуманитарной области знания.

Дело осложняется тем, что постпозитивизм, развивавшийся в формате истории науки, вырос из естествознания: его создавали физики и математики, приобретшие вкус к философии и обнаружившие интерес к социокультурным предпосылкам науки. Западная философия науки возникла на гребне знаменитого лингвистического поворота, но его совершили не лингвисты, а инженеры (Л. Витгенштейн). Поэтому существует настоятельная потребность в аутентичной концепции истории и философии социально-гуманитарного познания, автором которой был бы гуманитарий.

Особое значение имеет возникшая в недавние годы педагогическая необходимость сдачи *экзамена кандидатского минимума по философии и истории науки*. В этом аспекте предлагаемое учебное пособие призвано послужить необходимым материалом при подготовке аспирантов и соискателей. Оно включает, наподобие хрестоматии, достаточно пространные извлечения из текстов новых и новейших философов науки или перелагает их, несколько упрощая.

Рассчитано на аспирантов и соискателей ученых степеней по социально-гуманитарным наукам, в том числе философским; на читателей, интересующихся философией и другими социально-гуманитарными науками.

В предлагаемом учебном пособии принят следующий порядок расположения основных тем курса философии науки: I часть – общие проблемы философии науки, II часть – история и философия социально-гуманитарного познания.

УДК 1 (091) (075.8)

ББК 87

© Э.А. Тайсина, 2012

© Казанский государственный энергетический университет, 2012

## ВВЕДЕНИЕ

*Наука* – социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, основной целью которых является получение, распространение и применение научного знания.

Наука XX – начала XXI вв., с одной стороны, процветает: обслуживает экономику, финансы, управление, помогает распространению знаний, культурных стандартов и ценностей, увеличивает масштабы преобразовательной деятельности, глобализирует человечество, придавая истории беспрецедентный динамизм.

С другой стороны, она сталкивается с парадоксальной недооценкой обществом своей миссии, своих достижений, критериев и целей. Антисциентизм, развивавшийся в последние десятилетия в качестве оппозиции позитивизму, также парадоксальным образом трансформировался в критику ренессансного и нововременного гуманизма – под тем предлогом, что нам теперь более всего необходим трезвый отказ от утопических «героических проектов» и «больших нарративов». Гуманитарная наука колеблется между абстрактными полюсами естественнонаучной точности и художественной фантазии. Но вскоре произойдет радикальный переход к новому, формирующемуся на наших глазах, образу и идеалу науки.

Ощущение духовного кризиса, которое сегодня является общераспространенным, нарастало в течение всего XX века. Правда, марксизм и классический позитивизм были оптимистическими парадигмами, но сегодня влияние их почти или во многом утрачено. Вместе с ними практически была утрачена и оптимистическая оценка роли фундаментальной науки.

Долгая история фундаментализма есть история поиска «начал», или «элементов» познания, исходного пункта для процесса обоснования, «надежного базиса», на который могла бы опираться (сводиться к нему или выводиться из него) вся система научных знаний. Если он найден, другие проблемы решаются достаточно просто; снимается вопрос о гипотетичности и проблематичности и строится здание «строгой науки».

Как известно, одним из центральных основоположений классического идеала научности является истолкование в нем понятия объективной *истины*. Век «модернити» объединил понятия истинности, научности, эмпирической проверяемости, обоснованности и достоверности. Ср.: «Говоря о науке и ее методах, я имею в виду... приверженность унитарному, материалистическому взгляду на мир,

убежденность в познаваемости мира методами рационального поиска и эксперимента»<sup>1</sup>. А сегодня над понятием объективной истины, добываемой указанными методами, иронизирует весь *постмодернизм*, отметивший своей печатью духовную атмосферу Европы и США последних десятилетий и нашедший в России еще одну родину. Философия науки столкнулась с «философией жизни». Аналогом истинности и показателем хорошего тона стала *искренность* ученого... и его релятивизм.

Другим центральным основоположением классического идеала научности является истолкование в нем статуса *сущности*. Против нее, как против любого «объективизма», выступил весь конвенционализм.

Поиск существенных закономерностей, как бы их не именовали, с неизменным упорством периодически возобновлялся в науке в качестве ее абсолютной цели. Шли века и тысячелетия, в поисках топоса сущности Аристотель опровергал Платона, Оккам Аквината, британские эмпирики немецких рационалистов, Гегель Канта, Поппер эмпириков, позитивисты и феноменологи – Гегеля заодно с Марксом, экзистенциалисты – позитивизм. (Стоит вспомнить, что создатель первой научной картины мира начертал на портике Лондонского королевского общества: «Физика, берегись метафизики!») Но в конце XX века дошло до полного изживания самого *похода* за едиными фундаментальными основами, до дискредитации самого понятия «сущность» в ее великом и первобытном значении. Еще Карл Поппер дал бой «методологическому эссенциализму» с позиций методологического номинализма, утверждая, что, хотя поиск истины и является душой научного познания, установление истинности теории *в принципе* невозможно. И самые современные авторы также отмечают сильнейшую уязвимость фундаментализма как веры в возможность единой сущностной проективной системы научного знания. Место этой вере, как считают, – в богословской метафизике. Такие понятия, как «объективная реальность», «действующий субъект», «рациональность», «моральное долженствование» и т.п. – пришли в оппозицию с *подлинной повседневностью*. Одна из самых смешных для постмодернизма идей – это идея человека, изменяющего мир и ведущего его по пути прогресса. Это забавная самонадеянность существа, ищущего самого себя в мире, каковой оно вовсе не способно охватить своим сознанием, тем паче – не просто экстенционально, но содержательным образом.

---

<sup>1</sup> Роуз, Ст. Устройство памяти: от молекул к сознанию. – М.: Мир, 1995. – С. 11.

Критикой сциентизма (сайентизма) заняты сегодня и постпозитивизм, и трансформированный экзистенциализм, и феноменология, и философская антропология, и даже социология науки, которая рассматривает ее, науку, как явление чисто западноевропейское, возникшее в век просвещения на волне протестантизма, связанное с капиталистическим производством, техникой, цивилизацией, как явление уникальное и нимало не всеобщее.

Указанная критика, как кажется, перешла сегодня некую меру; выступив когда-то за свободу от идеологической агрессии, постмодернизм сам составил угрозу идеалу ренессансного человека. Споры нет, после постмодернистских текстов любые другие начинают казаться пресными; эстетика постмодерна увлекает. Однако в целом он представляется одной из издержек всеобщего университетского образования, а олицетворяемый им расцвет наук о духе – несколько преждевременным, а в другой мере и самозванным. Современные реалистически мыслящие отечественные философы квалифицируют критику рационализма и сциентизма как своеобразную духовную чванливость творческой интеллигенции нашего времени, делающей вид, что она знает более высокие сферы постижения мира, чем наука. Сложившаяся ситуация начала отрицательно сказываться на качестве научного потенциала. Поэтому ответ не замедлил: в конце XX в. новый импульс получила родившаяся еще в последней трети XIX в. академическая дисциплина *философия науки*. В ее ценностно-смысловом поле классический позитивизм трансформировался в постпозитивизм.

(Для справки: первая кафедра истории науки была основана во Франции в 1892 г. Новые горизонты были открыты в середине XX в. трудами Александра Койре о Галилее и Ньюtone).

Итак.

*Наука* – это мировоззренческая, производительная и социальная сила. На фундаменте научного знания может быть построено максимально достоверное мировоззрение. Внедрение результатов науки – ведущий фактор экономического развития общества. Научное знание меняет сам характер социального взаимодействия, совершенствует социальную структуру, рационализирует социальные институты и трансформирует социальные практики. Приобщение к достижениям науки и ее методам, ее логике и даже терминологии воспитывает в индивиде способность рационально-критического отношения к целям и ценностям, получившим распространение в обществе. Поэтому причастность к научному развитию создает условия для внутренней свободы человека и формирования ответственной и самостоятельной личности.

## Часть I Общие проблемы философии науки

### Тема I. ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФИИ НАУКИ<sup>2</sup>

1. *Наука как предмет философского осмысления.*
2. *Наука как познавательная деятельность.*
3. *Наука как социальный институт.*
4. *Наука как особая сфера культуры.*

Философия науки все еще находится в стадии самоопределения. Ее отношение к теории познания и социологии знания, эпистемологии и методологии является крайне сложным. В особенности это касается нашей страны, в силу ее необычного социокультурного контекста и национально-интеллектуальных традиций.

На западе философия науки является *альтернативой* классической теории познания. В СССР тексты постпозитивистов переводились и обсуждались как *гносеологические*.

Поскольку в 60–70-е гг. XX в. неопозитивизм встретился у нас с резкой критикой, а постпозитивисты выросли из полемики с ним, постольку книги о парадигмах, исследовательских программах и научных революциях были приняты благожелательно, их стали заинтересованно обсуждать. При этом игнорировались серьезные различия в «платформах», с которых велась критика: *диалектический материализм* (выросший из Гегеля) и *постпозитивизм*, – один из вариантов *кантианства*. Совершенно разные традиции постановки проблем и стандарты их решения были приняты «у нас» в СССР и «у них на западе»; однако такие детали не помешали «нам» включиться в обсуждение новой «философии и истории науки», трактующей о *росте научного знания*. В итоге мы внесли постпозитивистов в круг друзей-гносеологов, или, по меньшей мере, друзей гносеологов. Ср.: «В дискуссии Куна с Поппером относительно понимания прогресса научного знания более прав был Кун, так как идея революций в науках куда более плодотворна, чем идея отбрасывания

---

<sup>2</sup> Изложено по: Лекции по философии науки: Учеб. пособие / ред. В.И. Пржиленский. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2008; Тайсина Э.А. Основные западные концепции философии науки: Учеб. пособие. – Казань: КГЭУ, 2007; Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки: Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2006; Философия науки. – М.: Трикста, 2004; – М.: Академический Проект, 2004; Философия и методология науки, в 2-х ч. – М.: SvR-Аргус, 1994; Stathis Psillos. Philosophy of Science A-Z. – Edinburgh Univ. Press, 2007.

прежнего знания под действием принципа фальсифицируемости. Но в споре Куна с Лакатошем более прав был последний: идея смены научных теорий при сохранении их «ядра», при всех уступках Лакатоша феноменализму и даже конвенционализму, все же напоминала идею познавательного восхождения»<sup>3</sup>. А эта идея – гегелевско-марксистская.

В XX в. обновление классики шло «у нас» за счет подключения проблем синергетики, глобального эволюционизма, семиотики. Философия науки совпадала с эпистемологией: шел поиск философских оснований науки, закономерностей и теоретического обеспечения развития научного знания.

На западе же эта онтологическая, гносеологическая, эпистемологическая и методологическая проблематика *в философию науки не включается*. Дело в том, что последняя дисциплинарно сформировалась как итог знаменитого лингвистического поворота. Корни ее следует искать в герменевтике, анализе языка, критике научного разума, социологии науки.

Ее кредо – отказ от предварительного выбора теоретико-познавательной «платформы».

Ее основная тематика – изучение действительно существующей, *наличной науки*, или множества традиций и практик, объединенных данным термином. Ее цель – увидеть за теоретическими схемами и концептами дотеоретические и практические последовательности действий, эффективно работающие в науке и составляющие содержание научной жизни.

Ее критерий истины – ноу-хау, способность решать ситуативно возникающие проблемы. Ее девиз: *It doesn't matter what you know, it only matters what you can do.*

Однако *в нашей стране* по-прежнему ставится задача: построить общую теорию, объясняющую и раскрывающую механизмы успешного функционирования науки. Главной темой отечественной философии науки, *идущей прежним методологическим путем*, стал «поиск закономерностей развития науки в исторически меняющемся мире». Всё тот же путь, всё тот же поиск. «Наука ставит своей конечной целью предвидеть процесс преобразования предметов практической деятельности... в соответствующие продукты... Это преобразование всегда определено сущностными связями, законами изменения и развития объектов... Поэтому основная задача науки – выявить законы,

---

<sup>3</sup> Нарский И.С. Диалектика относительности и абсолютности истины // «Философские науки». – 1978. – № 5. – С. 34–36.

в соответствии с которыми изменяются и развиваются объекты»<sup>4</sup>. На этом пути сохраняются дилеммы материального и идеального, бытия и сознания, объекта и субъекта, истины и заблуждения, чувственного и разумного, сущности и явления, возникшие на заре европейской философии.

*Г 34. Пусть не принудит тебя накопленный опыт привычки  
Зренье свое утруждать, язык и нечуткие уши.*

*Разумом ты разреши труднейшую эту задачу... (Парменид)*

*Федон. 79а. Ведь эти вещи ты можешь ощупать, или увидеть, или ощутить с помощью какого-нибудь из чувств, а неизменные [сущности] можно постигнуть только лишь с помощью размышления... (Платон)*

*Две основных установки науки* суть таковы: самоценность истины (фундаментальные исследования) и ценность новизны, или польза (прикладная наука).

*Два отличительных признака науки* таковы: 1) исследование законов преобразования объектов; отсюда предметность и объективность научного знания; 2) выход науки за рамки предметных структур и производственного освоения. Отсюда: познание объектов не зависит от сегодняшних возможностей их немедленного использования.

### ***1. Наука как предмет философского осмысления***

*Наука и философия.* Ближе всего к науке стоит философия. Особая проблема – взаимоотношение этих двух форм сознания и культуры. Долгое время философия была главной наукой, средством теоретического и методологического объединения практического знания. Наряду с математикой философия представляла собой идеал науки, задавала стандарты научной строгости и полноты. Затем в новое время она уступила пальму первенства физике и другим наукам о природе. Философы стали стараться по строгости метода и обоснованности теории походить на естествоиспытателей... В новейшее время были осознаны разные пути естествознания и гуманитарного знания. Одновременно разделились пути философии и науки.

В классической традиции философия понималась как мать всех наук и царица наук (натурфилософия) или как особого рода наука (диалектический материализм). Особость эта полагалась в универсальности объекта и метода философии. Однако в рамках основных направлений философии XX века – экзистенциализма и позитивизма – произошла демаркация той и другой:

---

<sup>4</sup> Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-традиция, 2003. – С. 39–40.

1) философия подобна поэзии, она глубоко индивидуальна и не должна давать знания о действительном мире, а призвана заглянуть в глубины человеческого существования (экзистенциализм); 2) философия не дает вообще никаких знаний, хотя и пользуется научными методами. Ее цель – прояснение смысла уже полученных *науками* знаний (позитивизм).

В нашей философии признается факт различия научного и философского знания. Наука исследует явления путем его операционализации, конструирования, математического моделирования. Философия же задается вопросом о сущности и смысле явления, она рассматривает вещи как таковые. Она не должна формировать из объекта предмет как переходную ступень познания согласно примененному методу. Эти конструкции, как считается, пришли в классическую гносеологию из Нового времени («картезианская парадигма», «локковская парадигма»...).

Наука подобна живой природе. Жизнь, единая в принципе, по сути своей не может существовать, не воплощаясь во множестве форм. Так и наука; она полиморфна. Ее полиморфизм обусловлен реальным многообразием и самой действительности, составляющей объект научного интереса, и инструментария, эффективность которого проявляется по-разному в различных познавательных ситуациях. В свою очередь, единство науки выражается во все более отчетливых взаимосвязях составляющих ее разделов, а объясняется оно существованием общих основ познания. Весь вопрос в том, истинно ли это объяснение.

Структурно идеал научности может быть в первом приближении представлен в виде пирамиды познавательных ценностей. По поводу вершины этой пирамиды в классической модели существовало относительное единство взглядов. Это была ориентированность на объективную истину – вернее, сама *объективная истинность* научных знаний, ибо это соответствует наиболее важным, базисным познавательным интересам человеческого рода и общей тенденции развития научного познания.

В XX столетии, как было сказано, идеал научности претерпел существенные изменения. Произошел радикальный, качественный переход от веками утвердившихся классических представлений о науке к некоторому новому, формирующемуся на наших глазах ее образу и идеалу. Этот переход выразился:

- в кризисе *классических* представлений об идеале научного знания во всех его формах и модификациях;

- в выявлении, анализе и резкой критике его *фундаментальных* основоположений;

– в выдвигании *альтернатив* основоположениям классического идеала научности;

– в попытке выдвигания *новых* идеалов научности.

Поэтому сегодня весьма острыми являются следующие вопросы:

– Каковы общие тенденции развития науки?

– Возможны ли альтернативные идеалы научности?

– Какие разделы, формы, виды науки соответствуют идее «гуманноориентированного», управляемого научно-технического прогресса?

– Возможен ли сам этот прогресс?

\*\*\*

Для справки: *научное знание* – это информация, получаемая специфическими научными методами и средствами и фиксируемая в особых единицах, или формах. Научное знание значительно более достоверно, точно и эффективно, нежели знание, полученное в процессе религиозного, философского или обыденного познания.

Научные знания систематизированы, обоснованы, рациональны, стремятся к полноте, ясности и объективной истинности и вместе с тем обладают интерсубъективностью. Они выполняют функции описания, объяснения и предсказания. Важнейшие виды и единицы научного знания: теории, дисциплины, области исследования (в т.ч. проблемные и междисциплинарные), области наук (физические, математические, исторические и т.д.), типы наук (логико-математические, естественные, инженерные, социальные, гуманитарные). Важнейшие формы: идея, принцип, научный факт, проблема, гипотеза, теория, концепция, закон.

Научное знание существует на двух уровнях. **Эмпирические** данные должны допускать многократную проверку. **Теоретические** концепции должны соответствовать опытным данным и быть логически непротиворечивыми; от них ожидается и возможность прогноза, научного предвидения. *Хотя бы один* элемент теории (в целом состоящей из взаимно логически согласованных элементов) **должен иметь самостоятельное основание своей достоверности.**

*Рациональность* вообще – это особый тип мышления. Источником рационального знания считается не чувственный опыт как таковой, не *πῦρ τεχνικόν* – огонь художественного воображения, не религиозно-мистическое откровение, не экзистенциальные страсти, а только *мышление* – либо в форме конструирования абстрактных объектов (мира «чистых сущностей», или мира идеального), либо, в результате успехов британского (и иного) эмпиризма, в форме построения абстрактных моделей чувственного опыта.

Полученное в результате деятельности мышления *рациональное* знание должно отвечать следующим необходимым и достаточным требованиям:

- 1) *языковой выразимости (дискурсивности);*
- 2) *определенности;*
- 3) *системности;*
- 4) *обоснованности;*
- 5) *открытости критике;*
- 6) *рефлексивности (самоуправляемости процесса мышления);*
- 7) *способности к усовершенствованию*<sup>5</sup>.

Требование ясности и определенности мышления – главное условие его рациональности. Оно имеет не только собственно научный, но и адаптивно-практический смысл, составляя необходимую основу поведения, всегда предполагающего и осуществляющего некий выбор между А и не-А.

Рациональное мышление и рациональное знание – более широкие понятия, чем научное знание. Хотя всякое научное знание рационально, не всякое рациональное знание научно. Многие пласты обыденного и философского знания – рациональны, но не-научны.

Основные свойства *научной* рациональности таковы:

- объектная предметность (эмпирическая или теоретическая);
- однозначность;
- доказанность;
- проверяемость (эмпирическая или аналитическая);
- способность к улучшению.

Важно отметить, что реализация каждого из указанных свойств может быть достигнута и достигается существенно различным образом в разных типах наук (логико-математических, естественных, инженерно-технических, социально-гуманитарных).

## ***2. Наука как познавательная деятельность***

Наука определяется как *рационально-предметная деятельность*. С точки зрения всеобщих характеристик сознания, наука может быть определена как *рационально-предметная деятельность сознания*. Ее цель – построение мысленных моделей предметов и их оценка на основе внешнего опыта.

---

<sup>5</sup> Философия науки. – М.: Трикста, 2004; М.: Академический Проект, 2004.

Её характерной чертой современная учебно-научная литература полагает рефлексивность, самоотражение: «...направленность на себя, исследование самого процесса познания, его форм, приемов, методов, понятийного аппарата»<sup>6</sup>.

Любая деятельность:

- имеет цель;
- имеет конечный продукт;
- обладает методами и средствами его получения;
- направлена на некие объекты;
- представляет собой деятельность субъектов,
- вступающих в определенные социальные отношения и образующих различные формы социальных институтов

По всем этим измерениям наука существенно отличается от других сфер человеческой деятельности.

*Главная цель – получение адекватных знаний о реальности.*

*Продуктом* научной деятельности являются научные знания, но не только они. Это также многочисленные приборы и технические установки; это новый стиль рациональности; это большие социальные ценности, в том числе нравственные. Сторонники социологии знания относят к таковым не только «проверенное практикой и логикой адекватное отражение в сознании человека действительности», но и предоставляемые аксиологические смыслы, логику, запас информации (и дезинформации).

Научные знания, так же как приемы их получения, организации, трансформации, хранения и передачи можно делить на *традиционные и нетрадиционные*. Такая дифференциация хорошо сочетается с парсоновской классификацией традиционных и современных социальных систем. Интересен дополнительный, социологический критерий истинности научного знания. В знаменитой Сильной Программе Социологии Науки Д. Блур и С. Барнса (Bloor D. Knowledge and Social Imagery. The University of Chicago Press, 1991) изложен принцип: научные объяснения должны быть *симметричными*. Это означает, что одни и те же причины должны объяснять появление как истинных, так и ложных (или считающихся таковыми) теорий. Физиолог объясняет одними и теми же причинами и здоровье, и болезнь; инженер – и работу, и поломку машины и т.д.<sup>7</sup>

<sup>6</sup> Дзегуганов Б., Стрельченко В., Балахонский В., Хон Г. История и философия науки. – «Питер», М., СПб, Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Екатеринбург и др. 2006. – С. 242.

<sup>7</sup> Изложено по: Нугаев Р.М. Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология. – Т. 8. – 1997. – № 8. – С. 10.

Знания также можно классифицировать как *локальные и глобальные, научные и ненаучные (обыденные)* и пр. Можно выделить графы «факты», «обобщения», «знания», «умения», «навыки», «формы существования знания», «методы их приобретения», «нормы и оценки», «аргументация» и т.д.; освоение, применение, способы и формы управленческой деятельности, способы осмысления информации, степень цивилизованности социума и др. Достаточно воспользоваться на этот счет классификациями, уже созданными и отработанными в таких областях как социология науки, социология знания, эпистемология, теория и методология науки. Можно особо ввести графу «*способность к самообучению*»: это главный признак интеллектуальной одаренности. В странах с развитой рыночной экономикой задатки и навыки, позволяющие самостоятельно, быстро и систематически овладевать все новыми знаниями, имеют решающее, сугубо практическое значение: при приеме на работу способность к самообучению оценивается выше, чем специализированная информация, которая быстро устаревает. Самообучение, в свою очередь, порождает новые способности и новые специфические формы знания<sup>8</sup>.

*Методы и средства получения научного знания*, во-первых, логические. «С логической точки зрения, человек полностью свободен в смысле того, о чем рассуждать, и лишен свободы в смысле того, как рассуждать. Объективные законы логики ограничивают свободу рассуждений подобно тому, как законы природы и общества ограничивают свободу действий человека»<sup>9</sup>. Базовые логические методы и процедуры – это анализ и синтез, индукция, традукция и дедукция, абстрагирование и обобщение, доказательство и опровержение, систематизация, классификация.

Во-вторых, это общенаучные методы, такие как идеализация, символизация, формализация, математизация; системно-структурный анализ, моделирование, интерпретация и т.д.

Научные методы подразделяются и в соответствии с уровнями добывания и существования научного знания: описание, объяснение, наблюдение, сравнение, измерение, эксперимент, другие эмпирические методы, присущие опытному уровню познания. Наконец, это аксиоматические или генетические приемы построения теорий, а также способы их проверки. Количественная и качественная оценка полученных результатов даются при помощи специальных процедур, эталонов и приборов. Особое значение имеет измерение времени, расстояния

<sup>8</sup> См.: Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал, 1999. – С. 393–394.

<sup>9</sup> Быстров П.И. Загадки логических рассуждений // Эпистемология & философия науки. – Т. XXIX. – № 3. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 124.

и энергии. Вместе с этим особенности самих объектов познания и соответственно различные познавательные задачи диктуют появление все новых частнонаучных методов, характерных даже не для отдельных дисциплин, но для отдельных областей исследования.

Важнейшим средством научного познания является сам *язык* науки, особый функциональный стиль, характеризуемый терминологической лексикой, высокой степенью символизации, определенностью понятий, четкостью утверждений, стремлением к строгой логичности. В языке лучше всего реализуется один из критериев истинности научного знания: непротиворечивость. Истинное знание должно соответствовать законам аристотелевской логики, в особенности второму, гласящему: нельзя, не противореча себе, утверждать, а затем тут же отрицать то же самое, о том же самом, в том же отношении или в то же время. Логическое противоречие свидетельствует либо о заблуждении, либо о лжи.

Важным средством, широко используемым в современной науке не только в естественнонаучном, но и в социогуманитарном познании, является *математика*. (Что характерно: в последнее время так называемые «точные» и естественные науки заговорили, со своей стороны, о гуманитарных, социокультурных предпосылках и интерпретациях...)

*Объектом науки может являться любой фрагмент действительности.* Она изучает природу, общество, человека, культуру и даже самое себя. В последнем случае предметом мышления является сама наука, ее идеальные объекты, ее методы и высказывания. Отечественная философия науки сформировалась как изучение общих закономерностей научного познания в его историческом развитии и изменяющемся социокультурном контексте.

Наука исходит из постулата, что все сущее в мире может быть познано из него самого, на основе действующих в нем законов. Это отличает науку от теологии.

*Субъект науки* – фигура ученого – это особая социальная ценность. Это люди большой культуры, широких и разносторонних интересов. В этом пункте мы можем окончательно перейти к одному из самых новых подходов к науке, социо-культурологическому, точнее, социально-философскому.

О «человеке познающем», или творческом индивиде, сказано: «Сегодня это поначалу обитатель «индивидуальной культурной лаборатории», в которой вырабатываются основные смыслы и ценности, определяется отношение к внешней (предпосылочно-предметной) и внутренней (оперативно-нормативной) социальности. Затем познающий

субъект, сравнивая эти виды социальности, самоопределяется по отношению ко всей доступной культуре, выбирая наиболее близкие себе формы, и устанавливает внешесоциальные связи. Постепенно из его круга общения выходит и распространяется то, что называется традицией»<sup>10</sup>.

Люди науки организуются в соответствующие профессиональные сообщества и институты, фиксирующие и распространяющие научное знание «в виде печатной продукции и компьютерных баз данных»<sup>11</sup>.

Сообщество научных работников играет важную роль среди других профессиональных сообществ. Особую роль в трансформации общества играет *научная элита*. При посредстве научной элиты осуществляется взаимосвязь науки с обществом и государством. Она влияет на принятие решений о финансировании науки в целом и отдельных ее отраслей, материально-техническое обеспечение исследовательской деятельности, на определение приоритетных научных направлений, осуществление научных связей как внутри социума, так и на международном уровне, управление научными кадрами и их воспроизводством и т.д.

### ***3. Наука как социальный институт***

Превращение современной науки в огромную организационную систему выдвинуло на одно из первых мест проблему эффективного и оптимального управления ею. Управление может считаться рациональным и эффективным (интеллектуальным) в том случае, если опирается на адекватное и достаточно полное знание управляемого объекта, т.е. науки и прежде всего ее продукта – научного знания.

Прямо или косвенно наука причастна к разработке и принятию любых управленческих решений. Со своей стороны, государство осуществляет управление наукой. Оно заключается в следующем.

– Пересмотр финансового обеспечения науки и образования как в рамках бюджетного, так и внебюджетного финансирования; необходима ясная картина относительно объемов этого финансирования.

– Создание технологии конкурсного отбора тематики исследований с учетом того факта, что финансирование на сегодняшний день во многом является адресным.

---

<sup>10</sup> Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. Проблемы неклассической теории познания. – СПб., 1998.

<sup>11</sup> Философия науки. – М.: Трикста, 2004; М.: Академический Проект, 2004. – С. 25–26; Философия и методология науки: в 2-х ч. – М.: SvR-Аргус, 1994.

– Разработка системы сертификации результатов исследований и в перспективе создание базы данных и биржи научных результатов.

– Разработка механизмов компенсации затрат на проведение исследований.

– Выработка системы финансово-экономических мер, необходимых для контроля и управления наукой в учебных заведениях.

Главная цель любой науки – получение новых знаний, поэтому управлять наукой значит управлять процессом порождения новых знаний. Ядром любой современной (естественнонаучной или гуманитарной) дисциплины является система взаимосвязанных теорий. Что касается управленцев от науки, то они часто мыслят лишь категориями фондов заработной платы, объема продукции и численности сотрудников. Вопросы о распределении и функциях знания расцениваются как не имеющие прямого отношения к проблемам управления. Но теория является наиболее плодотворным и эффективным исследовательским инструментом. Вне рамок теории попытки идентификации и обоснования тех или иных новаций носят не научный, а вкусовой или конъюнктурный характер. Например, без наличия социальной теории неясно, какую именно информацию о происходящих в обществе процессах нужно получить. Несмотря на то, что теория выполняет в принципе одни и те же функции и в естествознании, и в обществоведении, при анализе конкретных теорий в социологии науки гораздо больше внимания уделяется их специфическим особенностям, чем выяснению основания их единства. Конечная цель всех механизмов управления наукой состоит в стимулировании труда научных работников и коллективов, и поэтому по отношению к субъекту научного исследования от органов управления требуется обеспечение надлежащих условий для выполнения научным сотрудником своей работы, оценка качества полученных результатов и включение их в систему научных знаний. Обеспечение надлежащих условий предполагает проведение ряда мероприятий:

1. Включение работника или коллектива в правовую систему общества.
2. Включение их в социально-экономическую систему общества.
3. Создание эргономических условий для выполнения научной работы.
4. Удовлетворение профессиональных требований.
5. Превентивные меры относительно утечки кадров.

Учитывая мировой опыт, социологи науки выделяют три основные концепции государственной политики в этой сфере. Во-первых, это *концепция активного регулирования*. В принципе, нет ничего невозможного в том, чтобы интеллектуальная межгосударственная миграция регулировалась при

помощи правовых, административных, экономических и иных мер. Для этого необходимо сочетание внутригосударственных и международных правовых актов, предусматривающих возвращение мигрантов. Такая концепция жизненно важна для стран-доноров. Во-вторых, это концепция *«невмешательства»*, характерная для стран-реципиентов. В-третьих, это концепция *ориентации на перспективу*, на международное сотрудничество при соблюдении интересов как самих мигрантов, так и заинтересованных государств.

Дело на сегодня обстоит таким образом: иностранным и отечественным инвесторам предлагается либо разместить на нашей территории производство, либо осуществлять сборку с долей отечественных комплектующих некоторой наукоемкой продукции – компьютеров, цифровых телефонных станций и т.д. Этот путь не приводит к желанным изменениям. Современное производство, например, в телекоммуникационной отрасли, автоматизировано на 90–95 %, конечная продукция стремительно дешевеет, и наибольший вклад в ее стоимость вносит не собственно «железо», тем более и не сборка, а *программное обеспечение*. Размещение таких производств в России не особенно рентабельно, тем более, что у иностранцев существуют обоснованные опасения насчет целесообразности размещения недвижимости в нашей стране с учетом политико-экономической ситуации.

Несовершенное налоговое законодательство, нерешенность проблемы вывоза капитала, отсутствие информации об интеллектуальных кадрах мешают осуществлению подобных проектов. С помощью известных за рубежом экспертов можно было бы формировать коллективы исполнителей для конкретных заказов. Однако если научный потенциал в виде своей реализации (внедрения в науке и технике) опаздывает в своем развитии, то техническая реконструкция затягивается, научно-технический прогресс мало ориентируется на положение дел в экономике, и, следовательно, мало затрагивает ее нужды.

Человек является рациональным существом. При помощи разума он объясняет прошлое, прогнозирует будущее и ориентирует свои действия соответственно сделанным прогнозам. В этом качестве наука влияет на все сферы жизни общества, выступая экспертом при решении самых разнообразных проблем; при этом взаимосвязь науки и власти, науки и идеологии сложна и неоднозначна. Прямо или косвенно наука причастна к разработке и принятию любых управленческих решений.

Сообщество научных работников играет важную роль среди других профессиональных сообществ. Разум и расчет проявляются там, где ранее господствовало благоговение перед неподвластными человеку стихиями.

Наука объясняет настоящее и тем самым позволяет прогнозировать будущее, что служит основанием для действия, индивидуального и коллективного.

Если раньше общественное развитие определялось такими феноменами, как демократия, диктатура, олигархия, либерализм, коммунизм, капитализм, консерватизм, национализм, то сегодня на первый план вышла оппозиция современности («общества знания», информационного общества) и традиционализма.

Переход из традиционного общества в современное лежит через модернизацию. Она предполагает радикальное изменение всех сфер общественной жизни, всех политико-правовых и экономических институтов, технологий и способов управления. Но наиболее значимые перемены происходят с самим человеком, его внутренним миром. Новому человеку свойственны или должны быть свойственны:

- высокая адаптивность к новому;
- приспособляемость к изменениям;
- рациональность мышления;
- вера в эффективность науки (в частности, медицины);
- способность к выбору и принятию самостоятельного решения относительно собственной судьбы;
- индивидуализм;
- стремление к самоутверждению;
- честолюбие по отношению к себе и к своим детям;
- интерес к политическим вопросам;
- высокая степень самостоятельности в политическом выборе.

Даниэль Белл, основоположник концепции нового, информационного (постиндустриального) общества, именуемого также «обществом знания» – the society of learning, – построил следующую статусную иерархию (ось «знания»):

**I. Класс профессионалов:**

- 1) научное сословие (академическая и вузовская наука);
- 2) технологическое сословие (прикладные типы знания: инженерное, медицинское, экономическое);
- 3) административное сословие;
- 4) культурологическое сословие (художественная и религиозная деятельность).

**II. Класс техников и полупрофессионалов.**

**III. Класс служащих и торговых работников.**

**IV. Ремесленники и полуквалифицированные рабочие («синие воротнички»).**

Объектами собственности выступают в массе прежде всего технические знания, получаемые посредством обучения в соответствующих учебных заведениях. В этом смысле основанием благосостояния и власти служит интеллектуальный капитал.

#### ***4. Наука как особая сфера культуры***

Наконец, в последнее время в философии науки определенно поставлен вопрос о том, в какой мере интеллект способен эффективно функционировать, находясь в зависимости не только от природного в человеке, но и от его культуры. Возможно, что это взаимопроникновение прежде всего и сказывается на накоплении и актуализации интеллектуального потенциала общества и отдельных его представителей.

В этом качестве наука реализуется в той системе ценностей, которая сформировала современную цивилизацию, часто называемую *техногенной* (варианты: посттрадиционной, индустриальной, рациональной, либеральной, модернистской, пострелигиозной и даже глобальной). Эта система ценностей соединяет естественнонаучные идеалы точности и эффективности с этическими (гуманитарными) идеалами свободы и самооценности личности. Она ориентирует человека на самостоятельное определение своей судьбы на основе разумного решения и морального выбора (вообще говоря, это традиционные ценности философии). В основе новой системы ценностей лежит ценность *научной рациональности*. Ей приписывается роль творца нового мира – техногенной цивилизации.

Подлинная рационализация общества стала реальностью во времена промышленной революции и просвещения. Тысячелетиями человек использовал миф как единственно доступный способ объяснения всего происходящего. Миф соединяет разумное и фантастическое, смешивая правду и вымысел, «заколдовывает» мир. Человек в таком мире не стремится рассуждать, его действия определяются обычаем и традицией. К *традиционным* относятся и доисторические племена, и древние цивилизации, и средневековые общества.

Культурная матрица техногенной цивилизации закладывается в эпоху Ренессанса. Важнейшей основой жизнедеятельности становится развитие техники и технологии, причем не только путем стихийно протекающих инноваций в сфере самого производства, но и за счет генерации все новых научных знаний и их внедрения в технико-технологические процессы. Теперь уже не культура определяет технику, а техническое развитие все в большей степени детерминирует развитие культуры.

За последние 400 лет произошли огромные изменения в жизни человека и социума. Культура, сформировавшаяся под воздействием научного прогресса, очень сильно отличается от традиционной культуры, характерной для всех остальных цивилизаций. Произошло, по меткому выражению Макса Вебера, расколдовывание мира. Наука не только изменила технические возможности человека, но и оказала колоссальное воздействие на общество и его ценности. Изменение вместо сохранения становится главной задачей нового мира. Свобода и равенство заявляются как приоритетные ценности человека, защищать которые призвано государство (и все общество).

Эпоха Просвещения провозгласила три главные идеи, отличающие его от предыдущих столетий:

1. Необходимо реформировать общественные институты на принципах разума.
2. Условием успешного реформирования является воспитание нового человека, свободного и ответственного гражданина.
3. Человек может стать свободным, лишь освободившись внутренне (приобщившись к научному знанию).

Если традиционные культуры создавали у человека бытийную ориентацию на прошлое, то общество техногенной цивилизации смотрит в будущее.

Для традиционного мышления будущее – это повторение прошлого, для современного – это продолжение прошлого в условиях необратимого исторического времени.

Если прежние цивилизации рождали технические приспособления, то ныне сама техника творит цивилизацию, определяет логику и темп ее развития. Как об этом писал С. Хантингтон:

Для *традиционного* общества характерны:

- Преобладание аскриптивных, диффузных моделей мотивации;
- Стабильность социальных групп;
- Ограниченная пространственная мобильность;
- Простая и постоянная профессиональная дифференциация.

Для *техногенного* общества характерны:

- Преобладание «достижительских» моделей мотивации;
- Социальная мобильность, в т.ч. «вертикальная»;
- Высокоразвитая система профессий;
- Эгалитарная стратификация, основанная на достигаемых статусах.

По отношению к научному знанию культура выполняет две основные функции – эвристическую и селективно-стабилизирующую. С одной стороны, культурное наследие способствует генерации новых научных

концепций в рамках данной парадигмы мышления, т.е. выступает как социокультурная программа научного поиска. С другой стороны – культура есть важнейший фактор социальной стабильности в процессе обоснования и выбора оптимальной стратегии развития науки и интеграции новых теоретических знаний в культуру эпохи, этноса, социума.

О зависимости интеллекта от культуры до сих пор говорилось вскользь, без конкретизации состояния и уровня культуры<sup>12</sup>. Вместе с тем именно уровень культуры обеспечивает уровень эффективности реализации достижений науки. Уровень культуры характеризуют по-разному: в зависимости от традиций, языка, социальной памяти. Уровни культуры различают и по объему содержащейся информации, степени сложности, мере кристаллизации, синтезирования. В.И. Разумов предлагает осуществить определение с опорой на содержание и тип доминирующей потребности человека, внутренне детерминирующий его жизненную стратегию, стиль и формы поведения. Этот ученый различает три основных таких уровня:

1. Витальный. Здесь находят удовлетворение физические (мы предпочитаем говорить «биопсихосоциальные») потребности человека.

2. Креативный. Образуется на базе витального. Здесь происходит заметное повышение эффективности интеллекта, выявляются его новые потенциальные возможности как элемента творческого процесса.

3. Тотальный. С максимальной полнотой выражает сущность культуры как духовного опыта человечества. Здесь доминирующая потребность – потребность в другом человеке, в собственно человеческой окружающей среде. Смыслы деятельности становятся наиболее содержательными и определяют новые возможности взаимодействия и контакта с интеллектом. Такое подключение повышает эффективность работы не только за счет содержательно возросших смыслов, но и за счет повышения ответственности человека за меру реализации себя в интересах развития человеческой культуры, развития самого человека<sup>13</sup>.

Итак, эволюция подходов к анализу науки, происходившая в новейшее время, такова.

Наука, ранее понимавшаяся исключительно как *система знаний*, сегодня предстает еще в нескольких основных качествах (аспектах, ипостасях). Они тесно взаимосвязаны, но не сводятся друг к другу:

<sup>12</sup> Проблемы интеллектуального развития организационных систем // Материалы VII конференции. – Новосибирск, 1991. – С. 50.

<sup>13</sup> Там же. – С. 18.

- наука как специфическая система знаний;
- наука как познавательная деятельность;
- наука как социальный институт;
- наука как особая сфера культуры.

Сообразно этим основным ипостасям складывались и разные подходы к анализу науки.

В современной философии науки доминируют четыре подхода:

1. Логико-эпистемологический.
2. Историко-критический.
3. Социологический.
4. Культурологический.

В последующих разделах все эти сюжеты будут рассматриваться подробно.

## **Тема 2. ПОЗИТИВИСТСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

### ***1. Позитивизм I. Его зарождение.***

### ***2. Позитивизм II. Эмпириокритицизм.***

Термин «позитивизм» в широком смысле обозначает сложное движение «эпохи спокойствия» в Европе: его развитие продолжалось, начиная с 1840 г. почти до I мировой войны. Социальный *прогресс этого времени очевиден*:

- колониальная экспансия в Азии и Африке;
- индустриальная трансформация;
- научные открытия;
- технологические проекты (Суэцкий канал, Эйфелева башня);
- изменение образа жизни;
- рост городов, транспортных сетей, коммуникаций и т.д.

В узком смысле позитивизм – это особое направление современной философии, прошедшее в своем развитии 4 стадии.

### **Позитивизм I**

#### **Характерные черты позитивизма**

1. В противовес идеализму утверждается примат науки над «метафизикой».
2. Методология естественных наук распространяется на общество.

3. Рождается социология – часть и продукт позитивизма.
4. Вера в прогресс, благосостояние и солидарность.
5. Вера в научную рациональность.
6. Вера в светскую трактовку культуры.

### *Огюст Конт*

Родоначальник позитивизма, «отец социологии», Огюст Конт, родился в Монпелье. Закончил политехническую школу. Там произошло его теоретическое знакомство с эмпиризмом. Ученик и секретарь «утопического социалиста» Анри де Сен-Симона, впоследствии разошелся со своим патроном и наставником во взглядах на общественное развитие. В 20-е гг. произошло оформление его философского проекта «человеческой эволюции, индивидуальной и коллективной». Главное открытие О. Конта – Закон трёх стадий развития общества (теологическая, метафизическая, позитивная).

«Курс позитивной философии» наблюдение,

«Система позитивной политики» сравнение,

Социология как социальная физика эксперимент

**Цель науки:** исследование законов и предвидение событий для влияния на человеческую активность.

Основной закон социальной статики: связь различных аспектов, сходство феноменов (коммуникативность человека, семья, кооперация)

Основной закон социальной динамики: закон 3-х стадий и прогресса

1. Социальная статика изучает Порядок, социальная динамика изучает Прогресс.

2. История есть развертывание человеческой природы.

3. Традиция имеет большую важность и ценность.

4. Социальная физика – необходимая предпосылка рациональной политики.

5. Философия есть методология наук.

6. Преподавать науки следует в их генетическом порядке: [математика] → астрономия → физика → химия → биология → социология.

Человечество – «Великое Бытие»

Пространство – «Великая Сфера»

Земля – «Великий Фетиш»

} «Святая Троица»

Первая фаза *английского* позитивизма называлась утилитаризмом.

Его создатель – Иеремия Бентам; его основной тезис: максимум возможного счастья для наибольшего числа при минимуме страдания. Мораль основана на пользе. Никаких «естественных прав» не существует.

**Джон Стюарт Милль.** «Система рассудочной и индуктивной логики». Индукция тотальна, и она есть обобщение **опыта**.

### ***Герберт Спенсер***

Английский философ и социолог. Ещё до *Дарвина* открывает основные законы эволюционного развития мира: «Гипотеза развития» и «Основания психологии». Работа «Система синтетической философии» появилась уже *после* публикации «Происхождения видов».

Характерная черта мировоззрения Г. Спенсера – глубокий оптимизм и вера в прогресс.

Спенсер считал, что философия – это познание на ступени максимального обобщения. Наука – это частично унифицированное познание, а философия – полностью унифицированное познание.

Философия начинает с наиболее общих принципов, к которым пришла наука (неуничтожимость материи, непрерывность движения, сила сопротивления). Она формулирует *самый общий принцип: непрерывного перераспределения материи и движения*.

Эволюцию Спенсер понимал как переход от:

- 1) менее связанного к более связанному;
- 2) гомогенного к гетерогенному;
- 3) неопределенного к определенному.

***Этот переход обеспечивает достижение величины необходимого равновесия и счастья.***

Спенсер одним из первых рассматривал психологию как автономную науку. Наиболее известные работы: «Человек против государства», «Социальная статика», «Основания социологии». Основные мысли:

– изучение низших проявлений ради знания высших (например, изучаешь рефлексы → понимаешь искусство);

– что априорно для индивида, то апостериорно для вида, ибо интеллектуальные достижения наследуются органическими структурами;

– общество – для индивида, а не наоборот;

– этические принципы и нормы – инструменты приспособления к среде.

## Позитивизм II. Эмпириокритицизм

Конец XIX – начало XX вв. характеризовался важнейшим интеллектуальным событием, имевшим серьезный мировоззренческий резонанс. Это начало научно-технической революции.

Первый этап НТР – «новейшая революция в естествознании»:

- подтверждение существования атома;
- изменение материалистических представлений об атоме;
- открытие атомной энергии и физики микромира;
- открытие невидимых лучей;
- открытие принципиальной несводимости различных физических картин мира: классической и неклассической, релятивистской и квантово-механической.

Новая физика склонилась к позитивизму (идеализму). Эмпириокритицизм (другое, более короткое название «махизм») есть «критика на основе опыта». Это своеобразная теория познания.

### *Эрнст Мах*

Австрийский физик, механик. Его лекции слушает молодой Эйнштейн. Как ученый, строит механику, отказываясь от ньютоновских абсолютных пространства, времени и движения. Сознательно поворачивает изучение проблем акустики и оптики в область физиологии. Как философ следует за субъективным идеализмом, например, определяет вещь в качестве комплекса ощущений (Ср.: Беркли: «комбинация ощущений»). Расширяет понятие «элементов мира» до (физических и) психических. Главное понятие – *опыт*, оно призвано заменить «архаическое» понятие материи. Процесс познания начинается с «нейтральных элементов мира» – ощущений, которые являются не чисто физическими и не чисто психическими началами. Эти «начала» являются абстракциями и реально не существуют. Лишь «комплексы ощущений» благодаря психическому синтезу образуют «реальные» предметы, называемые по именам. Основные работы, переведенные на русский язык: «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» (1908), «Познание и заблуждение» (1909), «Механика» (1909).

### *Рихард Авенариус*

Швейцарский физик. В теории познания выдвинул теорию *принципиальной координации* «Я» и «не-Я», «главного члена» и «противочлена» (аналог фихтеанской Ich – Nicht-Ich).

Ленин объяснял суть этого учения в «Материализме и эмпириокритицизме»: положение о *неразрывной (unauflösliche) координации* (т.е. соотносительной связи) *«нашего Я (des Ich) и среды»*. «Философски выражаясь, – говорит... Авенариус, – можно сказать: “Я и не-Я”». И то, и другое, и наше Я и среду, мы *«всегда находим вместе»* (immer ein Zusammen-Vorgefundenes). «Никакое полное описание данного (или находимого нами: des Vorgefundenen) не может содержать «среды» без некоторого Я (ohne ein Ich), чьей средой эта среда является, – по крайней мере того Я, которое описывает это находимое. Я называется при этом *центральным членом* координации, среда – *противочленом* (Gegenglied). (См. Der menschliche Weltbegriff. 2-е изд., 1905).

### *Анри Пуанкаре*

Известный французский математик и методолог науки. Закончил Сорбонну. Президент Французской академии наук. Автор около 500 работ, в т.ч. «Курс математической физики» в 12-ти т.; работы о природе интуиции, индукции, гипотезы; о моральности и объективной ценности науки. Коммуникативный подход к исследованию познавательной деятельности. Идеи о «свободном соглашении» или «замаскированном соглашении», лежащих в основе ее. Одна из наиболее дискуссионных и вполне современных проблем – конвенции и конвенциональность в науке: «Никакая геометрия не может быть более истинна, чем другая; та или иная геометрия может быть *только более удобной*». Это значит: 1) проще всех других; 2) согласована с реальностью (реальными твердыми телами, к которым приближается наш организм и наши приборы). Это *соглашения*, но не *произвольные*. Скажем, «принципы – это соглашения и скрытые определения. Тем не менее, они извлечены из экспериментальных законов; эти последние были, так сказать, возведены в ранг принципов, которым наш ум приписывает абсолютное значение». «Инвариантные законы суть отношения между голыми фактами, тогда как отношения между “научными фактами” всегда остаются в зависимости от некоторых условных соглашений». «Что объективно, то должно быть обще многим умам, а значит, должно иметь способность передаваться от одного к другому; путь объективности есть путь общения посредством речи».

На русском языке опубликован сборник «О науке», М., 1983.

### Тема 3. ЛОГИКО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НАУКИ

1. *Позитивизм III. Неопозитивизм.*
2. *Логический синтаксис и логическая семантика.*
3. *Критический рационализм.*

Исходные идеи позитивизма, в русле которого развивалась западная логика и методология науки, как известно, таковы:

Главная проблема: научный метод и эмпирическое обоснование науки. «Инструменты» ее решения:

- Гносеологический феноменализм.
- Методологический эмпиризм.
- Формально-логический анализ, логицизм.
- Дихотомия аналитического и синтетического знания.
- Дихотомия эмпирического и теоретического.
- Принцип верификации (позже – верифицируемости).
- Редукционизм.
- Противопоставление науки и философии.
- Противопоставление контекста открытия и контекста обоснования.
- Элиминация мировоззренческих проблем.
- Элиминация проблемы развития научного знания, антиисторизм.
- Физикализм.

Главное допущение – радикальный сциентизм.

Главная абстракция – рассмотрение науки как текста, состоящего из разного рода высказываний.

\*\*\*

Неопозитивизм обнаруживает глубокое родство с кантианством, берклианством, юмизмом.

Он возник в Венском кружке (другой географический центр – Львовско-Варшавская школа). Несколько учеников Морица Шлика – Р. Карнап, О. Нейрат, Л. Витгенштейн, Х. Рейхенбах – выступили в 1929 г. с программным сочинением *Wissenschaftliche Weltauffassung* и основали собственный журнал *Erkenntnis*. В связи со второй мировой войной они эмигрировали в англоязычные страны: США, Англию, Новую Зеландию.

Венский кружок испытал влияние Рассела, математической, или символической, логики, теоретической физики. *Unified science*.

Символическая логика принимает во внимание лишь синтаксические категории и их структурные связи. Основной метод – логическое исчисление. Символика; аксиоматика; структурные связи. (Шахматы). Свыше 60-ти символов; 5 видов исчислений.

Знаковые фигуры: Лейбниц, Буль, Пирс, Фреге, Пеано, Рассел и Уайтхед (*Principia mathematica*), Лукасевич, Гилберт. Львовско-Варшавская школа: А. Тарски.

### *Мориц Шлик*

ШЛИК (Schlick) Мориц (1882–1936) – австрийский философ, физик и логик. Диссертация по физике под руководством М. Планка (1904). Профессор в Ростоке и Киле (1911–1922), Вене (с 1922), в Калифорнийском университете (1931–1932), ведущий представитель раннего этапа логического позитивизма, основатель и председатель Венского кружка. Основные работы: «Пространство и время в современной физике» (1917), «Всеобщая теория познания» (1918), «Вопросы этики» (1930), «Позитивизм и реализм» (1932), «Природа и культура» (1952) и др. В 1938 г. было издано собрание сочинений Шлика. Неопозитивистская программа анализа знания, разработанная Шликом в фундаментальном труде «Всеобщая теория познания», претерпела упрощение в англоязычной версии.

Шлик разрабатывал вопрос об априорном характере логики и математики. Отыскивал априорные синтетические суждения. Пытался с позиций физики разрешить психофизиологическую проблему. Изучал категории материи, пространства, времени, причинности; этические понятия вплоть до гедонизма.

Шлик объявил, что философия не является наукой, однако она может быть научной и ненаучной. Ненаучная философия занимается мировоззренческой проблематикой и в этом подобна богословию. *Научная философия* делает своим объектом науку, понимаемую как совокупность высказываний, т.е. *язык науки*. Между философией и наукой распространяется нейтральная полоса, «ничейная земля»: это и есть философия науки. Она пользуется логикой и ориентируется на физическую теорию как на эталон знания.

Свою философскую концепцию Шлик именовал «последовательным эмпиризмом», к которому он пришел, отказавшись (под влиянием Карнапа и Витгенштейна) от критического реализма.

Отталкиваясь от исходного понимания знания, Шлик обрисовал разнообразные практики употребления данного термина. Все научное знание, по Шлику, – обобщение и уплотнение чувственно данного,

определение структурных отношений чувственного опыта, выявление повторяемости в нем порядка. С точки зрения Шлика, между логикой и опытом нет никакого антагонизма; логик не только может быть одновременно эмпиристом, но должен им быть, если хочет понять собственную деятельность.

Согласно Шлику, проблема познания сущности бытия бессмысленна, ибо предмет философии – не искание истины, но «исследование значения». При этом, – настаивал Шлик, – прояснение значения не может иметь форму высказывания. Законы природы, с точки зрения Шлика, суть формальные правила, определяемые синтаксисом того языка, на котором производится описание природы. Инвариантом самых различных познавательных практик Шлик полагал сопоставление имен и предметов. Шлик отрицательно относился к психологизму, усматривая, тем не менее (в отличие от Гуссерля), перспективной основой общей теории познания не трансцендентальную феноменологию, но *общую теорию знаков*. Придерживаясь концепции существования неких «понятийных функций», способных реализовываться посредством слов, понятий и представлений, Шлик видел в качестве высшего способа их конституирования знаковую форму.

Достоинствами знаковой трактовки понятий Шлик считал отсутствие поиска «идеальных сущностей»: процесс познания тем самым сводился к направляемой динамике отношений между реально существующими вещами и материально репрезентируемыми знаковыми совокупностями. Не считая нужным акцентировать внимание на феноменологических программах, опирающихся на образные механизмы познания, Шлик отдавал предпочтение гильбертовской программе формализации геометрии, в границах которой недифинируемые («очевидные») положения замещаются формальными аксиомами. Базисом наук Шлик предлагал считать не предложения констатирующего, «протокольного» типа, а «констатации» (*beobachtungssatze*) – акты сознания познающей личности в моменты времени, предшествующие окончательной фиксации «предложений протокольного характера». Бессмысленно говорить о недостоверных фактах. Только утверждения, только наши знания могут быть недостоверными. Поэтому, «если нам удастся выразить факты в протокольных предложениях, без какого-либо искажения, то они станут, наверное, абсолютно несомненными отправными точками знания».

Суждения, по Шлику, также могут интерпретироваться как особый знак. Согласно Шлику, в суждениях фиксируется не тождество, а связь предикатов. В таком контексте Шлик предлагал переосмыслить также и статус истины: считать ее соответствием знания о предмете с самим

предметом весьма затруднительно. Говорить надо не о «соответствии», а об однозначном совпадении предметов и сопряженных с ними знаков. Поскольку такое «однозначное совпадение» есть формальное отношение (а не реальная связь), постольку познание есть «обозначение» (а не «отражение» или «переживание»). Ложность же суждений установима в таком случае посредством использования критерия однозначности. (В рамках этого концепта Шлик снял сложный вопрос об «удвоении» предмета на образ и оригинал.)

Проблему априорных синтетических высказываний Шлик считал «псевдопроблемой», так как она, с его точки зрения, следует из гипотезы о тождестве познающего и познаваемого.

Аналитические суждения и конвенциональные определения суть системные, упорядочивающие правила, которые фундируют процедуры объединения признаков в понятия, понятий – в суждения, а суждений – в теорию. (Так называемые «рациональные истины», включая высказывания логики и математики, также имеют, согласно Шлику, чисто аналитический характер: они суть тавтологии или схемы рассуждений, а не реальные знания о мире; они не дают возможности проникнуть в неощущаемую реальность).

Как и Гуссерль, Шлик полагал высокоактуальной проблему преодоления дилеммы логизма и психологизма, категорически отвергая при этом процедуру наделения логического особой «бытийностью».

Шлик одним из первых сформулировал принцип верифицируемости («значением выражения является метод его верификации»). «Обстоятельства» означают данные опыта; стало быть, опыт определяет истинность и ложность высказываний, опыт «верифицирует» высказывания, а потому критерием решения проблемы выступает ее сводимость к возможному опыту. Для Шлика «опыт» есть состояние моего сознания, изначально не данного как «мое», так как «я» само строится из опыта. Тем самым «верифицируемость опытом» сводима к верифицируемости ментальными состояниями, которые способен иметь я один. В итоге бессмысленно говорить о том, что кто-то иной может знать значение высказывания, верифицированного моим опытом.

Шлик пытался прояснить это так: «Каждый наблюдатель вносит свое содержание... тем самым присваивая символам уникальное значение, и он заполняет структуру содержанием так же, как ребенок раскрашивает рисунок, где нанесены только контуры». (Подобная трактовка содержания немедленно была охарактеризована коллегами Шлика по логическому позитивизму как «метафизическая»).

Согласно Шлику, наука делает предсказания, которые опыт проверяет. Ее существенной функцией является предвидение. Она говорит, к примеру: «Если в такое-то и такое-то время вы посмотрите в телескоп, направленный туда-то и туда-то, вы увидите, что световая точка (звезда) пересеклась с черной риской (перекрестием)». Допустим, что, выполняя эти инструкции, мы действительно сталкиваемся с предсказанным опытом. «Когда предсказание подтверждено, цель науки достигнута: радость познания есть радость верификации». (Хотя принцип верифицируемости был выдвинут как метод установления значения высказывания, в описании Шлика он трансформировался в метод определения слова. Сам Шлик рассматривал принцип верифицируемости в качестве трюизма, не сообщающего нам ничего принципиально нового).

Интересуясь не только вопросами философии науки, но также и проблемами этики, Шлик разграничивал «переживание» и «познание», полагая, что познаваемые нами законы не могут предписывать людям тот или иной порядок действий, а, следовательно, не ограничивают человеческую свободу. Детерминантами поведения индивида Шлик считал чувства желания или нежелания, в идеале же – которым, по Шлику, выступает состояние игры – человек действует без принуждения, ощущая чувство подлинной радости. (Автор статьи о Шлике *А. Грицанов*).

### *Рудольф Карнап*

Десятью годами старше Шлика, пережил его на 35 лет ( $\approx$ ). Ввел принцип верификации знания. Уточнял основные понятия философии и науки с помощью аппарата символической логики. Ввел знаковый термин «протокольные предложения» – аналог «атомарных предложений» Витгенштейна. Занимался проблемами индуктивного вывода, квантификацией модальных логик; перешел от занятий синтаксисом к занятиям семантикой. Логическая семантика исследует отношения между высказываниями и их предметной областью – смыслом.

Наука – совокупность осмысленных, проверяемых, протокольных предложений. В целом предложения бывают осмысленные (истинные и ложные), неосмысленные (внеаучные, например, философские) и бессмысленные. *Протокольные предложения* – абсолютно достоверны, адекватно воспроизводят чувственные переживания субъекта (наблюдаемые данные).

Позже Карнап меняет ригористическую позицию в отношении верификации: она распадается на самую «проверяемость» и на условия истинности осмысленных предложений. Истина перестала увязываться

с верифицирующим субъектом. Принцип толерантности: если члены нашего культурного сообщества конструируют теории, их надо принять, при условии, что они логически непротиворечивы.

### *Отто Нейрат*

Физик, социолог и экономист. Исповедовал радикальный физикализм. Ввел критерий истинности протокольных предложений – это их логическая непротиворечивость. Философия науки должна установить *единство знания*. (International Encyclopedia of Unified Science).

### *Людвиг Витгенштейн*

Ученик и друг Бертрانا Рассела. Учился также у Г. Фреге. Один из создателей аналитической философии. Основные произведения: «Логико-философский трактат», два курса лекций, названных «Голубая и коричневая тетради», «Философские исследования», опубликованные посмертно.

...Философская конференция в Оксфорде. Лорд проф. Мэббот:

– Боюсь, здесь собираются философы. Витгенштейн:

– Я боюсь того же самого.

Людвиг Йозеф Иоганн Витгенштейн (1889–1951) – австро-английский философ, один из основателей аналитической философии и один из самых ярких мыслителей XX в. Общеизвестно, что Витгенштейн осуществил целых две революции в западной философии.

Первая произошла, когда его «Логико-философский трактат» вдохновил Венский кружок на создание программы логического позитивизма. Вторая случилась, когда его идеи о природе и устройстве языка, изложенные в «Философских исследованиях», породили британскую лингвистическую философию, или философию обыденного языка.

Витгенштейн родился 26 апреля 1889 г. в Вене в семье австрийского сталелитейного магната еврейского происхождения. Он был самым младшим из восьми детей, рожденных в одной из наиболее известных и богатых семей Австро-Венгерской империи.

1906. Манчестер. Витгенштейн занимается техническими вопросами: расчетом пропеллера. Интерес к логическим основам математики. Начав изучать инженерное дело, Витгенштейн познакомился с работами Готлоба Фреге, которые повернули его интерес от конструирования летательных аппаратов к проблеме философских оснований математики. По непроверенным данным, Витгенштейн несколько раз

встречался с Фреге, который посоветовал ему изучить работы Рассела, посвящённые увлекшей его теме. В 1911 г. Витгенштейн отправился в Кембридж, где стал учеником, помощником и другом Рассела.

В 1913 г. он вернулся в Австрию и в 1914 г. добровольцем отправился на фронт. Война. По окончании войны в 1917 г. Витгенштейн оказался в итальянском плену. За время боевых действий и пребывания в лагере для военнопленных Витгенштейн практически полностью написал свой знаменитый «Логико-философский трактат». Книга вышла на немецком в 1921 г. и на английском в 1922 г. Это Библия «Венского кружка». Появление её произвело сильное впечатление на философский мир Европы, но Витгенштейн, полагая, что все главные философские проблемы в «Трактате» решены, уже был занят другим делом: работал учителем в сельской школе, покинув Австрию. К 1926 г., однако, ему стало ясно, что проблемы все-таки остались, что его «Трактат» был неправильно истолкован, и, наконец, что содержащиеся в нём идеи являются ошибочными. Витгенштейн в 1929 г. снова вернулся в Кембридж и к занятиям философией. Начиная с этого времени и до своей смерти в 1951 году, прервав учёные занятия для работы санитаром в лондонском госпитале во время второй мировой войны, Витгенштейн разрабатывает принципиально новую философию языка. Главной работой этого периода стали «Философские исследования», опубликованные посмертно, в 1953 году.

Философию Витгенштейна делят на «раннюю», представленную «Трактатом», и «позднюю», изложенную в «Философских исследованиях», а также в «Голубой» и «Коричневой книгах» (1958).

### *Логико-философский трактат*

Структурно «Логико-философский трактат» представляет собой семь афоризмов, сопровождаемых разветвлённой системой поясняющих предложений. Содержательно он предлагает теорию, решающую основные философские проблемы через призму отношения языка и мира.

– Язык и мир – центральные понятия всей философии Витгенштейна. В «Трактате» они предстают как «зеркальная» пара: язык отражает мир, потому что логическая структура языка идентична онтологической структуре мира.

– Мир состоит из фактов, а не из объектов, как полагается в большинстве философских систем. Мир представляет весь набор существующих фактов. Факты могут быть простыми и сложными.

– Объекты есть то, что, вступая во взаимодействие, образует факты. Объекты обладают логической формой – набором свойств, которые позволяют им вступать в те или иные отношения.

– В языке простые факты описываются простыми предложениями. Они, а не имена, являются простейшими языковыми единицами. Сложным

фактам соответствуют сложные предложения.

– Весь язык – это полное описание всего, что есть в мире, то есть всех фактов.

– Язык допускает также описание возможных фактов. Так представленный язык целиком подчиняется законам логики и поддается формализации. Все предложения, нарушающие законы логики или не относящиеся к наблюдаемым фактам, полагаются Витгенштейном бессмысленными. Так, бессмысленными оказываются предложения этики, эстетики и метафизики.

Важно понимать, что Витгенштейн отнюдь не намеревался тем самым лишить значимости области, которые его самого волновали чрезвычайно, но утверждал бесполезность в них языка. «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»: таков последний афоризм «Трактата». Философы Венского кружка, для которых «Трактат» стал настольной книгой, не приняли этого последнего факта, развернув программу, в которой термин «бессмысленный» стал тождественным «подлежащий элиминации». Это стало одной из главных причин, побудивших Витгенштейна пересмотреть свою философию. Результатом пересмотра стал комплекс идей, в котором язык понимается уже как подвижная система контекстов, «языковых игр», подверженная возникновению противоречий, связанных с неясностью смыслов используемых слов и выражений, которые должны устраняться путём прояснения последних. Прояснение правил употребления языковых единиц и устранение противоречий и составляет задачу философии.

Новая философия Витгенштейна представляет собой скорее набор методов и практик, чем теорию. Он сам полагал, что только так и может выглядеть дисциплина, постоянно вынужденная приспособливаться к своему меняющемуся предмету. Взгляды позднего Витгенштейна нашли сторонников прежде всего в Оксфорде и Кембридже, дав начало лингвистической философии. Значение идей Витгенштейна огромно, однако их интерпретация, как показали несколько десятилетий активной работы в этом направлении, представляет большую трудность. Это в равной мере относится и к его «ранней», и к «поздней» философии. Мнения и оценки значительно расходятся, косвенно подтверждая масштабность и глубину его творчества.

Л. Витгенштейн поначалу учил, что познание есть отображение *независимых фактов*. Суждения логически выводятся из единичных высказываний о фактах (атомарных предложений). Сущностью философии является *логика*. Логика ничего не утверждает о действительности. Язык –

особое поведение, *игра*. То общее, что присуще бытию и мышлению, может быть указано с помощью символов, но не может быть высказано. Границы языка – границы мира.

*Два этапа становления аналитической философии:* логический и лингвистический.

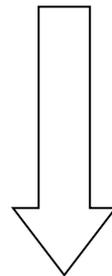
1. Логика Фреге; понятия «смысл», «пропозициональная функция», «истинное значение». Мысль о создании идеального логического языка. После публикации «Трактата» резко расходится с Расселом, не обратившим внимания на этическую (экзистенциальную) сторону. (Подлинная философия должна стать деятельностью по прояснению языка. Однако этика не поддается высказыванию. «Людей нельзя вести к добру. Их можно вести только куда-то. Добро лежит вне пространства фактов... Моя книга как бы ограничивает сферу этического изнутри».)

2. Через 10 лет ( $\approx$ ) происходит «лингвистический поворот». Язык предстает как *новая языковая игра*, и это уже не функциональный стиль науки, а естественный разговорный язык.

### *Лингвистический поворот*

Термин, описывающий ситуацию, сложившуюся к/в сер. XX в.; понимается как момент перехода от философии сознания к философии языка. «Лингвистическая философия» – «средний этап» развития аналитической философии.

- лингвистическая философия Витгенштейна
- феноменология Гуссерля
- онтология Хайдеггера
- семиотика
- неопозитивизм
- герменевтика



**отказ**  
от гносеологич. и  
психологической  
проблематики;  
критика субъекта;  
замена истинности –  
смыслом

Язык – предельное онтологическое основание мышления и деятельности. «Сущность человека покоится в языке» (М. Хайдеггер).

«Первично язык является реализацией тенденции рассматривать объективную реальность символически, и именно это сделало его коммуникатором» (Э. Сепир).

Смыслообразующий потенциал языка есть самое важное его свойство.

Язык формирования философских идей – не только важное средство

исследования, но и самостоятельный объект изучения.

### *«Философские исследования»*

Язык предстает как *новая языковая игра*, и это уже не функциональный стиль науки, а естественный разговорный язык.

...<Язык> есть в общении людей. Без контекста и цели слов никто не говорит. Речь всегда предстает как практика общения в конкретной жизненной ситуации. По отношению к этой речевой и жизненной практике «значение» выступает не тем, что дано заранее, а тем, что получается в итоге. *«Значение слова есть его употребление»*... Как слово употребляют, то оно и значит. Слова обладают устойчивыми значениями постольку, поскольку бывают использованы в повторяющихся языковых ситуациях – «языковых играх».

/Сократ иронизирует над Гиппием. Витгенштейн – над Сократом./

Если я говорю, что у А. прекрасные глаза, то... <это> миндалевидная форма, длинные ресницы, нежные веки. Но что общего у этих глаз с готическим собором, который тоже мне кажется прекрасным?» ... Мы употребляем одни и те же слова по разным поводам и под влиянием разных чувств. Воображение философов пририсовывает контуры великих философских вопросов к тому, что не поверку оказывается разными случаями употребления слов. Пряча от нас несходства жизненных ситуаций, слова «отправляют нас в погоню за химерами».

Витгенштейн теперь убежден, что необходима своеобразная языковая терапия, устранение ловушек многозначности. «Весь туман философии конденсируется в каплю грамматики». Философия – не теория, а деятельность, целью которой является прояснение естественного языка, а, следовательно, и мира. Вводятся в обиход новые термины: «языковая игра», «анатомия чтения», «семейное подобие» («сходство»).

Языковая игра – это: 1) строго определенная модель коммуникации; 2) конституция такого текста, в котором слова употребляются в строго определенном смысле.

– Отсюда следует непротиворечивость контекста и важные возможности: 1) произвольно, но строго описать факт или явление; 2) построить на основе этого знания модель поведения; 3) задать способ прочтения текста.

– Анатомия чтения: ситуация, когда одна языковая игра прочитывается принципиально разными способами.

– Семейное подобие, или сходство: в основе коммуникации лежит не

абстрактная «сущность» (языка или мира), а реальное многообразие способов их описания.

### *Критический рационализм*

Одним из глашатаев конца фундаментализма и наивной веры в грандиозные системы («большие нарративы») был **Карл Поппер**.

В истории науки последней трети XX в. Поппер занял место Бертрана Рассела. В 1965 г. Англия возвела его в рыцарское звание. Все издательства квалифицировали его как самого влиятельного западного философа своего времени. Его произведения вошли в программные документы социал-демократии. В своей известной работе «Открытое общество и его враги» (рус. перев. 1992 г.) Поппер дал бой «методологическому эссенциализму», или «реализму», согласно которому дело науки состоит в раскрытии а описании при помощи определений *сущности вещей*. Бой этот был дан с позиций методологического номинализма – сына британского эмпиризма.

Философия Карла Поппера, пограничная между «третьим» и «четвертым» позитивизмом, или постпозитивизмом (ее можно назвать «логическим негативизмом»), сохраняет преемственность по отношению к предшествующему этапу, но отказывается от многих идей. Для Карла Поппера неприемлемы, и он отказывается от:

- феноменалистского истолкования природы эмпирического базиса науки; Поппер – философ направления рационализма;
- дескриптивизма; (он производит реабилитацию объяснительной функции науки);
- принципа верификации (верифицируемости); Поппер заменяет его принципом фальсификации (позже – фальсифицируемости);
- противопоставления методологии науки всем другим аспектам ее анализа; он ставит проблему взаимосвязи истории и методологии науки, роста научного знания, производит реабилитацию метафизики.

Однако философ сохраняет:

- методологический эмпиризм (хотя считает теорию и эмпирию связанными);
- дихотомию аналитических и синтетических высказываний;
- дихотомию контекста открытия и контекста обоснования;
- различие между формальными и фактуальными науками;
- демаркацию науки и метафизики.

К. Поппер, как и его предшественники, делает основную ставку на формально-логический анализ. Его первоначальный замысел возник как результат продумывания следствий крушения самой обоснованной теории:

механики Ньютона. Поппер пришел к выводу, что «доблесть ума заключается не в том, чтобы быть осторожным и избегать ошибок, а в том, чтобы бескомпромиссно устранять их». В науке вера – прощительная слабость, которую нужно держать под контролем критики; но предвзятость – тягчайшее преступление интеллекта. /Изложено по Лакатошу: Фальсификация и методология научно-исследовательских программ/.

«Логика научного открытия» Поппера вышла в Лондоне в 1959 г., «Объективное знание» – в издательстве Оксфордского университета в 1972 г. А в 1962 г. в Чикаго была опубликована «Структура научных революций», и в дискуссию с Поппером вступил *Томас Кун*.

Несколько позже линию Карла Поппера, его критический рационализм поддержит британский философ венгерского происхождения *Имре Лакатош*. Он напишет: «Как и Поппер, Кун отказывается видеть в росте научного знания кумуляцию вечных истин. Но если, согласно Попперу, наука – это процесс «перманентной революции», а ее движущей силой является рациональная критика, то, по Куну, революция есть исключительное событие, в определенном смысле выходящее за рамки науки; в периоды «нормальной науки» критика превращается в нечто вроде анафемаствования... Только в редкие периоды кризисов позволительно критиковать господствующую теорию и предлагать новую». Наконец, против Лакатоша и вообще против традиционно понимаемого рационалистического метода в науке выступил в 1975 г. австрийский постпозитивист *Пол Фейерабенд*. В философии науки начинается эпоха постпозитивизма.

Единственная дисциплина, в которой неопозитивизм трансформировался в постпозитивизм, – это философия науки.

#### **Тема 4. ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НАУКИ**

- 1. Позитивизм IV. Постпозитивизм.**
- 2. Теория научных революций и понятие научной парадигмы.**
- 3. Плюралистическая эпистемология.**

Фокус критики неопозитивизма постпозитивизмом – на (позитивистской) кумулятивистской концепции роста научного знания как добывания совместными усилиями «кусочков абсолютной истины» для общей копилки. Новая концепция роста знания связана с утверждением

существования скачков, катастроф, революций (хотя «нормальное» эволюционное развитие науки тоже признается существующим), а главное – несоизмеримости *парадигм*. Наука не развивается в целом (хотя развиваются научные теории); старая и новая парадигмы несоизмеримы; скачки и революции не приближают нас к некоей догматической абсолютной истине.

**Научные революции** – это вид новаций в науке, которые отличаются собственным характером, механизмами генезиса и своей значимостью (последствиями) для развития общества в целом.

– Эти новации связаны с перестройкой основания научного знания. Основания науки обеспечивают рост знания до тех пор, пока общие признаки организации изучаемых объектов учтены в картине мира, а методы освоения их соответствуют сложившимся идеалам и нормам исследования. Принципиально новые типы объектов, выдвижение новых методов со временем потребует нового видения реальности.

– Научные революции затрагивают как мировоззренческие, так и методологические основания науки, изменяя и сам стиль мышления.

– По масштабности воздействия можно разделить революции на частнонаучные и общенаучные – те, что выходят далеко за рамки той области, где они произошли (квантовая механика, дарвинизм и т.п.).

В самих научных революциях существует диалектика традиции и новации, внутринаучных законов и социокультурного влияния. Поэтому можно классифицировать революционизирующие факторы:

– По содержанию новаций (построение фундаментальных теорий, внедрение радикально новых методов, открытие новых миров);

– По сфере возникновения новаций (за счет внутридисциплинарного развития или междисциплинарных связей);

– По отношению собственно к науке (имманентные науке и внешние, социокультурные).

Особый интерес представляют *глобальные научные революции*, поскольку они ведут к изменению сложившихся типов научной рациональности и формированию новых исследовательских стратегий в научном познании. В истории науки выделяют четыре такие революции, сопровождавшиеся сменой типа научной рациональности. Первая свершилась в XVII веке, ознаменовав становление классического естествознания. Вторая произошла в конце XVIII – первой половине XIX века и привела к формированию дисциплинарно организованной науки. В результате этих революций сформировалась и получила свое развитие классическая наука с характерным для нее стилем мышления. Третья

революция, разворачивавшаяся с конца XIX века вплоть до середины XX века, привела к формированию неклассической науки. Начиная с последней трети XX века, происходит четвертая научная революция, влекущая за собой становление постнеклассической науки с присущими ей отличительными особенностями научной рациональности, включающей гуманистические ориентиры в определение стратегий научного поиска.

\*

Наиболее очевидная причина революций – построение новых фундаментальных теорий, связанных не с дедукцией знания из существующих принципов, но с разработкой новых основополагающих принципов (Коперник, Ньютон, Эйнштейн; Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Маркс; Вебер, Шпенглер, Фрейд, Хайдеггер, Кун, Витгенштейн и т.д.).

«Поппер и его апологеты рассматривают дело философов как переменную от позиционирования новых вопросов и ответов в науке и обществе. Фейерабенд и Кун говорят о научных теориях как о взаимно несоразмерных; не может быть перманентных научных *истин*, которые следует *открывать* и *устанавливать*, потому что научный конфликт имеет место между партиями, опирающимися на различные концепты, поэтому не существует ни одного незамутненного вопроса, который они могли бы обсуждать, и отсюда – никакой роли для строгого эксперимента или наблюдения». «Телос» незнаемого («The shape of ignorance», by Renford Bambrough).

Фундаментальные теории возникают в результате решения фундаментальных проблем, имеющих глубинный мировоззренческий характер. Новые средства и методы также могут инициировать научную революцию: телескоп, микроскоп, синхрофазотрон, коллайдер; статистические и математические методы, примененные в гуманитарных науках, и пр. В итоге меняются проблемы, стандарты, даже появляются новые области научных знаний.

Иногда перед исследователем возникает целая новая область непознанного: географические открытия; мир элементарных частиц или небесных тел; сменившийся общественный строй; открытия в области археологии, палеографии; языки и культуры малых народов и т.д.

Наконец, на изменение оснований науки влияет смена норм познания.

***Парадигма – то, что изменяется в ходе научной революции.***

Это термин, введенный Куном в повсеместное употребление и тематизированный не просто как «пример» [греч.], а как сложное понятие,

имеющее несколько интерпретаций:

- совокупность наиболее общих взглядов о рациональном устройстве природы; теория, признанная научным сообществом (аналог мировоззрения);
- образец, шаблон для решения «головоломок» – научных задач; правила, стандарты, образцы, примеры (аналог методологии);
- дисциплинарная матрица (ценностные предпосылки познания, нормы, методики...).

Парадигма – *то, что объединяет исследователей в некое научное сообщество*. Это способ научного производства.

*Сэмюэл Томас Кун* учился в Гарварде, защитил диссертацию и получил PhD по физике твердого тела, затем увлекся историей науки. А история науки гласит: если некое новое открытие противоречит картине мира, нормам, взглядам, идеям – оно никогда не будет признано, точнее, не будет признано до тех пор, пока не изменится данная картина мира, не уйдет данная идеология (вместе со своими носителями).

Первая книга Куна – «Коперниканская революция», 1957 г. Только в конце XVII в. теорию Коперника оценили по достоинству; в момент появления она ничем не была лучше птолемеевой. Т. Кун утверждает: коперниканская революция произошла по социально-политическим, идеологическим причинам. Этому «фавору» способствовала Реформация.

Наибольшую известность Т. Кун приобрел благодаря своей монографии «Структура научных революций» (Чикаго, 1962), в которой изложил свою концепцию исторической динамики научного знания. В ее основе лежат представления о сути и взаимосвязи таких концептов, как «нормальная наука», «научная революция», «парадигма» и «кризис парадигмы нормальной науки». На русский язык эта книга была переведена в 1975 г. и опубликована в изд-ве «Прогресс». С тех пор было еще два перевода: 1977, 2001 гг.

«Термин “нормальная наука” означает исследование, прочно опирающееся на одно или несколько прошлых научных достижений, которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности. Такие достижения излагаются в учебниках с начала XIX в; до того это были “Физика” Аристотеля, “Альмагест” Птолемея, “Начала” и “Оптика” Ньютона, “Электричество” Франклина, “Химия” Лавуазье, “Геология” Лайеля и др. Их создание было беспрецедентным; в то же время они были открытыми. Достижения, обладающие этими характеристиками, я буду называть далее парадигмами. ...Некоторые общепринятые примеры фактической практики научных исследований – включающие закон, теорию, их практическое применение и необходимое оборудование – все

в совокупности дают нам модели, из которых возникают конкретные традиции научного исследования». *Т. Кун.*

*Имре Лакатош*, сблизился с К. Поппером с 1960 г. в Лондонской школе экономики, став самым талантливым его учеником. Лакатош дал свою интерпретацию фальсификационизму в аспекте методологии *научно-исследовательских программ*.

Процесс развития науки представлен им в качестве соперничества концептуальных систем. Данная конкуренция составляет «внутреннюю историю» науки. Эти системы пронизаны фундаментальными принципами, лежащими в области «жесткого ядра» научно-исследовательской программы. «Жесткое ядро» принимается конвенционально и состоит из метафизических «внешних» по отношению к науке предпосылок. Вводя далее понятие «негативной эвристики», Лакатош накладывает ограничения на процедуры опровержения, что создает своеобразный «защитный пояс» вокруг «жесткого ядра». В свою очередь, «позитивная эвристика» обеспечивает последовательный рост научного знания. Она определяет проблемное поле исследования, выделяет защитный пояс вспомогательных гипотез и предвидит аномалии. Однако не аномалии, а позитивная эвристика диктует выбор проблем для научно-исследовательских программ: ученый видит аномалии, но поскольку его программа выдерживает их натиск, он может их свободно игнорировать.

Позитивная эвристика выступает в качестве наиболее быстро изменяющейся части программы, потому что она сталкивается с действительностью эмпирической науки. В случае если теоретический рост предвосхищает эмпирический, наблюдается прогресс, и наоборот. Если одна программа объясняет больше, чем другая, конкурирующая, то эта последняя вытесняется. Но есть и другая причина, более глубокая: это «точка насыщения», когда программа встречает все больше трудностей, противопоставляя им *ad hoc* гипотезы, которые размывают ее жесткое ядро и приводят к коллапсу.

В целом, методология научно-исследовательских программ формирует правила оптимизации дальнейшего развития знаний, а при необходимости – смену направленности научно-исследовательских программ. Прогресс Лакатош видит в переводе многих проблем «внешней» истории науки во «внутреннюю».

Наиболее известные работы: «Доказательства и опровержения», М., 1967; «История науки и ее рациональные реконструкции» / Структура и развитие науки, М., 1978; «Бесконечный регресс и основания математики».

*Пол Фейерабенд* развивал так называемую плюралистическую

эпистемологию: его главное произведение называется «Против метода», а сам он – *enfant terrible* классической методологии. Он имел в виду, что его друг и полемист Лакатош напишет ответ, оттенив выгодные стороны позиции рационализма, парируя доводы Фейерабенда. Спор этот «начался в 1964 г., продолжался в письмах, лекциях, телефонных разговорах, статьях почти до самых последних дней жизни Имре». (Избр. труды по методологии науки. М.: 1986. С. 126). Однако от задуманной диалогии мы имеем лишь одну часть, одну сторону плоскости: книгу «Against Method».

Вместо «двух догм эмпиризма»: 1) редукция как описание следствий предположенной первичной науки и 2) значения исходных дескриптивных терминов как независимых от редукции, – П. Фейерабенд выдвигает другие: 1) принцип *anything goes* – «годится все», т.е. «если иметь в виду обширный исторический материал и не стремиться «очистить» его в угоду своим низшим инстинктам или в силу стремления к интеллектуальной безопасности до степени ясности, точности, «объективности», «истинности», то выясняется, что существует лишь *один* принцип, который можно защищать при всех обстоятельствах и на *всех* этапах человеческого развития, *anything goes* – *допустимо все*»; 2) принцип упорства, или прочности, т.е. «отказа от введения в гносеологический оборот каких-либо альтернатив и упорного сохранения уже имеющихся теорий», который парадоксально уживается с первым принципом, пролиферации, или неорганического умножения конкурирующих и прямо альтернативных теорий. (Нарский И.С. Пол Фейерабенд и кризис «постпозитивистской» методологии. Вступит. статья к указ. соч. С. 10). П. Фейерабенд, между прочим, хотя и солидарен в ряде вопросов с Т. Куном, например, в оценке релятивизма теорий, однако критикует его теорию науки и особенно его *идеологию* за **антигуманизм**.

Идея, поддерживаемая Т. Куном, С. Тулмином, Н. Хэнсоном, о взаимонесоизмеримости, несравнимости и непереводаемости альтернативных гипотез и теорий, доведена П. Фейерабендом до крайности. Выступая против рационализма Поппера, он, в сущности, реставрировал и углубил его фальсификационизм. Один из показательных анархистских выводов П. Фейерабенда против метода: «“Формальное и объективное” истолкование объяснения сформулировано быть не может».

## Тема 5. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НАУКИ

1. *Социология знания.*

2. *Социология науки.*

Наука – это *мировоззренческая, производительная и социальная* сила. На фундаменте научного знания может быть построено максимально достоверное мировоззрение. Внедрение результатов науки – ведущий фактор экономического развития общества. Научное знание меняет сам характер социального взаимодействия, совершенствует социальную структуру, рационализирует социальные институты и трансформирует социальные практики. Приобщение к достижениям науки и ее методам, ее логике и даже терминологии воспитывает в индивиде способность рационально-критического отношения к целям и ценностям, получившим распространение в обществе. Поэтому причастность к научному развитию создает условия для внутренней свободы человека и формирования ответственной и самостоятельной личности.

Социологи обнажают культурную и идеологическую обусловленность предвзятых мнений, с которыми мы нередко подходим к интерпретации показаний наших приборов; они обращают внимание на место науки в обществе: наука не стоит над ним, но исторически возникла из деятельности человека в рамках капитализма западного типа.

См. далее: *Философия науки*. Под ред. *С.А. Лебедева*. Учеб. пособие для вузов. – М.: Академический проект; Трикста, 2004. Раздел III. Наука как социальный институт. (Э.М. Мирский). *Компендиум*.

### ***Социология науки и знания***

Знание как своеобразный мир идеальных сущностей, позволяющий человеку ориентироваться в окружающей действительности, выявлять и фиксировать ее закономерности, было выделено из всей совокупности человеческого опыта еще в глубокой древности. Знание начинает существовать как инструмент фиксации опыта и одновременно как объект системного исследования. Представления о природе знания менялись в истории постоянно и радикально: божественное откровение; подражание творению (и т.д.)... (С. 303).

...В самом знании на первое место выходила его рациональность, объяснимость (и т.п).

При этом рациональному объяснению меньше всего поддается вопрос о природе знания, то есть о природе идеального. Отказавшись от божественного откровения и заменив его некоторой совокупностью действий, философы не так уж далеко продвинулись в ответе на этот вопрос.

...И в определении знания онтологические проблемы (вопрос о его

источнике и природе) на долгое время отходят на второй план, уступая магистраль изучению рациональности, организационной гармонии знания. А здесь прогресс был очевиден. В изучении организации знания удалось объединить логические представления, разработанные античностью и отточенные веками схоластики, строгие математические методы и огромный эмпирический материал... (С. 304).

Мир идеальных сущностей, созданных и организованных, в науке был не только гармоничен и стройно логичен. Его новой и необычайной чертой стала удивительная пластичность. Систему научного знания можно было «разобрать на кусочки» и расположить эти фрагменты в алфавитном порядке в энциклопедии или справочнике, спрессовать в учебных курсах, зашифровать в задачах и головоломках... Она от этого не теряла ни научности, ни строгости.

Знание стало неотъемлемым элементом социальной системы. Век Просвещения недаром получил свое название.

...Знание не только описывает (отражает) мир, но и дополняет его новой, доселе не существовавшей, энергетической компонентой, огромную, далеко не всегда созидательную, мощь которой еще предстояло оценить обществу в будущем.

Если спектр познавательных видов деятельности (наука, искусство, литература, прямой опыт и др.) остался по-прежнему широк, то идеалом знания в философии и обыденной жизни стало научное знание, все остальные формы рассматриваются как нечто промежуточное, еще не достигшее научной стройности и строгости. ...Особое значение идеал науки как знания вообще приобрел в период формирования социологии знания... (С. 305-306).

...Многие критические шаги в развитии социологии XX в. были инициированы и обусловлены бурными событиями в развитии ее объекта – общества.

*Классическая социология знания.* Магистральный путь развития общества выглядел весьма различно, порой прямо противоположно: у Карла Маркса как революция и экспроприация экспроприаторов, у Огюста Конта как безусловная победа науки и рационализма над недостатками человеческой природы... (С. 306).

Во всех случаях победу должно было обеспечить изобилие, достигнутое за счет науки и инициированного ею технического прогресса.

Соответственно, безграничными и непреложными выглядели притязания естественнонаучного идеала науки, с характерными для него общими и всеохватывающими объяснительными моделями и теориями, на

фоне которых жалкими и неубедительными выглядели аргументы гуманистических, полагавших, что законным полем деятельности «наук о духе» является поиск и идентификация исторически уникальных, то есть гуманитарных (духовных) проявлений.

Наука стала символом рациональности современного общества, происходило оправдание и усиление научного знания как авторитета в общественной жизни и компаса, указывающего единственно верный путь к прогрессу. Типический пример выражения такой символической ценности – это позитивизм Конта и его последователей. (С. 307).

*Эмиль Дюркгейм.* «Элементарные формы религиозной жизни». 1912. Основные категории – продукт социальной жизни и коллективного сознания. Солидарность была ядром социальной жизни, поэтому и проявления морального и социального авторитетов имеют центральное значение в его теории. Когда процесс усвоения завершен, эта система принимает вешний, объективный характер для индивида и становится авторитетом, символизирующим «святое» в обществе в отличие от мирского. (С. 308).

Религия занимается переводом идеальных сущностей на понятный язык, который по своей природе не отличается от того, который принят в науке. Оба пытаются связать вещи друг с другом, классифицировать и систематизировать их. ...Фундаментальные идеи, научная логика – религиозного происхождения. Правда, наука развивает их, чтобы самой ими пользоваться. ...<Наука> в общем во всей своей деятельности сохраняет критический дух, чего не делает религия. (С. 309).

Немецкая *социология знания*. Философ *Макс Шелер* видел в социологии знания инструмент, который нужно применить, чтобы разрешить в Веймарской республике идеологические конфликты посредством объяснения политикам ограниченности различных идеологий. (Плюс «относительно естественная картина мира»: способ восприятия мира индивидом). (С. 310).

Знания, необходимые человеку для *осмысленного* восприятия окружающего его мира, соотносятся с тем положением, которое человек занимает в обществе.

Социолог *Карл Мангейм.* «Идеология и утопия». 1929. Как можно человеку продолжать жить и мыслить во время, когда поднимаются и должны быть радикально обдуманы проблемы идеологии и утопии со всеми их сложностями? (С. 312).

...Идеалом организации любого знания уже выступает не научное

знание, а некоторая более сильная абстракция. (С. 313–314).

Отражением мира идеальных сущностей становится понятие *идеологии*, гораздо более широкая и менее структурированная совокупность верований, идеалов, религиозных и культурных знаний.

(Частичная и) тотальная идеология: картина мира, связанная специфическим историческим и социальным контекстом. Она всегда надындивидуальна, соотносима с идеологией исторической эпохи или мыслительной структурой крупной социальной общности (народа) в определенный период. Покоится на культурной и исторической базе и должна анализироваться в связи с представлениями, выражаемыми на этом уровне. (С. 314).

Если знание относительно и зависит от положения, какое социальная группа [или индивид] занимает в обществе, и от исторической и социальной среды, то что же тогда подсказывает, что и сам познавательный-социологический анализ не является проявлением определенной идеологии, поскольку и он относителен в историческом и социальном отношении? (С. 315).

Это класс «свободно парящих интеллектуалов». Позиция интеллектуалов оказывается выше всех прочих точек зрения, *они могут сравнивать* их одну с другой и отделять все ценное в каждой из них. «[Слой интеллектуалов] соединяет в себе самом все интересы, которые пронизывают социальную жизнь». (С. 316).

Содержание естественнонаучного и математико-логического знания исключается из социологического анализа, поскольку неподвластно социальным интересам.

*На пути к социологии науки.* Ни на рубеже XIX–XX вв., ни в первые десятилетия XX века наука еще не стала социальной проблемой и поэтому не превратилась в устойчивый предмет изучения.

*Джон Десмонд Бернал.* «Социальная функция науки». 1939. На службе общества. Плановое начало. Важность науки для изменения судьбы человека.

*Социология науки. Роберт Кинг Мертон,* ученик, соратник и оппонент *Питирима Сорокина* и *Толкота Парсонса*: наука для него «исключительно социальный институт, т.е. специфическая система отношений, ценностей и норм поведения».

1. Социология науки должна вносить вклад в развитие социологии.

2. Если она претендует на самостоятельность, то должна иметь свой предмет, метод и понятийную базу.

3. Если она претендует на универсальность, то должна допускать исследование своих собственных представлений и инструментов с их помощью. (С. 321).

«Сообщество», community, Gemeinschaft. Опора на представления об общности целей, устойчивые традиции, авторитет и самоорганизацию.

В ее арсенале отсутствуют характерные для систем типа «общество» (society, Gesellschaft) механизмы власти, прямого принуждения и фиксированного членства. (С. 322).

Далее: Философия и методология науки. Часть II. М.: SvR – Аргус, 1994. *Компендиум*.

### *Нормы и ценности научного сообщества*

Наука возникает, существует и развивается в обществе. Она представляет собой важнейший социальный институт: особую сферу упорядоченных отношений между людьми, устойчивую организацию их деятельности.

С точки зрения внутреннего устройства, социальный институт выступает как система норм и ценностей.

Нормы очерчивают круг допустимого, возможного, приемлемость поведения в рамках данного социального института. Они не всегда получают письменное оформление. (С. 94).

Согласно Т. Парсонсу, это достигается за счет принятых и укорененных в обществе нормативных ожиданий, определяющих, что именно надлежит делать в тех или иных обстоятельствах людям, занимающим те или иные позиции.

Каждый социальный институт располагает механизмами внешнего контроля над поведением и действиями людей. Это обширный набор позитивных и негативных санкций, которыми поощряется ожидаемое и наказывается отклоняющееся поведение.

В науке главной позитивной санкцией является признание коллег – как современников, так и особенно ученых последующих поколений. Это признание может выражаться в разных формах – от цитирования в научной статье до увенчания престижной научной премией и увековечения имени ученого в названии закона или теории.

[Социальное пространство существует в социальном времени: теория может находить своих приверженцев в течение столетий и тысячелетий; в таком случае она наивозможнейше объективна, одновременно и рациональна]. (С. 95).

Тех же, кто допускает отклонение от принятых в науке норм (фальсификация, приписывание себе чужих достижений, плагиат), ожидают негативные санкции: игнорирование всеми коллегами того, что делает данный ученый.

Впрочем, игнорирование может проистекать из того, что в исследовании нет новизны.

Бывает и иначе: подчас современники не в состоянии по достоинству оценить результат оригинальных исследований. (С. 96).

Процесс [институционализации] науки включал в себя две стороны:

- 1) формируется социальный институт науки со специфической системой ценностей и норм;
- 2) устанавливается соответствие между этой системой и нормативно-ценностной системой, характерной для общества в целом.

Соответствие это никогда не бывает полным, так что отношения между наукой и обществом всегда более-менее напряжены. (С. 97).

Тем не менее, в целом эти отношения можно представить как взаимообмен.

Общественная поддержка науки осуществляется в разных формах, посредством чего наука получает финансовые, материальные, интеллектуальные ресурсы.

Общество получает от науки знания и технологии. Поддержка социального института науки для общества жизненно необходима. Но финансовый дождь проливается прежде всего на те области знания, которые дают непосредственные практические результаты.

Основной вид финансирования в современной науке – гранты, выделяемые на конкурсной основе. Научная деятельность носит конкурентный характер.

Более высокий и вместе с тем более обобщенный уровень регуляции поведения людей – уровень ценностей, на котором определяется, что является должным, во имя чего люди следуют принятым нормам и вообще действуют, какое благо проистекает от данного социального института. (С. 98).

Далее: *Р.М. Нугаев*. Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология. – Т. 8. – 1997. – № 8, *Компендиум*.

В силу того, что социальные функции науки в современном обществе трудно переоценить, социология науки занимает особое место среди основных социологических дисциплин, таких как социология труда, социология культуры, социология религии. Как и любая другая область социологии, социология науки исследует институциональную организацию, структуры, процессы и контексты своей сферы социальных явлений. Несмотря на свою молодость, социология науки добилась весомых результатов: изучены социальная и когнитивная организация научных исследований, социальные последствия научно-технической революции и социальные контексты

научных исследований и открытий. (С. 5).

Можно назвать три основные области исследований:

- социальная структура и этос (а более широко – культура) науки;
- проблема взаимодействия науки и общества;
- социология знания.

Вынесенная в заглавие социология знания (термин принадлежит М. Шелеру) радикально отличается от своих уважаемых соседей, являясь с самого начала своего зарождения фокусом ожесточенных дискуссий. Согласно традиции, заложенной, судя по всему, еще К. Маннгеймом, предмет социологии знания – изучение влияния социокультурных факторов на структуру и развитие научного знания.

Несмотря на незначительные достижения, полученные представителями структуралистского направления (достаточно учесть классические исследования Р. Мертона по влиянию протестантского этоса на становление науки Нового времени, выполненные в традициях Вебера и Парсонса), за последние десятилетия был выявлен ряд обстоятельств, заставляющий пересмотреть как маннгеймовское понимание предмета социологии знания, так и традиционные для социологии методы исследования. (С. 7)

Первым фактором, оказавшим решительное влияние, является становление и институционализация истории науки как академической дисциплины. История науки означала качественный скачок в росте специальных науковедческих знаний, радикальное переосмысление закономерностей развития науки, ее движущих сил, etc. Тщательное изучение «научных картин мира», доминировавших, начиная с аристотелевской физики и космологии, в разные эпохи развития науки, естественно приводит любого непредвзятого исследователя к заключению, согласно которому рассмотренные картины «погружены» в культуры своих эпох. Они социокультурно детерминированы, и, следовательно, нет и не может быть никаких жестких критериев, логицистских шаблонов, позволяющих сделать однозначный вывод в пользу одной из них. Говоря языком современной философии науки, научные картины мира, сменяющие друг друга в процессе развития науки, «несоизмеримы», и сравнение их друг с другом не дает никаких оснований для заключения о том, что они стремятся к какому-то пределу, как это утверждают сторонники... корреспондентной теории истины.

Вторым фактором, оказавшим не менее интенсивное воздействие, явилось развитие современной философии науки. Здесь необходимо выделить два результата: тезис об относительной независимости теоретических положений от результатов наблюдений и тезис Дюгема-

Куайна. В ходе обоснования первого тезиса было показано, что одна и та же группа опытных данных может быть объяснена значительно отличающимися друг от друга в семантическом отношении теориями. С другой стороны, строго теоретические высказывания не являются индуктивными генерализациями опытных данных. В этом смысле мы можем говорить о «недоопределении» теории опытом. Второе положение – тезис Дюгема-Куайна – сводится к высказыванию, согласно которому ни один отдельно взятый эксперимент, ни группа экспериментов не могут опровергнуть фундаментальную теорию. (С. 7–8)

...Были и другие факторы... но первые два вполне достаточны для понимания того, что переосмысление самого предмета социологии знания и выделение в нем нового, «конструктивистского» направления диктовалось самими внутренними закономерностями, самой логикой развития социологии знания, но не социокультурными прихотями отдельных исследователей.

Согласно представителям нового направления, научное знание является результатом *социального конструирования* реальности. Представители двух ведущих направлений социологии знания значительно отличаются друг от друга прежде всего в рассмотрении таких вещей как степени различия между наукой, магией и религией, критерии научности, степень всеобщности положений, считающихся истинными, и, в самом общем смысле, в оценке степени влияния внешних воздействий на результаты наблюдений и экспериментов. Но, как бы ни отличались представители этих направлений между собой, их объединяет то, что они реализуют *социологический подход* к знанию. Последний отличается от всех других и прежде всего от эпистемологического тем, что он не занимается выработкой неких общенаучных канонов «знания как такового» и их сравнением с реальным научным знанием. *Социология должна изучать все то, что считается в данном обществе «знанием», что люди данной эпохи понимают под знанием*, вне зависимости от того, как это знание соотносится с современными канонами рациональности. Как и всякая отрасль социологии, такая, например, как социология религии, социология знания интересуется не столько причинами возникновения индивидуальных верований (идей, убеждений), сколько *распределением* верований между социальными общностями и даже индивидами, причинами их принятия или отбрасывания, причинами, которые имеют статистический характер. (С. 8–9)

По Лакатошу, внутренняя история первична, а внешняя – вторична. Наука всегда каким-то образом умудряется развиваться по своим

собственным законам и преодолевать всё внешнее давление. Но подобное объяснение насквозь *телеологично*. Вера в подспудные глобальные законы, управляющие развитием науки, больше напоминает историцистский предрассудок, чем взвешенное, основанное на опыте суждение. Почему бы с самого начала не предположить, что «законы науки» – это законы-тенденции, то, что возникает в результате непредсказуемого взаимодействия когнитивных (внутренних) факторов с социокультурными (внешними)?

...Ни термин «открытие», ни термин «конструирование» не являются сами по себе адекватными метафорами для описания процесса производства научного знания. Итог научного исследования – это не фотография природного объекта, ни результат общественного договора. Исследование частного случая ... показывает, что новое знание в науке во многом испытывает влияние со стороны природных объектов. Но оно становится знанием только тогда, когда для того, чтобы быть включенным в систему предыдущего знания, эти природные объекты наделяются новыми смыслами и значениями. (С. 10)

Всякое исследование, сделанное в рамках конструктивистской программы, характеризуется использованием так наз. *модели интересов*. Она основывается на предположении, что политические, религиозные и особенно профессиональные интересы ученых оказывают значительное влияние на содержание научного знания, в частности, влияя на процесс отбора конкурирующих теорий.

При помощи пиккеринговской концепции «оппортунизма в контексте» вскрыта решающая роль профессиональных интересов ученых в принятии новой теории. (С. 11–12)

Наиболее интересным результатом конструктивистского направления признана книга Б. Латура и С. Вулгара «Лабораторная жизнь». Реальные настоящие ученые весьма слабо напоминают своих карикатурных персонажей, сошедших со страниц поперианцев. Особенно поразило... маниакальное пристрастие экспериментаторов к написанию разного рода документов. Лаборатория – ...это место, где крысы и химикалии перерабатываются в статьи и монографии, место, где происходит социальное конструирование реальности. В этом процессе реальность является не причиной, а результатом, итогом конструирования, в процессе которого деятельность ученого направлена не на природу, а на работу с высказываниями. (С. 13)

Основное положение социологии знания о том, что общественное бытие определяет общественное сознание, позаимствовано, несомненно,

у Маркса. Но что все-таки понимать под общественным бытием и общественным сознанием? Какую детерминацию Маркс имел в виду? Экономический детерминизм, конечно же, неприемлем, и современные интерпретаторы совершенно справедливо призывают к аллегорической интерпретации основного тезиса исторического материализма. А именно: человеческое мышление производно от человеческой деятельности и социальных взаимосвязей, возникающих в результате этой деятельности. Необходимо рассматривать общественное бытие и общественное сознание как человеческую деятельность и как мир, созданный этой деятельностью, соответственно, тогда мы получим тезис, согласно которому мир практики (понимаемый в предельно широком смысле) детерминирует человеческое сознание – тезис, который легко вбирает в себя те конструктивистские результаты, которые мы описали.

Но... деятельность является лишь одной из сторон проявления человеческой активности. Именно человеческая активность первична по отношению к человеческому мышлению. Второй стороной является человеческое поведение. ...Активность человека выполняет две функции: 1) преобразуя мир, она служит средством удовлетворения потребностей человека; 2) она является средством выражения самой личности. Первая сторона представляет собой целенаправленный процесс реализации различных интересов, в то время как вторая характеризует личность вне объективированных форм выражения активности.

Следовательно, более полный и последовательный вариант социологии знания должен принимать во внимание не только деятельность, но и поведенческую сторону активности человека, представленную в социологии традицией, связанной с именами Вебера и Шютца. Социальное конструирование реальности должно исходить из социологии повседневности, из экзистенциальной детерминации мышления бытием человека в мире. (С. 14)

## **Тема 6. КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ НАУКИ**

- 1. Университет как оплот науки и культуры средневековья.**
- 2. Природа ценностей и их роль в СГН.**
- 3. Концепция неявного знания. Социокультурные доминанты науки.**

Наука и основанная на ней техника в современном мире являются

неотъемлемыми и важными компонентами культуры. Самые значительные технические новации меняют реальные условия жизни целых поколений в большей степени, чем политические переустройства: железные дороги, электричество, компьютер... С прогрессом науки связаны как самые существенные надежды, так и серьезные тревоги человечества. Существование науки изменило самого человека, его мировоззрение настолько сильно, что в результате изменились общественные структуры и институты.

## *1. Университет*

В начале VI в. последние языческие школы были закрыты императором Юстинианом. Наступил закат язычества.

Начиная с Порфирия из Тира и Боэция (III и V вв.), в несколько этапов: VI–IX; IX–XII; XIII, XIV вв., – в Европе развивается *схоластика*.

Первыми «схоластами до схоластики» были римско-сирийский комментатор Аристотеля логик Порфирий и римский логик и философ Боэций. В дальнейшем славу школьной (университетской) схоластики составили Иоганн Скот Эриугена; Ансельм Кентерберийский; Пьер Абеляр; Фома Аквинский; Дунс Скот; Уильям Оккам.

Карл Великий реорганизует и реставрирует школы. Происходит мучительное рождение новой культуры. Алкуин Йоркский (VIII в.): открывает так называемые «Новые Афины» на земле франков и устанавливает трехступенчатое образование: I. Чтение, письмо, латынь, Библия.

II. Семь свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика; арифметика, геометрия, астрономия, музыка.

III. Св. писание.

Иоанн Скот Эриугена восстанавливает философию в правах через включение свободных искусств в контекст теологии. Из форм эрудиции они превращаются в инструмент постижения христианских истин.

Вплоть до XIII в. школы были: а) монастырскими (при аббатствах: это были убежища и хранилища памятников, в них занимались изготовлением списков); б) епископальными (при кафедральных соборах: начальное обучение); в) придворными («палациум»: наиболее оживленные).

UNIVERSITAS – типичный продукт средневековья. Это корпоративная ассоциация, охранявшая интеллектуальное учение и наставников, с их привилегиями, дипломами, званиями и пр. Болонья и Париж – две модели (студенчество; студенты+магистры).

Еще в XII в. в Париже существовала школа Нотр-Дам. Она и была

преобразована в Парижский университет. Два факультета: искусств (6 лет) и теологии (8 лет). Это новая каста без сословных различий, управлявшаяся властью интеллектуалов. *Nobilitas, gentilitas* – аристократизм ума и поведения, тонкость, рафинированность вкуса.

Св. Фома, Альберт Великий и Бонавентура будут названы позже «докторами церкви».

## ***2. Природа и роль ценностей в социально-гуманитарном познании***<sup>14</sup>

Ценностный подход к культуре, философии и науке считается одним из важнейших. Об этом хорошо сказал неокантианец Генрих Риккерт: «...Во всех явлениях культуры мы всегда найдем воплощение какой-нибудь признанной человеком *ценности*, ради которой эти явления ими созданы, или, если они уже существовали раньше, взлелеяны человеком, и наоборот, все, что возникло или выросло само по себе, может быть рассматриваемо вне всякого отношения к ценностям... В объектах культуры, следовательно, заложены ценности. Мы назовем их поэтому *благами*, для того чтобы таким образом отличить их, как ценные части действительности, от самих ценностей как таковых, не представляющих собой действительности, и от которых мы здесь можем отвлечься». Сама трактовка культуры у Риккерта связана с ценностью. Он понимал под культурой «совокупность объектов, связанных с общезначимыми ценностями и лелеемых ради этих ценностей».

Социальное познание всегда неразрывно и постоянно связано с ценностями, со смысложизненными, мировоззренческими компонентами. Категории «ценности» и «смысл» являются ключевыми для понимания специфики социально-гуманитарных наук.

Оценочные ориентации человека в мире составляют его внутренний мир, делают человека индивидуальной, неповторимой личностью. Способность к оценке явлений формируется у человека вместе со способностью познания. Однако в гносеологии знания и ценности различаются: если знание стремится к объективности, то ценность имеет тенденцию к субъективности.

Истоки теории ценностей (аксиологии) восходят к античному понятию «блага» как выражению абстракции позитивной значимости различных средств удовлетворения потребностей, главным образом

---

<sup>14</sup> Изложено по: Философские проблемы социально-гуманитарных наук: Учеб. пособие для асп. и соиск. – Казань: Изд-во «Познание». Автор главы – Е.Л. Багаутдинова.

физиологических. Сократ сформулировал вопрос: «Что есть благо?» Этот вопрос стал основным в теории ценностей, так как «благо» отражает самые общие представления о наиболее ценных свойствах действительности и результатах человеческой деятельности. Для Платона высшие ценности содержатся в мире идеальных сущностей и служат образцом и идеалом для предметного человеческого мира. Согласно схоластической философии средневековья, абсолютной ценностью обладает духовная Божественная реальность, которая и есть Благо, Добро, Красота, Истина...

Предтечей собственно аксиологии, возникшей в конце XIX в., был *Иммануил Кант*, разработавший основы теории эстетических и нравственных суждений, *диалектику теоретического и практического разума*. И. Кант первым противопоставил нравственность (в виде свободы) природе (в форме необходимости), а долженствование – бытию. И. Кант осуществляет своеобразный переворот в философии и закладывает основы понимания философии как особого рода науки. Философия должна исследовать фундаментальные цели человеческого разума, и в этом смысле она имеет абсолютную ценность: придает ценность другим знаниям, пронизывая и пропуская их через себя, что позволяет ей выступать как учение о мудрости.

Согласно Канту, новая философия не может ограничиваться критикой теоретического разума; не менее важной является задача критики практического разума, под которым он понимает моральное сознание, нравственность, поведение. Неслучайно вершиной философии у Канта выступает этика, базирующаяся на понимании человека *как высшей ценности*. «Во всем сотворенном мире все что угодно и для чего угодно может быть употреблено всего лишь как средство; только человек, а вместе с ним каждое разумное существо есть цель сама по себе». Этика выступает у него как *особая часть* философии, связанная с теоретическим разумом и регулирующая отношения между людьми. Но любая регуляция таких взаимоотношений реально выражается в системе нравственных норм, которыми предписывается поступать так, а не иным образом. И. Кант ставит проблему: как и кем могут быть обоснованы такие нормы, чтобы иметь характер общей обязательности для людей.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Этот внутренний нравственный закон обозначается им как категорический императив. При выборе своего поведения человек должен руководствоваться общечеловеческими правилами, являющимися для него безусловным

повелением. Кант выдвинул три максимы:

1. Поступай согласно правилам, которые могут стать всеобщим законом.

2. В своих поступках исходи из того, что человек является высшей ценностью; его никогда нельзя использовать как средство.

3. Все поступки должны быть ориентированы на общее благо.

Соответственно, нравственным является то, что связано с исполнением долга. Долг по отношению к другим – делать добро, долг по отношению к себе – сохранять свою жизнь и прожить ее достойно. «Максима благоволения (практическое человеколюбие) – долг всех людей друг перед другом (все равно, считают их достойными любви или нет) согласно этическому закону совершенства: люби ближнего своего как самого себя». Конкретизируя понятие долга перед самим собой, Кант выделяет такие обязанности, как самосохранение, развитие своих естественных сил (духовных, душевных и телесных), «увеличение своего морального совершенства».

По Канту, в фундаменте познавательной деятельности лежит *диалектическое соотношение теоретического и практического разума*. При этом теоретический (научный) разум направлен на познание «мира сущего», а практический (нравственное сознание) разум обращен к «миру должного» – нормам, правилам, ценностям. Принципиальная новизна Канта состояла в том, что практическому разуму была отведена ведущая роль в человеческой деятельности. Ученый как носитель теоретического разума должен иметь «моральный образ мысли в борьбе», обладать критической самооценкой и высоким чувством долга и гуманистическими убеждениями.

«Отцом» теории ценностей считается Герман Лотце, который связывал «ценность» со «значением». Во второй половине XIX в. философы баденской школы неокантианцев включились в разработку философии ценностей. Особенно активно этим занимались Генрих Риккерт и Вильгельм Виндельбанд.

Неокантианец Виндельбанд заявлял о дуализме мира действительности и мира ценностей (того, что есть, и того, что должно быть). Он говорил, что ценность – это не реальность, а идеал, носитель которого трансцендентальный (т.е. запредельный) субъект – «нормальное сознание».

Генрих Риккерт полагал, что жизнь сама по себе не имеет ценности, но приобретает ценность через культуру: «Культура не только не является слугой жизни, но, наоборот, жизнь должна служить культуре... Жизнь

может быть только средством, и ценность ее поэтому зависит лишь от ценности целей, которым она служит». Согласно Риккерт, ценности – исходный пункт и руководящий принцип («отнесение к ценностям») гуманитарного познания в каждом его шаге, на любом этапе.

Из этого следует:

1) в центре той действительности, которая служит объектом социально-гуманитарного познания, должны стоять люди;

2) главным предметом социально-гуманитарных наук «всегда оказывается развитие человеческой духовной жизни»;

3) представители социально-гуманитарных наук должны принять во внимание тот факт, что ценности «оказываются налицо у таких людей, которые живут в каком-либо общении друг с другом, стало быть, они суть социальные существа в самом широком смысле слова».

Указанные Риккертом три факта: а) «ценящие существа суть существа духовные»; б) «общие ценности суть человеческие ценности»; в) «общие человеческие ценности суть социальные ценности» – и отличают социально-гуманитарные науки от естествознания.

Ценности, по Риккерт, это феномены, сущность которых состоит в значимости, а не в фактичности. Они заключены в культуре, ее благах, где откристаллизовалась множественность ценностей. Наука как явление культуры представляет собой особую систему ценностей, а философия – это универсальное учение о ценностях. Ценности нужны СГН потому, что: а) «на них зиждутся формы и нормы эмпирического познания», б) в качестве принципов существенного материала они конституируют саму историю», в) они постепенно реализуются в процессе истории.

По Веберу, социально-гуманитарное познание неизбежно связано с ценностями и интересами ученого. Однако, чтобы реализовать свою научную цель – найти истину, он должен руководствоваться постулатом свободы от оценочных суждений. Вебер трактует ценность как установку той или иной исторической эпохи, как свойственное эпохе направление интереса. Принцип «отнесения к ценности» философ толкует как логический принцип, делающий возможным высказывание общезначимых суждений в сфере социально-гуманитарных наук, т.е. констатирующий их как науки. По мнению Вебера, именно отнесение к ценностям – важнейший принцип работы гуманитария.

**К. Поппер** в работе «Логика гуманитарных наук» заявляет, что наука является одной из важнейших ценностей человечества и полезным инструментом. В чем же заключается эта ценность?

Наука стремится к знанию и ищет истину. Наука и в целом

рациональность, по мнению Поппера, должны стать сдерживающими факторами против распространения иррационального духа тоталитаризма и социальной демагогии, утверждение которых привело в XX столетии к неслыханным бедствиям для человечества. При этом рационализм выступает как важнейшая характеристика научного метода и научного знания.

Рационализм – это особая норма поведения ученого, который при обосновании научных выводов не должен бояться никаких опровержений своих предположений и гипотез, т.е. рационализм предполагает открытость для критики. Рационализм включает в себя принцип фальсификации. Истинным можно считать всякое положение науки, которое пока не опровергнуто. Появление фактов, противоречащих научной теории, фальсифицирует ее и поэтому вынуждает ученых отказаться от этой теории. Рост научного знания как раз и состоит в выдвигании новых смелых гипотез и их опровержений, фальсификации, в результате чего и решаются научные проблемы. В целом, наука, научные теории и истина, по Попперу, представляют собой процесс, а знание носит гипотетический, предположительный характер. Рост научного знания К. Поппер видит как постоянный переход от одних проблем к другим.

В целом Поппер по проблеме ценностных суждений и объективности научного знания формулирует следующие положения:

- в социально-гуманитарных науках объективности достичь более сложно, чем в естествознании, ибо объективность означает свободу от оценок, а эти науки лишь в редких случаях могут освободиться от оценок;

- задачу изгнания вненаучных ценностей научной деятельности Поппер считает практически невыполнимой: «лишить ученого партийности невозможно, не лишив его одновременно человечности»;

- объективный и свободный от ценностей ученый не является идеальным ученым: без страсти вообще ничего не движется, а чистая наука – менее всего;

- объективность и свобода от ценностей сами являются ценностями. А так как свобода от ценностей сама представляет ценность, то требование безусловной свободы от ценностей парадоксально.

***Ценность – это не любая значимость явления, а его положительная значимость; кроме того, эта значимость своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы.***

### ***3. Концепция неявного знания. Социокультурные доминанты науки***

Оригинальное направление критики «объективизма» и «рационализма» задала вышедшая в 1958 г. в Англии и переизданная в 1962 г. в США работа *Майкла Полани* «Личностное знание: на пути к посткритической философии».

Британский философ науки – автор эпистемологической концепции «неявного знания». Основанием ее стало представление об укорененности всех форм познавательной деятельности, включая научную, в обыденном практическом опыте и телесной организации человека. Поскольку науку делают люди, постольку получаемые знания, как и сам процесс, нельзя деперсонифицировать, считает этот автор. *Неявное* (оно же скрытое, оно же предпосылочное, оно же «фоновое») *знание* – это и запечатленная в нем познаваемая действительность, и сама познающая личность. Это знание – не только и не столько совокупность предложений, выражаемых в языке («фокусное» знание), но и переживания человека: схемы восприятия, практическое мастерство, а также неосознаваемые мировоззренческие установки и т.д. Неявное знание транслируется от учителя к ученику, составляя опр. традицию научной работы.

Итак, когда к 70-м годам модель научного познания как интерпретированного логического исчисления оказалась в достаточной степени дискредитированной, а на смену ей пришли постпозитивистские трактовки «исторического подхода» в исследовании научного познания, главным направлением критики «стандартной модели» в лице целого ряда философов (от М. Полани до таких радикалов, как Т. Кун и особенно П. Фейерабенд и «реалистов» И. Лакатоша, С. Тулмина, Д. Шэпира) оказалось ниспровержение формализма «логических эмпириков», желавших свести теорию к эмпирически фиксируемым базисным высказываниям и тем достичь объективности науки.

Это ниспровержение обычно имеет своим фундаментальным аргументом положение о теоретической нагруженности эмпирических данных. В ряде случаев таким способом доказывается больше, чем следует, ибо острие критики направляется против *sense-data theory*.

Абсолютизация непосредственных чувственных данных действительно характерна для логического эмпиризма, и часто в его рамках эти данные отождествляются с содержанием эмпирического факта и языка описания.

Совершенно ясно, что эмпирические данные как результат первичной обработки научных наблюдений и экспериментов, «как и другие компоненты эмпирического уровня науки, не являются результатом чувственной деятельности «пассивного» типа».

Справедлива в этом отношении ирония Н. Хэнсона: многие философы и ученые приравнивают научное наблюдение к

непосредственным, ничего не говорящим восприятиям типа жужжания в чьем-то ухе.

Но в ряде случаев у историков науки эмпиризм пострадал вместе с теорией «чувственных данных» и был заменен «теоретизмом». У наших философов, желавших подтвердить приоритеты диалектико-материалистического подхода к науке и полное признание в нем теоретической нагруженности эмпирических данных (анализ М. Полани, В.А. Лекторским, Т. Куна – О.А. Подлишевским, К. Поппера – Н.Е. Никитиным и др.), анализ также часто переходит на апологию восприятия, его интеллектуальности, осмысленности и т.д. Это негласное приравнение итогов различного «томирания» процесса познания.

Идя от противного, критики «нестандартных» моделей научного познания избрали главным направлением ниспровержение релятивизма историков науки, желавших реабилитации теории, как бы эта форма научного знания ими не именовалась: «парадигма» (Кун), «исследовательская программа» (Лакатош), «сеть предикатов» (М. Хессе), «домен» (Д. Шэпир) или «исследовательская традиция» (Л. Лаудан). Реабилитация эта опять-таки захватывает весьма или слишком широкую сферу – от собственно научной теории до рациональности вообще, объективности вообще. Рефилософизация науки идет, однако, в общем русле позитивизма. Всеми средствами разрушая формализм, логицизм и физикализм своих предшественников, философы «исторического» направления при развертывании своих методологических программ отводят, как было сказано, главную роль «теоретизму», даже пантеоретизму, во многом отождествляя логическую ступень познания с теоретическим уровнем научного знания – что не одно и то же. А апология рациональности часто идет в ущерб другим эпистемологическим ценностям, в частности, учению об истине.

Так, у М. Полани в рамках принятых им попыток «вживания» в теорию, «личного обращения» в науку, воспитания доверия к ней имеются выводы о невозможности доказательства или отвержения научных убеждений, о несуществовании критериев истины и лжи, о схождении или совпадении веры и знания. В.А. Лекторский, анализируя творчество Полани, пишет, что не случайно в его концепции исчезает проблематика прогресса знания. «Ведь в рамках принятых автором посылок принципиально невозможно сформулировать какие бы то ни было критерии прогресса знания так же, как и критерии истины. Остается лишь уповать на то, что знание дает нам истину, позволяет постичь рациональный порядок мира». (Предисловие В.А. Лекторского к русскому изданию: Полани М. Личностное знание. М: 1985. С. 13) Сам М. Полани

пишет об этом в главе «Объективность» несколько иначе; комментарий, конечно, является более заостренным.

Извлекая уроки из коперниканской революции, М. Полани убеждает, что новая система действительно является более объективной, чем система Птолемея, но не потому, что из нее удалена человеческая перспектива, а потому, что она вызывает большее интеллектуальное восхищение и более «теоретична», т.е. удалена от непосредственных, «сырых» чувственных впечатлений. Критерий усиления объективности тогда надо рассматривать как «смещение природы интеллектуального удовлетворения»: «Это означает, что из двух форм знания более объективной мы должны считать ту, которая в большей мере полагается на теорию, нежели на более непосредственное чувственное восприятие, каковые следует считать сомнительными и сбивающими с толку признаками». (С. 21). И поскольку высказывания, взятые в определенной последовательности и составляющие содержание теории, не зависят от состояния личности, теорию можно конструировать, невзирая на повседневный опыт: «Мы отказываемся от грубого антропоцентризма наших чувств в пользу более честолобивого антропоцентризма нашего разума...». (С. 22). «Мы претендуем на способность формулировать идеи, которые благодаря своей рациональности сами отстаивают свои права и в этом смысле являются объективными» (там же).

Человек может ошибиться, используя теорию, как бы «прочитывая» карту, но сама «карта» не может ошибаться, – она является истинной или ложной сама по себе. Последствия истинной теории, лежащие в самом широком и даже неопределенном диапазоне, демонстрируются потом в течение многих и многих веков. Провозглашая теорию – рациональной, мы заявляем тем самым, что убеждены в ее пророческой силе. «В этом неопределенном диапазоне истинных следствий научной теории и заключена в самом глубоком смысле ее объективность» (С. 23). Полани подчеркивает: «Мы принимаем ее в надежде, что благодаря этому нам удастся войти в соприкосновение с реальностью, с природой, – путем постижения того, *что есть в природе рационального*». (С. 24)

Поэтому объективность, как ее понимал Полани, – это не попытка самоустранения человека из всех исследований, его самоуничтожение; напротив, это преодоление нашего печального несовершенства путем постижения рациональной идеи Вселенной.

Итак, философ решительно отбрасывает теорию чувственных данных, «сырые», неверные впечатления наблюдений как критерий максимальной близости к объекту, но восстанавливает (в другой мере) чувственность в ее правах как в контексте открытия (например, страстные эмоции

И. Кеплера, сформулировавшего свой третий закон), так и контексте обоснования, интерпретации, в переживаниях адептов новой научной системы: «Нельзя рассчитывать, что мы примем такого рода теории без сознательного признания их красоты, которая нас радует, и глубины, которая приводит нас в восторг». (С. 37). Большая роль здесь отведена языку: «Пока мы чувствуем, что наш язык успешно классифицирует объекты, мы удовлетворены его правильностью и продолжаем принимать ту теорию универсума, которая имплицитно наш язык в качестве истинной». (С. 118).

А вот у *Д. Шэпира*, американского философа материалистического направления, истинность научных теорий («доменов») не оспаривается; он ищет пути достижения адекватного соответствия знания объекту, анализируя проблемы полноты, симплификации, идеализации, а в наблюдаемых упорядоченностях – все более глубокие связи.

Д. Шэпир разрабатывает *принцип композиционного рассуждения* (в соответствии с которым строится, например, периодическая система элементов Д.И. Менделеева) и *принцип эволюционного рассуждения*; в свете этих принципов можно говорить о степени рациональности теории. (Shapere D. Scientific Theories and Their Domains // The Structure of Scientific Theories. Urbana, 1977. P. 524–542).

В американской философии есть и такой оригинальный вариант рассуждений на данные темы, как концепция *Л. Лаудана*, критика «исторического направления». Он, как и Д. Шэпир, считает теорией такую форму знания, которая *решает научную проблему*. На сегодняшний день это положение есть *претендент № 1 на звание критерия истины*.

Л. Лаудан полностью отрицает связь между рациональностью и истинностью научного знания. Обычно любая оценка рациональности или научного прогресса неизбежно связана с вопросом адекватности научных теорий; рациональность в таком случае состоит в принятии высказываний о мире, относительно которых имеются достаточные основания веры в их истинность. Тогда прогресс – это последовательное приобретение или завоевание истины. Л. Лаудан же хочет сделать рациональность зависимой от прогрессивности, т.е. от проблемно разрешающей эффективности принимаемых теорий, перевернув обычную точку зрения. Аргументом здесь служит то, что философы со времен Парменида и Платона занимались поисками обоснований науки как деятельности, направленной на достижение истины, но все эти попытки провалились, ибо не было гарантированного порядка такого достижения. Науке суждено остаться иррациональной.

На деле поиски овладения истиной, считает этот философ, есть утопия, ибо у нас нет никакого критерия, чтобы зафиксировать это овладение и узнать о реализации нашей цели. Поэтому нельзя продемонстрировать прогресс науки, если говорить о нем в смысле приближения к истине (хотя его концепция этого не запрещает). Можно лишь рассматривать его как решение максимального и даже возрастающего числа важных проблем. Тогда рациональность состоит в способности отбора таких проблем.

Защищаясь против возможных обвинений в том, что его подход превращает науку в пустой набор символов и звуков, не имеющих связи с реальностью или «истиной», Л. Лаудан утверждает, что в его модели нет ничего, что исключило бы возможность того, что научные теории являются истинными и что научное познание с течением времени все более и более приближается к истине. Все дело в том, что у нас нет никакого способа в этом убедиться.

Надо заметить, что эмпиризм не покушался на рациональность как таковую, объективность как таковую. Думается, что «третий» и «четвертый» позитивизм роднит понимание объективности как *интерсубъективности*. Научный вывод, полученный любым путем, должен получить понимание и подтверждение заинтересованного сообщества ученых. Если вместо одобрения научный вывод сталкивается с негативной оценкой, это значит, что он (вывод) не попал в свое социальное пространство, которое, будучи в конце концов обретенным, подтвердит его правильность, объективность и рациональность.

В качестве методологического ключа для разъяснений можно использовать замечание И.С. Нарского: «...По мере развития науки... активность... познающего субъекта, абстрактность, а значит, символический характер формирования, фиксации и трансляции истины *возрастают*». (Нарский И.С. Диалектика относительности и абсолютности истины // Философские науки № 5. 1978. С. 29).

Итак, в позитивизме научное познание – интерсубъективный диалог, обмен семемами, теми самыми «твердыми ядрами» информации, которые либо принимаются, либо отталкиваются. Мах советовал без жалости отбрасывать их при столкновении с новыми фактами; Фейерабенд так же легко возвращает их «на поле» по желанию ученых; Лакатош оберегает от прямого сопоставления с новыми, противоречащими теории фактами. Много спасает принцип дополнительности, интервальный подход, принцип неполноты теории, и др. Схематически этот принцип вырос из двух теорем *К. Гёделя* (о неполноте) и может быть сформулирован примерно так: эпистемологические основания научной теории выходят

за ее рамки и средствами данной теории не эксплицируются. Это вполне оправданные и результативные конвенции, делающие научный поиск эффективным, но не снимающим основные эпистемологические проблемы – понимания, объективности, критериев истины.

Как со всей определенностью высказался «анти-платоник» *Ричард Рорти*, сами дилеммы познаваемого и непознаваемого, абсолютного и относительного и т.д. должны быть сняты. Тогда автоматически влияние Платона и Аристотеля будет, наконец, элиминировано; потеряет смысл любое следствие этого влияния, например, понятие релятивизма или скептицизма, и на вечерней заре последних веков утвердится желанная «ризома» без корней и дистинкций – новая разумность без старой рациональности.

(Еще Гегель, король диалектики, самым ироническим образом отзывался о тех, кто «отменяет» поход за абсолютной истиной).

Постструктуралистская заостренность новых требований и ожиданий так же понятна, как непонятна «новая разумность». Хотелось бы, однако, подчеркнуть, пользуясь терминологией *Стивена Тулмина*, что «выживание» популяции понятий в изменяющихся условиях, с нашей точки зрения, есть «медицинский факт», и что выжившее понятие или парадигма – а также синтагма – в разные исторические периоды существенно одни и те же. Так столетний Тициан сохраняет самость, так тысячелетнее онтологическое доказательство бытия Бога блюдет свой смысл, так трехтысячелетний скептицизм удерживает свой познавательный скепсис. Так локальное знание о сомнительности чувственных данных, спорности подавляющего большинства суждений или ограниченности личного опыта становится походом за истиной – мета-локальным знанием, путем бесконечным.

Таковы в кратком изложении основные западные концепции философии науки конца XIX – начала XXI столетий.

## Часть II

### История и философия социально-гуманитарного познания

#### Тема I. СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

1. *Сходство и различие наук о природе и «наук о духе».*
2. *Сходство и различие наук об обществе и наук о человеке.*
3. *Субъект, объект, предмет социально-гуманитарных наук.*

##### 1. *Сходство и различие наук о природе и «наук о духе»*

Науки о природе и «науки о духе» имеют много общего и много различий.

*О сходстве.* Родовое сходство состоит в том, что все они – науки. Наука, как уже говорилось, – социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, занятых деятельностью, основной *целью* которой является получение, распространение и применение (научного) знания. Это систематическое, логически внутренне непротиворечивое, открытое знание.

**Знание** вообще. *Определение знания.*

*Краткая философская энциклопедия (М.: Прогресс. 1994):* Знание – проверенный практикой результат познания действительности, верное её отражение в мышлении человека; обладание опытом и пониманием, которые являются правильными и в субъективном, и в объективном отношении и на основании которых можно построить суждения и выводы, кажущиеся достаточно надежными для того, чтобы рассматриваться как знание.

По М. Шелеру, знание представляет собой участие в конкретном бытии сущего, предпосылкой которого является участие, трансцендирующее подлинное бытие. В формальном смысле это участие называется *любовью*. Знание должно служить... становлению и развитию личности... (образовательное), ...становлению мира... и его высших принципов... (знание ради божества, искупительное знание), и практическому господству над миром и его преобразованию... («Это знание позитивных наук, знание господства и действия»). (С. 166)

*Философский энциклопедический словарь (ред. Л.Ф. Ильичев. – М.: Советская энциклопедия, 1983):* Знание, проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат процесса познания действительности, адекватное ее отражение в сознании человека в виде представлений, понятий, суждений, теорий. Знание обладает различной степенью достоверности, отражая диалектику относительной

и абсолютной истины. По своему генезису и способу функционирования знание является социальным феноменом. Оно фиксируется в форме знаков естественных и искусственных языков.

Отношение знания к действительности носит многоуровневый и сложно опосредованный характер и развивается как в истории человеческой культуры, так и в процессе индивидуального развития личности. Элементарные знания, обусловленные биологическими закономерностями, свойственны и животным, у которых они служат необходимым условием их жизнедеятельности, реализации поведенческих актов. Знания могут быть донаучными, житейскими, художественными (как специфический способ эстетического освоения действительности) и научными (эмпирические и теоретические).

Житейские знания, основывающиеся на здравом смысле и обыденном сознании, являются важной ориентировочной основой повседневного поведения человека. Эта форма знания развивается и обогащается по мере прогресса научного знания. В то же время сами научные знания вбирают в себя опыт житейского познания. Научные знания характеризуются осмыслением фактов в системе понятий данной науки, включаются в состав теории, образующий высший уровень научных знаний. Научные знания, являясь обобщением достоверных фактов, за случайным находят необходимое и закономерное, за единичным и частным – общее. На этой основе осуществляется прогнозирование. Мышление человека постоянно движется от незнания к знанию, от поверхностного ко все более глубокому, сущностному и всестороннему знанию, служащему необходимым условием преобразующей деятельности человека и человечества. (С. 192)

*Новейший философский словарь (сост. А.А. Грицанов. – Мн: Изд. В.М. Скакун, 1998):* Знание – селективная (1), упорядоченная (2), определенным способом (методом) полученная (3), в соответствии с какими-либо критериями (нормами) оформленная (4) информация, имеющая социальное значение (5) и признаваемая в качестве именно знания определенными социальными субъектами и обществом в целом (6). (Автор В.Л. Абушенко. С. 247–248).

*Философский энциклопедический словарь (М.: Инфра-М, 2002):* Все то же самое, что в «Краткой философской энциклопедии».

**Знание** – кодифицированная и благодаря этому идентифицируемая информация любого рода. В зависимости от средств кодификации сознанием информации различают / перцептивное и понятийное знание, дискурсное и интуитивное, явное и неявное (латентное), эмпирическое и теоретическое, научное и ненаучное и др. (*Философия науки*. М.: Трикста, 2004; М.: Академический Проект, 2004. – С. 25–26)

Федон. 97 с. ...Человеку не нужно исследовать ни в себе, ни в окружающем ничего иного, кроме самого лучшего и самого совершенного. Конечно, он непременно должен знать и худшее, ибо знание лучшего и знание худшего – это одно и то же знание.

\*\*\*

Приведем свою дефиницию.

Исходный греческий термин “gnōsis” (знание) путем многообразных переносов пришел в современные языки, либо в чистом («гносеология», «агностицизм»), либо в частично измененном виде (англ.: “to know, knowledge” через латынь “gnoscere, noscere”, узнать). Однако, например, в современном немецком «знать» – “wissen”, отсюда «наука», “Wissenschaft” (≈результат создания, сотворения знаний; соотв., в англ. – “shape”, вид, форма, тело с его контурами). “Wissen” появилось также из древнегреческого языка, но произошло от других слов: “eidos” (вид, форма), “idein” (видеть), “eidenai” (знать), будучи переданным через латинское “vidēre” (видеть) и древневерхненемецкое “wizzan”. Соответственно, в английский из того же источника пришли слова “wit” – ум, сообразительность; “wise” – мудрый (и, по распаду полисемии, с другим значением: «манера», «показываться», «проявляться»), “wisdom” – мудрость как способность «прозревать» в процессе интеллектуального созерцания внутренние качества и отношения, пронизательность. (DC-direction of fit). Примечательно, что «со-знание» по-немецки “das Bewußtsein”, здесь две строительных корневые морфемы, «знание» и «бытие», причем «знание» – атрибут, «бытие» – субъект. “Das Bewußtsein” – знаемое, осознаваемое (мы бы сказали, обнаруживаемое, становящееся обозримым бытие. Оптическое бытие).

Исходный термин «веда» (санскрит) присутствует в славянских языках, обозначая как знание («ведать»), так и науку, учение («~ведение»).

В русском языке термин «знание» родственен словам «знак», «значение», «знамение» (кстати, и «знамя»), «значительный», «знаменательный». (Это важно; это указывает, что в данной этносоциальной парадигме присутствует иная интенция, AC-direction of fit, нежели в германских языках).

**Знание** можно охарактеризовать как **обнаружение** и **принятие** («понимание», т.е. «имение», присвоение) **бытия, участие** человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, а точнее, он презентирован, **представлен** (vorgestellt, от Vorstellung), обо-**значен** идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ»).

\*

**Научное знание:** знание, получаемое и фиксируемое специфическими научными **методами и средствами** (абстрагирование, анализ, синтез, вывод, доказательство, идеализация, системное

наблюдение, эксперимент, классификация, интерпретация, сформировавшийся в той или иной науке или области исследования её особый язык и т.д.).

Важнейшие *виды и единицы* научного знания: теории, дисциплины, области исследования (в т.ч. проблемные и междисциплинарные), области наук (физические, математические, исторические и т.д.), типы наук (логико-математические, естественные, инженерные, социальные, гуманитарные).

Их носители организованы в соответствующие профессиональные сообщества и институты, фиксирующие и распространяющие научное знание в виде печатной продукции и компьютерных баз данных.

**Научный метод:** собирательное имя для обозначения совокупности применяемых в науке средств получения, обоснования и применения (использования) научного знания.

Совокупность этих средств весьма обширна, разнообразна и специфична – и для разных типов наук... и для качественно разных уровней одной и той же науки.

### *О различиях и специфике СГН*

«В СГН подчеркивается ценностная обусловленность наших знаний о мире». (Филос. проблемы соц-гуманит. наук. С. 16).

Сама философия изначально формировалась как гуманитарная наука.

И.Т. Касавин полагает, что ее задача состояла в обосновании силы человеческого разума<sup>15</sup>. Он указывает, например, что «социально-гуманитарное познание оформилось в систему задолго до естественных наук, как скоро оно должно было регулировать политические, правовые, экономические, личностные отношения. Именно ему обязаны фундаментальные понятия порядка и закона, первоначально имевшие чисто социальный смысл» (там же).

Этот философ, правда, подчеркивает, что социально-гуманитарное познание существовало в двух лицах: сакральном (магия) и профанном (технология), причем этому разделению служили прообразами небо и земля. Отсюда возникли бинарные оппозиции порядка и хаоса; это мнение противоречит предыдущему («порядок – понятие чисто социальное»). Дело каждого ученого решить, какое из утверждений ему ближе. Однако убедительным представляется, что натурфилософия и возникшее из нее естествознание действительно сложилось из магических

---

<sup>15</sup> Касавин И.Т. Традиции и интерпретации: фрагменты исторической эпистемологии. – М.: 2000. – С. 24.

технологий ради использования скрытых сил природы. Касавин пишет: «Противоположность небесного (регулярного, совершенного, самодостаточного) и земного (стихийного) миров легла в основу противоположностей порядка и хаоса, причины и следствия, сущности и видимости, закона и факта, истины и заблуждения, точного и приблизительного.

Небо с совершенными движениями светил стало онтологическим прообразом *научной теории*, к возникновению которой привела философско-научная ориентация на рационализацию познавательного процесса. Земля с ее многообразием и несовершенством послужила прообразом эмпирического познания. Прототипом соотношения теории и эмпирии явилось все то же соотношение сакрального и профанного». (там же, с. 25)

Итак, социально-гуманитарное знание зарождается в условиях сложных социальных отношений в античном полисе. Необходимо было обслуживать экономику, политику, этику, юриспруденцию, социальные коммуникации, даже ведение домашнего хозяйства и т.д. В связи с этими задачами развиваются риторика, логика, эристика, диалектика как искусство ведения дискуссии. Обращаться с расспросами к Космосу становится нонсенсом: космос молчит. На вопросы отвечает только человек...

Социально-гуманитарным наукам изначально присущи *релятивизм* и *скептицизм*. Проблематика гуманитарного знания складывалась в условиях, исключивших (на время) догматизм: это кризис классического полиса.

Распространителями, если не родоначальниками европейского релятивизма, практического и теоретического, были софисты. Надо подчеркнуть, что хотя концептуальный комплекс «философия-логика-филология-семиотика» вполне определенным и законченным [догматическим] образом сложился в трудах Аристотеля («Категории», «Об истолковании» и др.), однако существует пространная история этого «складывания». Само его формирование происходило достаточно долго, а софисты в этом преуспели до Аристотеля. С тех пор науки, составляющие упомянутый комплекс, больше не расставались.

Известно далее, что софисты наряду с Сократом одновременно и улучшают этот комплекс методологически, *рефлексивно-критически*, и применяют его в качестве объектного языка к проблемам *этики, экономики, политики* и пр. (т.е. это *практики-гуманитарии*). Размышление над объектом и явлением закономерно приводит к размышлению над самим размышлением, – оттачиванию искусства диалога = диалектики,

экспликации содержания понятий, верификации содержания (рас)суждений, а затем апробации и испытанию самой истины. Софисты в этом, как было сказано, преуспели. Сравним: Протагор утверждал, что существует одно только истинное. Ксениад Коринфский, напротив, – что все существующее ложно<sup>16</sup>. Сократ, которого подозревали в тесных связях с софистикой, высказался как-то в том плане, что не знает, человек он, – или зверь, «более пёстрый, чем Тифон». Горгий, ученик Фрасимаха, проповедовал, что всё одинаково существует и не существует, а потому всё имеет одинаковое достоинство. Точнее говоря: 1) ничто не существует; 2) если и существует, то оно непознаваемо; 3) если и познаваемо, то непередаваемо и необъяснимо. Возможно, менее известны, но не менее рельефны афоризмы Метродора Хиосского: «Я утверждаю, что мы не знаем, знаем мы что-нибудь или ничего не знаем; и вообще, [мы не знаем], существует ли что-нибудь или нет ничего». А также: «Что бы кто ни помыслил, все это [для него] и есть таково»<sup>17</sup>. А последователь Метродора Анаксарх из Абдер, прозванный «Счастливым», и киник Моним сравнивали сущее с театральной декорацией, со сновидением или сумасшествием<sup>18</sup>.

Возможно, – и действительно, – софистика была шагом вперед по сравнению с предыдущим веком простодушной физики, поскольку ставила на место небесных законов человеческие, служила коммуникации, развила гуманитаристику, социальные дисциплины, эристику, риторику, логику, семиотику; во всяком случае, она не была эпигонской философией (в отличие, допустим, от софистики постмодернизма). Проблемы релятивизма в гносеологии обсуждалась софистами с большим жаром, и их критика догматизма была запоминающейся. Эллинизм, сменивший классическую эпоху, наследует эту полемику.

Скептицизм, и релятивизм, вообще говоря, были присущи социально-гуманитарному знанию еще в преддверии философии (напр., вавилонский «Пессимистический диалог»).

Скептицизм как специальная школа – это, конечно, творение эллинской мысли. Он (метафизически) противопоставляет друг другу догматически-доказательный и феноменалистически-интуитивный опыт,

<sup>16</sup> Сколь примечателен скептический выпад против Ксениада: «Если все представления ложны и нет ничего истинного, то истинно положение “Истинное есть ничто”. Но если истинное есть ничто, то истинное есть!»!

<sup>17</sup> Данный фрагмент [из Лаэрдия] у Дильса заканчивается утверждением: «Это начало послужило дурной точкой отправления для жившего после него Пиррона».

<sup>18</sup> Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика. – С. 11–12.

тем служа отдаленным предтечей (нео)кантианства, в особенности в его гуссерлианской транскрипции. Так как всё течет и меняется, то ни о чем вообще ничего сказать нельзя. Люди говорят не о том, что действительно существует, но только о том, что им кажется. Отсюда проистекает та всеобщая противоречивость суждений, которая мешает признать что-нибудь за ложь. Или за истину, надо добавить.

*Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* (М.: «Мысль», 1979. Книга IX. 11) Пиррон: «...выражение “На всякое слово есть обратное” ведет за собою воздержание от суждения: если вещи противоречат друг другу, а слова равносильны, то из этого следует неведение истины. Более того, и на само это слово есть обратное, так как оно, опровергнув другие, оборачивается и разрушает само себя...»<sup>19</sup>. «Стало быть, говоря “Мы ничего не определяем”, мы не определяем даже этого»<sup>20</sup>.

Перед этим: «Догматики... говорят, будто они [скептики] и сами прибегают и к пониманию, и к догмам... в самом деле, заявляя, что они ничего не определяют и что на всякий довод есть противоположный, они тем самым и дают определение, и полагают догму. Но на это ответ их таков: “...мы от суждения воздерживаемся, потому что это нам неясно, а знаем мы только свои претерпевания. Так, мы признаем, что мы видим, и знаем, что мы мыслим, но как мы видим и как мы мыслим – это нам неизвестно; так, мы говорим в разговоре, что такая-то вещь кажется белой, но не утверждаем, будто бы она и действительно такова. А такие слова, как “Ничего не определяю” и т.п., мы высказываем не в качестве догмы – это ведь не то же самое, что говорить, будто мир шарообразен: последнее есть неясность, а первое есть простое допущение. ...Мы признаем видимости, но не признаем, что они таковы есть, каковы кажутся. Мы чувствуем, что огонь жжет, но жгучая ли у него природа, от такого суждения мы воздерживаемся. ...Просто мы стоим на том, что вся подоснова явлений для нас неясна”».

«Стало быть, критерием истины у скептиков служит видимость. Так говорит Энесидем, так и Эпикур. ...Когда видимости бывают разные, всё-таки каждая из них называется видимостью, – ведь видимостью мы называем все, что видим.

Конечной целью скептики считают воздержание от суждений (*epochē*), за которым, как тень, следует бестревожность (*ataraxia*). ...Они при своем образе жизни воздерживаются от вопросов догматических,

---

<sup>19</sup> С. 384.

<sup>20</sup> С. 392.

но не от житейских и обычных...»<sup>21</sup>. Лаэций подчеркивал, что скептики на всякий случай в обычной жизни придерживались традиционного поведения. (Подобные вопросы сильно занимали, например, и первого великого русского философа П.Я. Чаадаева: он советовал Е.Д. Пановой в «Первом философическом письме»: «Лучшее средство сохранить религиозное чувство – это придерживаться всех обычаев, предписанных церковью. Такое упражнение в покорности важнее, чем обыкновенно думают».)<sup>22</sup>

Можно обратиться к статье А.Ф. Лосева «Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика».

Лосев стремился глубоко проникнуть в особенности мышления и античного физика ранней поры, и классиков Платона и Аристотеля, и академиков эпохи эллинизма. Он подчеркивал, что сомнение, искание, антидогматизм были в Греции *нормой* для всех философских течений, от Демокрита (см. известное: Секст adv. math. «[Лишь] в общем мнении существует сладкое, в мнении – горькое, в мнении – теплое, в мнении – холодное, в мнении – цвет, в действительности же [существуют] только атомы и пустота») – до академиков-классиков, академиков-скептиков, наконец, и до Сатурнина. А.Ф. Лосев считал, что в те первые, ранние времена все рассуждения были направлены только на вечное искательство, сомнение, *недоверие очевиднейшему*. «Гераклит до того доводил свое учение о всеобщем становлении, что его можно было бы прямо назвать не только скептиком, но и иррационалистом»<sup>23</sup>. О законченной философской системе не было и не могло быть речи.

Это, конечно, несколько утрировано. Приведем для демонстрации соответствующие *Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции. М., 1955. Пер. М.А. Дынника*.

1. Секст adv. Math. VII 132. Хотя этот логос существует вечно, люди не понимают его – ни прежде, чем услышат о нем, ни услышав впервые...

2. Секст VII. Поэтому необходимо следовать всеобщему. Но, хотя логос всеобщ, большинство людей живет так, как если бы имело собственное понимание. (С. 41).

17. Климент Strom. II 8. Большинство людей не понимает того, с чем встречается, да и научившись, они не понимают, или же самим кажется,

<sup>21</sup> С. 393.

<sup>22</sup> Чаадаев П.Ф. Соч. в 2-х т. – М.: 1991. – С. 322.

<sup>23</sup> Это не вполне верно... либо метафизики-элейцы заслуживают того же: в своей натурфилософии в оценке чувственного познания они утверждали, что невозможно строить науку на основании абсолютной и непрерывной текучести ощущений.

[что понимают]. (С. 43). *В этих фрагментах, действительно, можно усмотреть гносеологический (но не онтологический!) релятивизм. Однако ниже читаем:*

23. Климент Strom. II 10. Имени Правды они бы не знали, если бы этого не было. (С. 43).

112. Стобей flor. I 174. Мышление – великое достоинство, и мудрость состоит в том, чтобы говорить истинное и чтобы, прислушиваясь к природе, поступать с ней сообразно. *В этих утверждениях, напротив, звучит философская вера в познаваемость сущности и законов мироздания (Логоса, Правды) на основе природосообразности. Хотя – справедливо, что о законченной системе здесь нет речи.*

А.Ф. Лосев последовательно рассматривает релятивистские мотивы в учениях античных классиков. Так, он утверждает, что в «Тимее» уже заложен основной принцип позднейшего скептицизма, и базируется он на всеобщей материальной текучести вещей, запрещающей высказывать какие-нибудь точные и лишённые противоречия суждения. Вся космология платоновского «Тимея» строится исключительно на понятии вероятности (ниже сказано точнее: «на правдоподобности». – Э.Т.): «Я намерен и здесь придерживаться того, что обещал, а именно, пределов вероятного». «Но о том, что лишь воспроизводит первообраз, ...и говорить можно не более как правдоподобно. Ведь как бытие относится к рождению, так истина относится к вере. А потому не удивляйся, Сократ, если мы... не достигнем в наших рассуждениях полной точности и непротиворечивости», и т.д. (29 с-д, 44д)». Неясно, однако, почему не считать догматизмом – *мировоззренческим* догматизмом в смысле веры в Абсолют, *методологическим* догматизмом в смысле поиска абсолютного знания – платоновое учение о Первообразах и предшествовавшее ему парменидово учение о Едином и Неизменном Бытии? Тем более что только это знание есть в той культуре *собственно знание*...

Первым признанным скептиком был, по общему мнению, Пиррон из Элиды. (Сам он ничего не писал, однако именно с тех пор вошли в философию на правах категорий «эпохэ» – «воздержание» от всякого суждения, «адиафорон» – «безразличие», «атараксия» – «невозмутимость», «апатия» – «бесчувствие», «бесстрастие». И «эвдемония» – «блаженство», состояние мудреца).

Аристотель (судя по Тимону и по Евсевию) разъяснял: «Пиррон утверждает, что вещи в равной мере неразличимы, неисследимы и неопределимы», вследствие чего «ни наши ощущения, ни наши мнения не являются ни истинными, ни ложными» и поэтому «не следует им верить».

Диоген Лаэртский считал, что свое неведение вещей и свое воздержание от суждений о них Пиррон почерпнул у индийских гимнософистов и магов.

Несмотря на то, что Пиррон действительно противопоставляет разумно доказанные учения (догматическое знание, основанное на научных данных и аргументации) непосредственно-данным, иррационально-текучим ощущениям (феноменализму, т.е. опоре на «файноменон», то, что нам является), он готов признать то и другое как одинаково истинное и одинаково ложное. Всё безразлично и равнозначно. Отсюда и следует то, что мы ничего не знаем, даже того факта, знаем ли мы или не знаем, и вообще, существует ли что-нибудь или нет. Это отказ от всяких суждений, и утвердительных, и отрицательных. (До него Метродор уже говорил то же самое; Евсевий же возражал: «Будучи человеком, невозможно воздерживаться от суждения... хотя все и непостижимо, тем не менее, далеко не все является неясным», с. 32).

Лаэртий пространно излагает учение скептиков о невозможности вообще всякого доказательства, о невозможности исходить из истинного предположения, о невозможности доверия и убедительности, критерия истины, знака, причины, движения, изучения, возникновения и добра и зла от природы<sup>24</sup>.

Ученик Пиррона Тимон Флиунтский – 325–235 до н.э. – был «постмодернистом» до всякого постмодернизма! Он, как говорят, написал множество трагедий, комедий и др. До нас дошли только «Силлы». Наибольший интерес представляют знаменитые Три вопроса Тимона (и его ответы на них): 1. В каком виде существуют вещи? – Вещи неразличимы и неустойчивы. 2. Как мы должны к ним относиться? – Недоверчиво. 3. Какое отсюда вытекает для нас поведение? – Мы не можем ничего решать о вещах, ничего высказывать о них и должны иметь полную свободу своих суждений, из которой вытекает непоколебимость нашего духа. (Лосев. С. 28). Парадоксальный Тимон (согласно Лаэртию) хвалил, однако, Парменида за превознесение *разума*: «...и не следующий мнению толпы, могучий, надменный Парменид... поистине освободил мышление от обмана воображения...»<sup>25</sup>

В дальнейшем скептицизм, что также звучит достаточно парадоксально, развивался в пределах платоновской Академии, – Аркесилаем, Карнеадом.

<sup>24</sup> Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. Книга IX. 11. Пиррон. – С. 388.

<sup>25</sup> Антология мировой философии. В 4-х т. Т. 1 – М.: Мысль, 1969. – С. 293.

«Академический» скепсис пытался устанавливать и анализировать понятие вероятности. (Надо заметить, что, по непонятной причине, у Лосева разные два понятия – «эвлогон», благое слово, и «пифанон», вещное слово, – переведены как «вероятность»). Этих философов интересовали не теоретические занятия, а практическое освобождение человека от всяких теорий ради свободы его поведения.

Аркесилай, глава Средней Академии, повел борьбу против стоиков. Ни наука, ни интеллектуальная интуиция – «постижение», ни мнение, полагал он, не дают мудрости и не спасают от глупости. Следовательно, должен существовать какой-то иной критерий для практической деятельности, определяющий успех действия, жизненный опыт, счастье. Этим критерием оказывается «эвлогон» – «благое слово». (Думается, надо интерпретировать его не как «вероятность», но как «здравый смысл» в его английском варианте: *common sense*, а еще лучше как «благоразумие»). Этот термин предполагает объективное существование смысла сущего. *Следует выбрать то, что создает успех.*

Таким образом, для Аркесилая, не признававшего ни науки, ни знаний, ни мнений, критерием являлась только практическая разумность. Однако это критерий не абсолютный: здравый смысл, эвлогон, то указывает на успех предприятия, то не указывает на него. (Абсолютов ждать от скептиков, собственно, и не приходится). Цицерон говорит, что Аркесилай «установил не показывать, что полагал он сам, но спорить против того, что другие высказывали». Весьма напоминает постмодернистский критицизм.

Карнеад, глава Новой Академии, мало что писал (или не писал вообще; писал его ученик Клитоммах), зато славился своим красноречием. Известно, что в 156 г. до н.э.<sup>26</sup> он возглавил афинское посольство в республиканский Рим и произнес там две речи о справедливости. В первой речи он превознес эту высшую добродетель как природосообразную конечную цель, к осуществлению и овладению которой каждый человек должен стремиться – *ради нее самой*. Речь вызвала всеобщий восторг и «проняла» даже ревнителя старины и упорного «отрицателя» греческой философии Катона-Старшего. Однако на другой день оратор ошеломил публику: «Вчера вы, римляне, бурно мне аплодировали, бурными возгласами одобряли мою речь. Но если вы действительно так высоко цените справедливость, то вы должны отказаться от мирового господства, вы должны уйти даже из Италии и ограничиться одним своим городом. Вы должны всё вами завоеванное

<sup>26</sup> См. об этом: Маковельский А.О. «История логики». – М.: Наука, 1967.

вернуть законным владельцам и жить не в роскошных дворцах, а в скромных хижинах. Но вы, конечно, этого не сделаете и будете совершенно правы». Далее Карнеад заявил, что справедливость – условное человеческое установление, и тем, кто господствует и имеет силу, неразумно соблюдать справедливость, так как она не в их интересах и несовместима с существующим общественным строем. Катон потребовал немедленного отъезда афинских философов из Рима... Но греческая мысль понравилась кружку прогрессивных деятелей, объединенных вокруг Сципиона-Младшего, и привилась на новой почве<sup>27</sup>.

Философской позиции Карнеада были присущи общескептические черты: это учение о недоступности абсолютного знания, о фундаментальной текучести чувственного представления. Обладало оно и собственной спецификой, весьма интересной: это градация способов проверки, регулятивов или *ориентиров действий*. Хотя критерий истины, считал Карнеад, в абсолютном смысле (как критерий знания) отсутствует, какой-то относительный критерий (критерий поведения) должен быть, иначе нельзя будет и судить о том, как поступать. Первый такой регулятив – «пифанон», вещее слово: оно обладает большей или меньшей «убедительностью», *вероятностью*. Этот способ проверки заключается в том, что мы, обладая представлением вещи, одновременно и представляем себе самую вещь, и ощущаем самих себя как представляющих. При этом оно (представление) может быть как истинным, так и ложным; однако им нельзя пренебрегать. Карнеад отвергает только абсолютно ложное представление, которое есть большая редкость. Остальные представления либо истинны, либо вероятностны – содержат в себе какой-то момент ложности, но они тоже своего рода критерий. (Лосев, с. 30). Вторая ступень или второй способ проверки – «апериспастон»: представление «нерассеянное» («нерастерянное». – Э.Т.). На данной ступени действуют логические правила, и первоначальная доверчивая вероятность получает структурные элементы. Это более сильный критерий: такое представление достаточно устойчиво, чтобы не терять своей специфики. (Очевидно, что эти «нерастерянные» представления похожи на «топосы» Аристотеля.).

---

<sup>27</sup> В то же историческое время в Риме существовали и стоики, и перипатетики, и эпикурейская неаполитанская школа, возглавляемая логиком Филодемом, в которой, по всей вероятности, обучался Тит Лукреций Кар. Она поддерживала демократический образ мышления, одобряла производительный труд и вообще была материалистической, хотя сам Лукреций, как считают, стремился избежать «односторонности эпикуреизма».

Лучший ориентир и самый высокий критерий заключается в такой вероятности, которая установлена и изучена в связи со всеми другими соседними предметами, могущими обнаружить, нарушить либо исключить истину. (С. 31). Опять-таки удивительная переключка с постмодернистскими идеями интерсубъективности, конвенциональности, «третьей навигации» и проч. <В довершение всего, у Карнеада еще и противопоставление истинности и понятности было! см. с. 32>.

Этот *академический скептицизм* с течением времени ослабевал и эклектически смешивался со *стоицизмом* у Филона из Лариссы (Четвертая) и Антиоха из Аскалона (Пятая Академия).

Весьма интересны способы опровержения догматизма у систематика Энесидема. (О жизни его фактически ничего неизвестно; здесь изложение идет по Лаэртию). Парадоксальный Энесидем догматизирует доводы скепсиса. А.Ф. Лосев полагает, что все тропы доказывают *только один* тезис: невозможность что-либо утверждать и наличие для каждого утверждаемого «да» отрицательного «нет». Нам кажется ясным и очевидным, что тезисов здесь не один, а *два*... В другом месте идет разделение тропов на две группы: (сноска, комментарий на с. 541 к «Пиррону» Лаэртия: первые пять тропов рассматривают ненадежность всего видимого со стороны субъекта, последние пять – со стороны объекта).

Сами же эти рассуждения в кратчайшем изложении суть таковы.

Книга IX. 11. Пиррон. С.с. 385–387. Десять способов, которыми изменяется видимость предмета (*“Энесидемовы тропы”*).

I – исходит из того, что у различных существ различны наслаждение и боль, различны польза и вред от разных вещей. Это заставляет думать, что и представления у них не одни и те же от одних и тех же вещей и что поэтому при таком противоборстве лучше воздерживаться от суждений. Так, среди животных... ястребы всех зорче, собаки всех чутче, а стало быть, можно думать, что раз глаза у животных разные, то и представления – соответственные им. Точно так же и виноградная лоза для козла съедобна, а для человека горька, или цикута для перепелки питательна, а для человека смертельна...

II – исходит из человеческой природы и личных особенностей. Так... аргиевнин Андрон, по словам Аристотеля, перешел через Ливийскую пустыню, не пивши. Точно так же один чувствует влечение к врачеванию, другой – к земледелию, третий – к торговле, и то же самое занятие одним идет во вред, другим на пользу. Поэтому следует воздержаться от суждений.

III – исходит из различия в наших чувствующих отверстиях. Так, яблоко зрению нашему представляется желтым, вкусу – сладким, обонянию – душистым... Из этого следует, что всякая видимость есть не в большей степени одно, чем другое.

IV – исходит из предрасположений и общих времен, каковы здоровье, болезнь, сон, бодрствование, радость, печали, молодость, старость, отвага, страх, недостаток, избыток, вражда, любовь, жар, озноб, не говоря уже о легком дыхании и трудном дыхании. От того, каковы предрасположения, зависит и различие видимостей...

V – исходит из воспитания, законов, веры и предания, народных обычаев и ученых предубеждений. Сюда относятся сомнения о прекрасном и безобразном, об истинном и ложном, добром и злом, о богах, о становлении и гибели всех видимостей. В самом деле, одно и то же для одних справедливо, для других несправедливо, для одних добро, для других зло... Разные народы верят в разных богов... Египтяне покойников бальзамируют, римляне сжигают, пеонийцы бросают в озера. Поэтому от суждения, что истинно, а что нет, следует воздержаться.

VI – исходит из соединений и взаимодействий, по причине которых ничто не является само собой в чистом виде, а только в соединении с воздухом, светом, влажностью, плотностью, теплом, холодом, движением, испарением и другими взаимодействиями. Так, пурпур выказывает разные оттенки при солнце, при луне и при светильнике... камень, который в воздухе тяжел и для двоих, без труда перемещается в воде... а каково все это само по себе, мы не можем выделить, как мы не можем выделить масло из состава умащения. (А.Ф. Лосев: Шестой троп – о непознаваемости отдельных вещей ввиду их постоянных соединений и взаимодействий. Непознаваемость вещи доказывается на основании соотношения ее не только с бесконечным множеством других вещей, но и с человеческим субъектом.).

VII – исходит из расстояний, положений, мест и занимающих их предметов. В силу этого вещи, по-видимому большие, представляются малыми, четырехугольные – круглыми, ровные – бугристыми, прямые – вогнутыми, бесцветные – цветными. Так, солнце за дальностью расстояния кажется маленьким; горы издали представляются воздушными и легкими, вблизи же они громоздкие... Стало быть, так как все эти вещи нельзя мыслить вне мест и положений, то и природа их непознаваема.

VIII – исходит из количества и качества вещей – их теплоты, холода, быстроты, медленности, бесцветности, цветистости. Так, вино в небольшом количестве укрепляет тело, в большом – расслабляет; так же действует и пища, и многое другое.

IX – исходит из постоянства, необычности, редкости. Так, где землетрясения бывают часто, там люди им не удивляются; не удивляются они и солнцу, потому что видят его каждый день.

X – исходит из относительности, например, легкого с тяжелым, сильного с бессильным, большего с меньшим, верхнего с нижним. В самом деле... и отец, и брат – понятия соотносительные, и день соотносится с солнцем, и все вещи – с нашей мыслью; а все, что соотносительно, непознаваемо само по себе.

По-иному парадоксальный в этом аспекте Энесидем, отстаивающий скепсис, десятый аргумент приводит, как бы не зная – или не зная? – что у Карнеада это лучший критерий истины...

Соотнесем доводы по опровержению догматизма, приведенные Энесидемом, с аргументацией еще одного скептика, Агриппы.

**Пять тропов Агриппы** построены не столько на соотношении вещей, сколько на соотношении мыслей, и потому обладают не столько объективно-реальным, сколько логическим характером, считает Лосев. В изложении Лаэция они таковы. Книга IX. 11. Пиррон. С. 387–388.

Последователи Агриппы добавляют... еще пять: (здесь ссылка на Секста, «Пирроновы положения»):

I – от разногласия

II – от продолжения в бесконечность

III – от связи

IV – от предположения

V – от взаимности

Способ «от разногласия» прилагается ко всякому разысканию, философскому или обычному, и показывает, как много в нем спорного или смутного. (Лосев, с. 36–37 разбираемой статьи: **Первый троп** говорит о приписывании вещам противоречивых признаков, исключаящих друг друга. Отсюда полная невозможность говорить о какой-нибудь вещи самой по себе.)

Способ «от продолжения в бесконечность» не позволяет обосновывать исследование, потому что каждое обоснование требует в свою очередь обоснования, и так до бесконечности. (Лосев: **Второй троп** считает невозможным определять одну вещь через другую... Определяющих и причиняющих вещей целая бесконечность, так что если мы ищем причину одной вещи в другой, а причину этой другой еще в третьей вещи и т.д., то мы впадаем в ту ошибку, которая в современном словоупотреблении имеет название regressus in infinitum, «уход в бесконечность»).

Способ «от связи» говорит, что всякая вещь *воспринимается* не сама по себе, а в связи с другими, поэтому все они непознаваемы. (Лосев: **Третий троп** указывает на невозможность представления какой-нибудь вещи без соотношения ее с теми или другими вещами вокруг нее и без соотношения с тем субъектом, который хотел бы понять ее как таковую.

Отсюда, вещь, как таковая, остается непознаваемой, а познаваема она только вместе с множеством других вещей, что и делает невозможным суждение о ней как о таковой).

Способ «от предположения» заключается в том, что человек считает возможным принимать простейшие предметы за достоверные сами по себе и не требовать для них обоснования; но это пустое дело, потому что кто-нибудь другой всегда может допустить противоположное. [Вот это верно! И никто иной, как философ, первым это сделает!—Э.Т.] (Лосев: *Четвертый троп*, исходя из попыток преодолеть regressus in infinitum и тем самым постулировать то, что имеет уже причину не в чем-нибудь другом, но в самом же себе, отвергает эту самодвижущую причину как некоторого рода недоказанный домысел).

Способ «от взаимности» применим тогда, когда то, что нужно для обоснования исследуемого предмета, само нуждается в обосновании, например, когда обосновывают существование каналов в органах чувств существованием истечений от предметов, хотя последние в свою очередь требуют для своего обоснования, чтобы существовали каналы в органах чувств. [А последнее неверно. Но можно привести другие примеры...—Э.Т.] (Лосев: *Пятый троп*, называемый тропом взаимодоказуемости («ди аллелон»), исходит из довольно частой ошибки доказывать «А» через «В», в то время как само «В» доказывается и делается понятным только через «А».).

Мы сейчас называем это *circulus vitiosus*, «порочный круг».

Эллинистической философии не хватало только такой позиции скептицизма, которая отрицала бы и считала недоказуемой также и свою собственную критику догматизма. Сказать, что чего-нибудь не существует, — это ведь тоже значит высказать вполне определенное суждение, претендующее на истину<sup>28</sup>.

Такой философ явился.

Секст Эмпирик, до конца последовательный, подверг философскому сомнению и скептическому отрицанию также и все свои собственные аргументы против догматизма. Для Лосева достаточно было всю эту систему доказательств Секста Эмпирика назвать просто абсолютным скептицизмом и полным нигилизмом. Однако если мы будем судить об этом эллинистическом авторе как об «экзистирующем мизантропе»

---

<sup>28</sup> Известно, например, как это обыгрывается в художественной литературе. В романе И.С. Тургенева «Рудин» есть такой диалог: — Итак, по-Вашему, убеждений нет? — Нет, — и не существует. — Это Ваше убеждение? — Да. — Как же Вы говорите, что их не существует? Вот Вам уже одно на первый случай.

и упорствующем отрицателе, не читая его трактаты, – причем изучать их надо самым терпеливым образом, потому что Секст необыкновенно педантичен, – мы ошибемся. Его трактаты, вершина скепсиса, представляют собой строжайше выстроенные, логичные, алгоритмичные, скрупулезные и полные ума и остроумия суммы (компендиумы) и доказательства, методически и методологически, безусловно, сделавшие бы честь любому схоласту.

Например, он критикует следующее определение человека: «Человек есть живое существо, разумное, смертное, способное вмещать в себя ум и знания», и критикует его двумя различными способами. Первый можно назвать способом *содержательным*. Начав с того, что целое больше суммы своих акциденций, Секст далее последовательно отвергает все эпитеты в данной дефиниции. «Акциденция чего-нибудь отличается от того, для чего она акциденция... если различие акциденций даст два их вида, то мы никогда не найдем ни ту, ни другую тождественной подлежащему предмету»; поэтому «живое существо» и «смертность» – не акциденции, поскольку одно не может покинуть свой субстрат, а другое всегда отсутствует. Кроме того, живы и другие существа, и некоторые из них, например, боги, – разумны; а «произносят звуки со значением» и любые попугаи... «Рассуждать и иметь знание» – хотя и человеческие акциденции, но не «всегдашние»: существуют люди и «нерассуждающие», и охваченные непробудным сном, и умалишенные... Завершаются эти страницы эмфазой, берущей в кольцо весь «содержательный аргумент»: «...как оно по сведению воедино может создать человека?.. принципиально все не может сойтись в тождество, чтобы человек составился из всех [признаков]»<sup>29</sup>.

Второй способ опровержения, казалось бы, несомненного определения человека можно назвать *формальным*. «Если именно человек постижим, то он исследует и постигает себя самого или как целый целое, или, будучи целым, лишь как нечто исследуемое и подлежащее постижению. Или он имеет и постигает себя отчасти, отчасти же и являясь при этом искомым и познаваемым, как если бы кто предположил, что зрение само себя видит...» При первом варианте не остается предмета для постижения. Одинаково нелепо «допустить, что человек исследует себя самого как целиком целый и мыслит себя самого одновременно с этим (с мышлением себя целиком целым)» – или что «предметом исследования является целый и одновременно мыслится как целый». При втором варианте аналогично исчезает либо исследующий, либо исследуемое. Третий вариант: «остается, чтобы он подходил к самому себе не целиком, но создавал постижения самого себя в некоторой части. Но это опять относится к сомнительному»<sup>30</sup>. И на многих страницах последовательно расписывается, что ни тело не способно к познанию ощущений и рассудка, поскольку оно неразумно, немо и не годится для исследований, ни ощущения – познавать

<sup>29</sup> Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 115–117.

<sup>30</sup> Там же, с. 117–118 и далее, до с. 123.

телесную массу, себя самих («кто же узнал зрение при помощи зрения?») или логическую способность, ни рассудок... взаимнообратно. Ср.: «Рассудок, приведенный ими в движение алогично, станет алогичным... если он воспринимает ощущения, он и сам должен во всех отношениях становиться ощущением. Если мышление получит чувственную аффектацию, оно окажется ощущением. ...перестанет существовать и то, что исследует ощущения...». Ум и сам-то себя не постигает: если он весь себя постигает, то исчезает либо исследующий, либо исследуемое, если частично – etc., etc., etc., по типу вышеописанных трех вариантов.

Эмпирик до классического эмпиризма, кантианец до Канта и феноменолог до Гуссерля, Секст главным делом философов справедливо считал поиск истины, а основным принципом всей скептической философии полагал воззрение, или представление, согласно которому складывается мнение о явлениях вечно текущей и меняющейся материи. Короче всего этот принцип можно назвать *изостенией*, единством положения и противоположения и неразличимостью границ. До века (веков) схоластов скептик Секст приступает к буквально догматической тотальной систематизации и схематизации знания. Он тоже строит градацию способов проверки истины, а также регулятивов и/или ориентиров деятельности.

Два трактата «Против логиков» (VII–VIII), первый раздел книги Секста «Против ученых», открываются поиском критерия истины<sup>31</sup>. Во-первых, он должен устанавливать основание выбора и избегания<sup>32</sup>. Во-вторых, основание для утверждения или отрицания существования. В-третьих, основание для различения истинного и ложного. «...Скептики будут уличены в легковесности и в посягательстве на то, в чем все уверены, если что-нибудь окажется в состоянии открывать нам дорогу для постижения истины»<sup>33</sup>.

Примечателен сам путь (метод) этого систематика скепсиса: те лестницы, или та опалубка, которая позволяет ему возвести здание и остаться наверху. Помогавшие нам снаряды потом можно откинуть. (Это, кстати, один из образов-символов скепсиса: поднявшись на вершину, мы можем отбросить лестницы). И до «спиралей» Гегеля схемы Секста представляют собой триады «положение–отрицание–синтез (либо нечто третье)». Например: всякую вещь, и истину тоже, можно либо найти, либо не найти, либо только искать. Истина отличается от *истинного* субстанцией, составом и значением. Те, кто верит в истину, полагают ее критерий либо в сфере разума, либо

<sup>31</sup> Разбирая во втором трактате «Против физиков» собственно истину, Секст принимает стоическое воззрение на нее, как на состоящую из субстанции, субстрата и смысла.

<sup>32</sup> Требование ясности и определенности мышления – главное условие его рациональности. Оно имеет не только собственно научный, но и адаптивно-практический смысл, составляя необходимую основу поведения, всегда предполагающего и осуществляющего некий выбор между А и не-А.

<sup>33</sup> С. 65.

в сфере неразумных актов, либо в том и в другом. Логический критерий может быть деятелем («кем», например, человек»), органом («чем», например, ощущение») и тенденцией [προσβολή], или направленностью, представления (соответствует эпикурейскому проλεπισίς).<sup>34</sup> Критерий существования может быть общим (сенсорным), частным (техническим) и самым частным («мерило восприятия неясного предмета»). Из аффекций одни приятны, другие доставляют страдание, третьи нейтральны. И т.д.

Собрав коллекцию и написав панораму всех основных догматических и скептических рассуждений о критерии истины, Секст Эмпирик решительно опровергает их все. «Коль скоро считается, что нашедший истину в философии преуспел... благодаря или возрасту, или трудолюбию, или пониманию, или, поскольку многие свидетельствуют об его успехах, мы установили, что ни по чему из этого нельзя утверждать его в качестве критерия истины, то критерий в философии, оказывается, не может быть найден». За отсутствием мудреца по необходимости остается неоткрытой истина.

Это напоминает интеллектуальную ситуацию с принятием последнего, тотального отрицания за самое твердое убеждение. Такая ситуация в обсуждении основной синтагмы повторялась потом в истории философии и культуры не раз. Приведем для примера одно место из речи Гегеля, произнесенной им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г.<sup>35</sup> «В... Германии до начала ее возрождения утверждалось..., что познанию доступно или лишь отрицательное, лишь сам тот факт, что ничто истинное не доступно познанию (преимуществом быть доступным познанию пользуется одно лишь ложное, временное и преходящее), или же лишь внешнее, следовательно, все то, что, собственно говоря, и есть ложное, временное и преходящее, а именно исторические, случайные обстоятельства, при которых появилось это мнимое познание...»

Однако здесь имеется одна тонкость: было бы слишком просто считать, что Секст «не заметил», увлекшись опровержениями, как они стали логически прочным и стройным *положительным* мировоззрением, и как бы в насмешку над философией заставил ее опровергать саму себя. Во вводной статье к трактатам «Против ученых» – против логиков и против физиков – приводятся замечательные символические образы, свидетельствующие о полной осмысленности методологического, логического и мировоззренческого скепсиса.

<sup>34</sup> Это позднейшая «интенциональность» феноменологии и «direction of fit» теории речевых актов. У Секста, однако, вариантом этого критерия может быть «состояние» [συέσις].

<sup>35</sup> Наука логики. – С. 81–83.

Зевс, являясь отцом и людей, и богов, и одновременно богом, *не является же отцом самого себя.*

Огонь, поглощая и разрушая вещи, поглотив их и разрушив, исчезает сам; *однако вещи он победно уничтожил.*

Взбираясь на вершину обозревающей мысли, философ может пользоваться многочисленными вспомогательными (логическими!) орудиями, однако, оказавшись на вершине, он *отбрасывает лестницу.* Лестницы нет; но вершина есть, она достигнута...

Вероятно, состояние этого совершенного скепсиса можно выразить, как это предварительно сделал сам Секст Эмпирик, следующим образом: «...постижение не имеет начала: или потому, что не находится никакого первого, которое создавало бы постижение, или потому, что нет ничего, что могло бы быть постигнуто»<sup>36</sup>. Его конечные выводы так же неутешительны: «никто ничего ни о чем никогда и никак [достоверно] не знает и не может знать».

Релятивизм и скептицизм не оставляют ученых-гуманитариев. Сегодня стало фактом нашего культурного самосознания, что на один и тот же социальный процесс или историческое событие можно смотреть с разных точек зрения. Принято считать, что в демократическом обществе каждый гражданин имеет право на свое мнение по любому вопросу, на свое собственное видение. Что же можно сказать по поводу плюрализма точек зрения в эпистемологическом контексте?

К. Поппер полагал, что среди разных возможных прочтений реальности могут встретиться как истинные, так и ложные. Суть в том, что мы в силу сложности познавательного процесса никогда не можем знать наверняка, какая из имеющихся точек зрения является истинной. По мнению Поппера, критерием отбора теорий из имеющих право на существование является степень их фальсифицируемости до испытания опытом. Другие современные философы полагают, что все точки зрения равноправны, так как все они в равной степени недоказуемы и непроверяемы.

Один из подходов, а именно интервальный, исходит из того, что в научном познании могут существовать в качестве допустимых разные «картины» одного и того же объекта. Однако эти точки зрения могут рассматриваться как равноправные лишь при одном условии: если все они удовлетворяют требованиям рациональной обоснованности. Тогда мы имеем дело с наличием конкурирующих гипотез и теорий, претендующих на истину и разделяемых в качестве таковых разными группами научного

---

<sup>36</sup> Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 123.

сообщества. Этот феномен в философии и методологии науки известен под названием «альтернативные концепции» или «конкурирующие теории». Выбор между концепциями и предпочтение одной из них как истинной или более вероятной оказывается возможным только в результате научных коммуникаций между членами научного сообщества. Эти переговоры приводят к выработке определенного научного консенсуса. Однако этот консенсус не может быть окончательным и не подлежащим пересмотру. Процесс выработки консенсуса может занимать довольно длительное время, особенно если затрагивает вопросы пересмотра устоявшегося, парадигмального знания.

## ***2. Сходство и различие наук об обществе и наук о человеке***

Понимание человека и общества будет переосмысливаться на каждом витке истории; соответственно, будет меняться статус социально-гуманитарного знания. Наиболее заметный сдвиг произошел в культуре «модернити», окончательно определив специфику СГН. В XIX в. сформировался корпус социальных наук (социология, политическая экономия, политология, социальная психология и др.). В последней трети XX – начале XXI вв. новое дыхание обрели гуманитарные науки, что связано с десятилетиями культуры и философии постмодерна.

\*

Глубина понимания человеком смысла бытия и своего места в нем сказывается в современном смещении внимания социальной философии и специальных наук с общественного бытия и социальных институтов в направлении интересов личности, традиции и повседневности. Механицизм и технократизм социальных наук, приведший к построению естественнонаучной модели общества, будучи адекватно осознан и оценен, отесняется аксиологической проблематикой.

Социально-гуманитарное познание составлено из двух разных видов познания и строится по принципу «взаимоисключающего взаимодополнения, где полифоническая сложность социального процесса попадает под стихийную логику разделения труда»<sup>37</sup>. (В.Е. Кемеров).

*«Социальное – это знание об обществе как форме бытия человеческого рода, а гуманитарное – о бытии человека в социальных структурах и формах».*

---

<sup>37</sup> Кемеров В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы философии. – 1999. – № 7. – С. 17.

*«Социальное знание – это знание, тяготеющее к структурам, взятым как трансцендентальные объекты по отношению к человеку, не данные как самоочевидные, а гуманитарное знание – это тип знания, исходящего из человека, из личности, это всегда знание, несущее на себе печать волеизъявления, это всегда манифестация, не только описывающая и объясняющая насущное, но и задающая контуры должного».* (Филос. проблемы соц-гуманит. наук, с. 11)

(Лучше было бы исходить из дилеммы «холодной» и «теплой» сфер Хабермаса. Однако дальше, пожалуй, верно): «Социальные науки повторяют строение естествознания, цели и методы наук о природе, тогда как гуманитарные науки конституируются в языке, в дискурсе, в общении, в общественных установлениях и являются больше формой самосознания эпохи, формой исторически распределенной и живой культуры».

«Социальное знание более востребовано – ибо формирует область социальной инженерии, редуцируя общественные отношения до причинно-следственных связей. Оно прозрачно, функционально, легко объяснимо участникам управленческих решений. Гуманитарное знание ориентировано на понимание, т.е. личное осознание и принятие, связано с убеждениями, etc. Самостояние... свобода... ».

«Иными словами, социальное знание – это знание власти, управления, а гуманитарное – это понимание»... (С. 12)

Социальные науки тяготеют к методологии естествознания. Они в рабочее время «делают дело», на досуге отходя от него.

Гуманитарные науки воспринимают свое дело как некое счастливое состояние души. Именно гуманитарные науки суть «науки о духе».

### ***3. Субъект, объект, предмет социально-гуманитарных наук***

Прежде всего, противопоставление предмета – объекту есть чисто русская выдумка, оно искусственное, соответствовало по времени «кантианском крену» в нашей философии (ММК, «мамардашвилианство» и пр.). В действительности «предмет» это просто калька латинского слова «объект». Ни в одном другом языке этой дилеммы нет.

Однако можно говорить о предмете как о проекции объекта, полученной путем «томирования» последнего при помощи того или иного метода.

Тогда объект – это сфера (научного интереса, внимания, cause of concern). Это область, освещенная светом нашего разума или, по крайней мере, любопытства. Предмет – это предмет обсуждения, тема, или topic, фрагмент, охваченный познанием на данный момент в рамках данного

трактата или дискурса (и, строго говоря, «предмет» скорее аналог «субъекта-subject», нежели «объекта»...)

Субъект – термин логики, создан Боэцием (равно как и проект, объект, субстанция, материя, форма и пр.)<sup>38</sup> Обозначает подлежащее в предложении, или один из двух главных терминов в суждении. «Субъект» это не человек; это «сюжет», то, о чем идет речь. «Сама речь» это предикат, или (в языке) сказуемое вместе с дополнением, обстоятельствами образа действия, места и времени, всеми определениями, входящими в группу сказуемого. В логике и грамматике существуют пары S – P, соответственно – подлежащее и группа сказуемого, но не субъект и объект. Последняя пара – гносеологическая. Восходит к Декарту.

После трудов Канта и всех остальных классиков немецкой диалектики субъект впервые стал пониматься как (поначалу трансцендентальный, а затем и эмпирический) человек.

При этом в объем понятия «субъект» вошел дополнительный признак: активность (познающего человека).

Именно в такой редакции и таком употреблении восприняли данный термин (в гносеологической паре с «объектом») русские философы. С тех пор субъект – это человек, в любом дискурсе, кроме логического.

А вот в английском языке термин получил расширение за счет включения еще одной референции: политико-правовой. Subject to... это подданный (империи). Сохранился и первоначальный смысл: “subject” означает, например, школьную или университетскую дисциплину.

Лучше всех различали субъект и объект схоласты.

**Уильям Оккам. Эпистемология.** «Субъект научного знания» может употребляться в двух значениях. Во-первых, «субъектом научного знания» называется то, что получает знание и субъектно обладает им в себе (точно так же говорится, что тело или поверхность есть субъект белизны, а огонь – субъект тепла) {ignis est subiectum caloris}. И в этом смысле субъектом научного знания является сам разум... В ином смысле «субъектом научного знания» называется то, о чем познается нечто («2-я Аналитика»). И так субъект заключения силлогизма и субъект научного знания есть одно и то же...» (С. 79)

...Имеется различие между объектом научного знания и его субъектом. ...Объектом является все познаваемое положение, субъектом – часть этого положения, т.е. термин, выполняющий функцию

<sup>38</sup> Боэций фактически создал язык науки: эссенция, дефиниция, дескрипция, суппозция, субсистенция, субалтернация, акциденция, атрибут, персона и персональный, предикат и предикативный, формальный, темпоральный, консеквент и антецедент, натуральный, спекулятивный, рациональный, иррациональный и даже – интеллект и интеллектуальный...

субъекта {obiectum scientiae est tota propositio nota, subiectum est pars illius propositionis, scilicet terminus subiectus}. (С. 81).

«...Высказывания, силлогизмы и т.п., о чем трактует логика, не имеют субъектного бытия, следовательно, они обладают только объектным бытием, так, что их бытие заключается в познании их» (с. 131)

**Итак, субъект/объект СГН – человек, культура, общество.**

Предмет – объект, видимый сквозь призму определенной методологии.

Декарт применяет термин «субъект» для обозначения познающего человека, точнее – его сознания. Кант утверждает активность субъекта познания.

Галилей, Ньютон, Декарт, Ф. Бэкон равно стремились к объективности науки путем элиминации «субъективного». Переход от классической науки к современной сопровождается реваншем субъективности через критику субъекта («сознание индивида непрозрачно для него самого») в неклассической науке. («Децентрация субъекта»: Стюарт Холл). В действительности элиминация субъекта дело не-необходимое и даже невозможное.

«Концепты всегда несли и несут на себе личную подпись: аристотелевская субстанция, декартовское cogito, лейбницианская монада, кантовское априори, шеллингианская потенция, бергсоновская длительность..., они по-своему бессмертны – и в то же время повинуются требованиям обновления, смены и мутации, благодаря которым философия имеет беспокойную историю и столь же беспокойную географию»<sup>39</sup>.

Критерий образования научного сообщества – коммуникация как междисциплинарная переключка голосов («Виртуальный колледж»).

## **Тема II. ПРИРОДА ЦЕННОСТЕЙ И ИХ РОЛЬ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ<sup>40</sup>**

**1. Ценностный подход. Аксиология.**

**2. Наука как ценность.**

**3. Социальная позиция ученого.**

**Аксиология** – это учение о ценностях, их происхождении, сущности, функциях, типах и видах. Это раздел философского знания, ориентированный на решение проблемы обоснования общезначимости и

<sup>39</sup> Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? – СПб., 1998. – С. 17.

<sup>40</sup> Изложено по: Философские проблемы социально-гуманитарных наук: Уч. пособ. для асп. и соиск. – Казань: Изд-во «Познание». Автор главы – Е.Л. Багаудинова.

теоретического знания и практически нравственного действия. Термин принадлежит Э. Гартману.

Как уже говорилось в 1-й части, ценность – это не любая значимость явления, а его положительная значимость; кроме того, эта значимость своим истоком имеет человека, его коренные цели и идеалы.

Касаясь понятия «ценность» в его применении к познавательному процессу, Л.А. Микешина показала, что оно стало многоаспектным, фиксирующим различное аксиологическое содержание. Ценностное в теоретико-познавательном контексте, пишет она, это, во-первых, противоположное когнитивному (познавательному) отношению к объекту, т.е. отношение эмоционально окрашенное, содержащее интересы, предпочтения, установки и т.п., сформировавшиеся у субъекта под воздействием ценностного сознания (нравственного, философского, религиозного и др.) и социокультурных факторов в целом. Во-вторых, это ценностные ориентации внутри самого познания, т.е. собственно логико-методологические параметры, в том числе и мировоззренчески окрашенные, на основе которых оцениваются и выбираются формы и способы описания и объяснения, доказательства, организации знания и т.п. (например, критерии научности, идеалы и нормы исследования). В-третьих, ценности в познании – это объективно истинное предметное знание (факт, закон, гипотеза, теория и др.) и эффективное операциональное знание (научные методы, регулятивные принципы), которое именно благодаря истинности, правильности, информативности обретает значимость и ценность для общества. Ценностно-нормативные компоненты оказываются включенными в познавательный процесс и в само знание, а когнитивное и ценностное представляются теперь в неразрывной взаимосвязи.

*Ценность осознается как благо, она служит основанием для осмысления мира, ибо в основе поиска смысла, вопрошания о смысле лежат интересы человека, обусловленные его потребностями.*

По словам В.О. Ключевского, «цена всякого знания определяется его связью с нашими нуждами, стремлениями и поступками; иначе знание становится простым балластом памяти, пригодным для ослабления житейской качки разве только пустому кораблю, который идет без настоящего ценного груза». Но ценность не есть просто информация, человек не может не выражать своего эмоционального отношения к тем объектам, предметам, которые обладают способностью удовлетворять его потребности, и чем актуальнее потребность, тем больший эмоциональный интерес он проявляет.

Каждая социальная общность стремится создать систему своих ценностей, оформляющую интересы функционирования этой общности. Для характеристики ценностей, важное значение, как уже отмечалось, имеет время: ценности, как живые организмы, могут рождаться, расти, достигать зрелости и умирать или перерождаться в ценности другого плана.

Сегодня продолжается дискуссия о том, может ли быть наука свободной от ценностей, и представлена она двумя основными подходами: 1) наука должна быть ценностно-нейтральной; 2) ценности являются необходимым условием для становления и роста научного знания. Заметим, что второй подход становится определяющим в философии и методологии науки, особенно социально-гуманитарного знания.

Структура научного знания не исчерпывается теоретическим и эмпирическим уровнями, а включает в себя и другие блоки, которые принято называть «основаниями научного знания». Среди них выделяется «блок предпосылочного знания» и «научная картина мира».

*Блок «предпосылочного знания»* регулируется определенными идеалами и нормами, которые выражают ценностные и целевые установки науки. В связи с этим ключевыми вопросами «предпосылочного знания» являются: «Для чего нужны те или иные познавательные действия? Какой тип продукта (знание) должен быть получен в результате их осуществления? Каким способом получить этот продукт?»

Этот блок включает идеалы и нормы:

- 1) доказательности и обоснования знания;
- 2) объяснения и описания;
- 3) построения и организации знания.

Это основные формы, в которых реализуются и функционируют идеалы и нормы научного исследования.

М. Шлик считал, что в качестве «предпосылочного знания» выступает фиксация «непосредственно данного», т.е. установление протокольных предложений (исходных элементарных утверждений). Им приписывались многообразные достоинства: они нейтральны по отношению ко всему остальному знанию; гносеологически первичны; абсолютно достоверны; в их истинности нельзя сомневаться.

Помимо этого, «предпосылочное знание» признает гносеологическую первичность результатов наблюдения.

К. Поппер в качестве «предпосылочного знания» предполагает процесс выдвижения научных гипотез, которые впоследствии опровергаются. М. Полани считает, что в основания науки включается неявное, личностное

знание, потому что всякая попытка исключить человеческую перспективу из картины мира ведет к бессмыслице. Здесь важными и оказываются мотивы опыта, переживания, внутренней веры в науку, в ее ценность, заинтересованность ученого, личная ответственность. В объем неявного знания погружен и механизм ознакомления с объектом, в результате которого формируются знания и умения.

Т. Кун считал, что предпосылочное знание (допарадигмальный период) отличается хаотичным накоплением фактов, на основе которых впоследствии будут установлены стандарты научной практики, теоретические постулаты, точная картина мира, соединение теории и метода.

Все перечисленное выступает в качестве явных предпосылок в СНГ. Но, помимо них, существуют и неявные *ценностные предпосылки*. Например, ценности самоутверждения – слава, престиж, популярность, известность, уважение, авторитет; ценности экономические – богатство, благосостояние, успех, процветание; ценности нравственные – долг, добро, благородство, милосердие; ценности человеческих отношений – взаимопомощь, альтруизм.

Второй блок оснований науки составляет *научная картина мира*. Она складывается в результате синтеза знаний, получаемых в различных науках, и содержит общие представления о мире, вырабатываемые на соответствующих стадиях исторического развития науки. В этом значении ее именуют общей научной картиной мира, которая включает представления как о природе, так и о жизни общества.

Структура научной картины мира включает:

- а) центральное теоретическое ядро, обладающее относительной устойчивостью;
- б) фундаментальные допущения, условно принимаемые за неопровержимые;
- в) частные теоретические модели, которые постоянно достраиваются.

В зависимости от характера ценностей и доминирования в картине мира тех или других ценностей культуры, они отличаются друг от друга. Понятие и представление о «картине мира» возникли, по учению М. Хайдеггера, в Новое время и являются свидетельством определенного этапа зрелости рефлексии, самосознания культуры и философии, которые достигли способности абстрактно-теоретического осмысления положения в мире. Картина мира – это система важнейших ориентиров, которыми руководствуется человек, принадлежащий к данной культуре в своей жизни и поведении. Она включает в себя две стороны: во-первых, в результате познания окружающего мира мы получаем объективную ориентацию в пространстве и во времени, в этот период формируются понятия (категории), числа (количества), качества, отношения, судьбы,

причины, изменения, и, во-вторых, в результате *освоения* мы получаем важнейшие ценностные ориентации (собственно «ценностную картину мира»): онтологические, экзистенциальные, экономические, самоутверждения, эстетические, нравственные, телеологические, интеллектуальные и коммуникативные.

Для ученых в качестве непосредственных *внутринаучных ценностей* выступают познавательная информация, имеющаяся в соответствующей области знания, истинное ее содержание, научная картина мира, стиль научного мышления, методы, методики проведения экспериментов, оценки результатов научной деятельности, доказательность, гармония, простота и т.п. Помимо этого, имеются другая го рода ценности – ценности вненаучного плана. Субъект познавательной деятельности, будь то отдельный ученый или сообществе ученых, является частью человеческой цивилизации, того или иного общества, нации, социального слоя, а поэтому ему свойственна определенная система социальных ценностей, в рамках которой и через призму которой осуществляется его творческая деятельность. К социальным ценностям относятся этические (добро, справедливость и т.п.), политические, мировоззренческие; эстетические и др., а соответствующая ориентация на эти ценности является социальной ориентацией ученого.

В наше время значительно возрастает роль социально-этического и гуманистического аспектов развития науки. «Социально-этические и гуманистические проблемы не являются чем-то *внешним*, сопутствующим поиску истины и обнаруживающим свое значение лишь в «технологическом» *применении* «готового» научного знания, а входят в само «тело» науки как *необходимая часть*, как «условие мыслимости» и эффективной реализации истины»<sup>8</sup>.

**Социальная позиция** ориентирует ученого на отбор (селекцию) «важной», «существенной» информации в соответствии с личностно-общественными интересами. Такой выбор информации производится любым ученым, в любой отрасли знания. Ориентация на социальные ценности проявляется достаточно ярко при выборе проблематики исследований (для некоторых ученых это означает смену направления исследований). В подобных случаях решающую роль может сыграть ориентация ученого на общегуманистические ценности, на то, что является (или предположительно является) наиболее полезным для общественного прогресса в данный исторический момент. Главным стимулом научного поиска выступают в рассматриваемой ситуации как раз вненаучные ценности. Так, предпочтение, отдаваемое ныне экологической проблематике, не в последнюю очередь определяется ценностными аспектами дела охраны природной среды. Ценностная ориентация

во многом определяла развертывание работ в области атомной энергетики, компьютерной техники, освоения космоса, генной инженерии и других областях знания. С этой ориентацией связан также вопрос о *моральной ответственности ученых*.

Современные исследователи подчеркивают, что любая наука должна базироваться на такой ценности, как *нравственное отношение к живому*. Научно-технический прогресс, время высоких технологий и научно-технических достижений расширили сферу моральной ответственности ученых. Здесь находят свое применение буддийский принцип «не наноси вреда живому», христианская мораль, этика «благоговения перед жизнью» А. Швейцера и др. Помимо этого, в сфере этики ученого мира существуют:

- проблема авторства научных открытий, плагиата;
- проблема одержимости ученого, когда он, интенсивно занимаясь научной деятельностью, отрывается от реального мира и превращается в подобие робота;
- проблема этического обоснования, которое должно предварять сам ход научного исследования и тем самым осуществлять гуманитарный контроль над наукой;
- проблема манипуляции человеческой психикой, воздействия на человеческий мозг.

Каждый ученый сегодня должен нести ответственность не только за ход своих исследований, но и за последствия своей деятельности. В связи с этим стоит вопрос о том, насколько ученые в состоянии предвидеть последствия своих открытий, изобретений. Для этого восходим элемент открытости научных мероприятий.

Современные науки все чаще используют и вспоминают содержание таких этических учений, как гуманизм, утилитаризм, рационализм, обращаясь к их фундаментальным ценностным установкам.

Ценностная ориентация субъекта, сопровождая процесс познания, пронизывая его, определяет важность для науки той или иной идеи, она способна определять стратегию исследований в науке. В то же время неверные оценки чреваты серьезными последствиями для науки. Квалификация идеи как незначимой, особенно до выявления того, истинна она или ложна, способна ошибочно представить ее как ложную и тем самым нанести большой вред познанию природы.

В науке, как и в социальной практике, ведущую роль должны играть не кратковременные цели и ценности, какими бы заманчивыми они ни были, а важнейшие социальные идеалы и ценности стратегического характера. Социальные установки ученого должны базироваться на объективности, научности, гуманистичности, служить социальному и научному прогрессу.

Динамизм современной жизни, глобальные проблемы современности, глубокие изменения в международных отношениях – все это усиливает внимание к социальным ценностям, которые тоже подвержены изменениям. Для ориентации в происходящих событиях и во всем комплексе ценностей нужна научная, гуманистическая философия, теоретически осмысливающая мир и его ценности. Мироззрение – это не только совокупность общих сведений о мире. Это одновременно и осознанные общественные интересы, и нравственные нормы, и социальные приоритеты, и гуманистические ценности – все то, что определяет выбор линии поведения человека в жизни, его ответственное отношение к обществу и самому себе.

Человеческая жизнь – это всегда осмысленное бытие. Социально-гуманитарное познание призвано выявить и обосновать смысл существующего. Само понятие «смысл» очень многогранно. Это: а) идеальное содержание, сущность; б) конечная цель (ценность) чего-либо (смысл жизни); в) целостное содержание какого-либо высказывания; г) направленность к чему-либо; д) разумное основание чего-либо. Например, М. Хайдеггер считает, что «понять направление, в каком вещь уже движется сама по себе – значит увидеть ее. Во вникании в такой смысл – суть осмысления. Под осмыслением подразумевается большее осознание чего-либо». Иначе говоря, первых, под смыслом необходимо иметь в виду «к чему» и «ради чего» всякого поступка, действия. Во-вторых, у смысла есть направленность к какому-то концу. В-третьих, идеалы, принципы, правила, ценности придают всему цель, порядок и смысл.

Таким образом, в СГН вещь рассматривается как носитель смысла, как символ человеческого проявления. Сознание в сфере СГН апеллирует к смыслу вещи, ее духовной ценности. При этом в процессе постижения смысла в СГН огромную роль играют внерациональные факторы познавательной активности. Именно они придают особую ценность тем или иным смыслам человеческой жизни.

Поведение членов научного сообщества существенно амбивалентно.

**Десять заповедей амбиваленции** сформулировал Р. Мертон:

– учёный должен как можно быстрее передавать свои результаты научному сообществу, но не обязан торопиться с публикациями, остерегаясь их незрелости или недобросовестного использования;

– быть восприимчивым к новым идеям, но не поддаваться интеллектуальной моде;

– стремиться добывать такое знание, которое получит высокую оценку коллег, но при этом работать, не обращая внимания на оценки других;

- защищать новые идеи, но не поддерживать опрометчивые заключения;
- прилагать максимальные усилия, чтобы знать относящиеся к его области работы, но при этом помнить, что эрудиция иногда тормозит творчество;
- быть крайне тщательным в формулировках и деталях, но не быть педантом, ибо это идет в ущерб содержанию;
- помнить, что знание интернационально, но не забывать, что всякое научное открытие делает честь той национальной науке, представителем которой оно совершено;
- воспитывать новое поколение ученых, но не отдавать преподаванию слишком много внимания и времени;
- учиться у крупного мастера и подражать ему, но не походить на него.

### **Тема III. ЖИЗНЬ КАК КАТЕГОРИЯ НАУК ОБ ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ<sup>41</sup>**

Категория «жизнь» отсутствовала в структуре основных категорий в философии классического периода ее развития. Доминировало частно-научное определение жизни: биологическое, физиологическое и даже механическое. А без понимания сущности «жизни» как исходной мировоззренческой категории науке невозможно выходить на какую бы то ни было тему о сущности мироздания, как и говорить о сущности жизни человека и общества. Сегодня категория «жизнь» становится смысловым ядром в социально-гуманитарных науках. Такое дополнение позволяет приблизиться и к адекватному философскому пониманию жизни как феномену бытия.

Интуитивно мы понимаем, что есть живая и неживая материя. Однако при определении сущности жизни возникают трудности. Понятие «жизнь» используется как в предельно широком смысле, так и в более узком значении.

В самом широком плане жизнь есть особая форма существования бытия, сущность которой в сохранении самой себя и экспансии, расширении своих границ.

Существует *биологическое* понимание жизни. Жизнь – это форма существования высокоорганизованных неравновесных, открытых систем, в структуре которых решающую роль играют белки и нуклеотиды. Эти

---

<sup>41</sup> Изложено по: Философские проблемы социально-гуманитарных наук: Учеб. пособие для асп. и соиск. – Казань: Изд-во «Познание». Автор главы – Г.П. Меньчиков.

системы способны к обмену веществ, самовоспроизведению путем передачи наследственной информации и изменчивости на основе мутаций. Такое понимание жизни в настоящее время является общепринятым среди биологов.

Существует и *кибернетически-информационное* понимание жизни. Судя с этой точки зрения, жизнь сопротивляется хаосу, дезорганизации, и в отличие от всей Вселенной подчиняется закону негэнтропии. Островки жизни как бы «плывут против течения», которому подчиняется неживая природа. Жизнь копит информацию. Это информация особого рода, которая может существовать сама по себе, независимо от тех или иных ее химических носителей. В рамках этого понимания жизнь есть некая закодированная информация, которая сохраняется естественным (сложнокаузальным, причинным) образом. Обращая внимание на особое значение информации для понимания жизни (примером является позиция крымского философа Сагатовского), нужно отдать должное ученым, которые не сводят жизнь к чистой информации.

Существует и *гилозоистское* понимание жизни, когда жизнь мыслится как имманентное свойство праматерии, фактически синонимичное бытию, в отличие от смерти как небытия. Гилозоизм не только объясняет, но противопоставляет идею самовоспроизводства жизни идее *механицизма* о «косной» материи, предполагающей наличие перводвигателя как источника «силы», приводящей все в движение. Таким образом, биологические, кибернетические и другие определения жизни высвечивают некоторые существенные грани жизни и входят в понимание жизни человека, но не «схватывают» ее качественного отличия.

Итак, ***термин «жизнь» в классической философии фиксирует способ бытия сущностей, наделенных внутренней активностью, в отличие от неживых предметов, нуждающихся во внешнем источнике движения и эволюции.***

Пока существуют лишь данные о реальной жизни на нашей планете, а также на некоторых спутниках планет-гигантов, таких как Европа, Ио, Титан, – в понимании жизни есть: а) добиологический свернутый смысл, б) биологический смысл и в) за пределами биологического смысла – жизнь человека. Согласно современным научным взглядам, жизнь вечна. Даже в неорганике (в астероидах, космической пыли, камне) она наблюдается в свернутом, законсервированном виде, на разворачивание которой всякий раз уходят миллиарды лет.

Если говорить о жизни на Земле, то она зародилась около 5 млрд лет назад в результате универсальной эволюции природы: добиологической,

а затем биологической эволюции и коэволюции. Совмещение дарвиновской теории эволюции с достижениями биохимии А.И. Опарина, с новейшей теорией самоорганизации (синергетикой) И. Пригожина, а также с открытиями современной генетики принципиально доказало сам переход от так называемого неживого к живому теоретически и экспериментально. В деталях же это процесс перехода остается еще «белым пятном».

В процессе эволюции жизнь развилась до высшей формы своего существования. Даже на уровне растений жизнь качественно превосходит другие формы существования материи, тем более на уровне человеческого общества.

В чем же проявляется качественное отличие понимания жизни как категории в *социально-гуманитарных науках*?

Значительный вклад в понимание категории «жизнь», в том числе в ее социокультурное и гуманитарное содержание, внесли в неклассический период ученые Ф. Ницше, А. Бергсон, З. Фрейд, В. Дильтей, Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, М. Дугалл. Затем (вслед за ними) – А. Швейцер, В. Франкл, М. Фуко, Э. Фромм, В.И. Вернадский, И. Пригожин, И.Т. Фролов, М.К. Мамардашвили, Ю.М. Лотман и др. Все они, хотя и по-разному, подчеркивают одно: жизнь онтологически первична, а жизнь человека находится за пределами ее биологических смыслов. Если провести сравнение неорганического, растительного, животного и человеческого миров, проделанное З. Фрейдом, то главные качественные отличия выглядят следующим образом.

Неорганическому миру свойственен лишь «принцип сохранения равновесия» и так называемый неорганический вечный «смысл бытия». Далее все на порядок усложняется. Для растительного мира характерны «принцип сохранения равновесия» и «принцип размножения» – вегетативный «смысл жизни». Животному миру присущи «принцип сохранения равновесия», «принцип размножения», а также «принцип приспособления» и т.н. витальный, то есть адаптационный «смысл жизни».

Человеческая жизнь выходит за пределы биологического тела. В человеческом мире «принцип сохранения равновесия», «принцип размножения» и «принцип приспособления» наращиваются качественно новыми надбиологическими – «принципом удовольствия», «принципом реальности», «принципом влечения к смерти» и «принципом влечения к жизни». Таким образом, человеческий смысл жизни заключается в расширении самой человеческой жизни, жизни человека в качестве человека.

Понятие «жизнь человека» всегда связано с тем или иным социокультурным и гуманитарным содержанием. Это накладывает отпечаток на специфику всего социально-гуманитарного знания. В этом

его существенное отличие от естествознания. Особенность рассмотрения жизни в социально-гуманитарном знании заключается также в том, что оно исходит из положения: *жизнь человека всегда связана с вопросом, что есть человек*. Так, в неклассический период развития философии Ф. Ницше под жизнью стал понимать некую первичную реальность, бытийную целостность, предшествующую разделению мира на материальное и идеальное, постигаемую интуитивно и протекающую как воля к власти. «Жизнь есть воля к власти», – утверждал он.

Категория «жизнь» углубляется у В. Дильтея. «Жизнь – это прежде всего непосредственное переживание, и это всегда человеческая жизнь». Понимание сущности жизни здесь выражается в «науке о духе» через сеть понятий. Это «человеческая деятельность и культура», «творчество», «дух», «переживание», «выражение», «понимание», «история», текст», «знак», «герменевтическая интерпретация». Жизнь, по В. Дильтею, неисчерпаема в своей глубине, это, прежде всего, процесс, история, в которой человек есть ее продукт, непосредственно внутренне и постоянно переживающий свое творчество, стремящийся его каким-либо образом выразить себя (например, в тексте той или иной культуры, стремящийся к пониманию саморазвития жизни, знанию и пониманию). Путем герменевтической интерпретации человеческой деятельности и культуры смысл жизни становится доступен.

Выступая против ограниченности классического механицизма, биологизма и рационализма, А. Бергсон жизнь ставил на первое место среди категорий философии, а сущность жизни понимал как длительность: «Жизнь в целом – это некая целостность дления бытия». Жизнь вообще – это некий метафизическо-космический процесс, «жизненный порыв», своего рода могучий поток творческого формирования. «Жизнь – это такой целостный творческий порыв бытия, деление которого радикально отличается от материи и от духа в бытии, которые, взятые сами по себе, являются продуктами распада жизненного процесса». Сущность жизни вообще проявляется в непрерывном воспроизводстве самой себя и творчестве Форм. А человек – не животное, хотя и бы и разумное, он существо творческое. Сущность жизни человека, по Бергсону, также заключается в спонтанном творческом порыве, в котором участвуют Интуиция и Интеллект. Интеллект – это способность ставить проблемы, а инстинкт – это способность отыскивать решения; интуиция же осуществляет выбор между истинным и ложным, что делает ее важнее всего. Интуиция есть постижение жизни как самой себя.

Важным подходом для понимания жизни стало введение Э. Гуссерлем понятия *Lebenswelt*, «жизненный мир». Это – первичная данность, «сумма очевидностей»; его существование не надо обосновывать,

на его существование еще до познания можно просто указать; он заранее *уже существует* и «значим не в силу какого-либо намерения, какой бы то ни было универсальной цели». Отсюда: все формы поведения являются производными от «непосредственных очевидностей», определяются жизненным миром, то есть первичным и фундаментальным «донаучным» сознанием. Он не требует обоснования.

Новое направление в рамках этой проблемы начал разрабатывать М. Хайдеггер. Категорию «жизнь» он исследовал в онтологическом и культурно-историческом аспектах, а в исследовании понятия «жизнь человека» он считал наиважнейшим решение вопроса о смысле человеческой жизни: «Человеческая жизнь не проходит во времени, но она есть само время», процесс, взаимосвязь переживаний изначальной данности здесь-бытия.

Итак, представители неклассической философии ввели понятие «жизнь» в социокультурный и социально-гуманитарный контекст. Жизнь становится непосредственно переживаемой сущностью мироздания и онтологическим фундаментальным основанием всего существующего. Термин «жизнь» стал означать не сухое логическое понятие, а феномен, наполненный глубоким трепетом самого бытия мироздания, культурно-историческим и гуманитарным содержанием. В мировой философии сформировалась новая картина мира, когда в последние полвека произошли глобальные изменения в существовании человеческой цивилизации и в связи с этим возникли глобальные проблемы современности. Стало понятно, что жизнь имеет собственную уникальную ценность: она не может быть средством, *жизнь есть высшая самоценность бытия*. Зло не может обесценить мир, потому что мир – не инструмент, не средство для нас.

Мир велик, гораздо величественнее, чем даже самая ужасная экстремальная ситуация. Поэтому важно сопротивление внутреннему обесцениванию мира, обесцениванию жизни в мире, чем и опасны любые войны.

Жизнь любого человека есть жизнь уникального существа. К жизни человека в принципе нельзя подходить функционально: как к средству, вещи, с точки зрения полезности/бесполезности. Она «над-полезна», ей не нужно оправдываться, она оправдывает себя самим своим существованием, поскольку жизнь есть задача, миссия человека жить в качестве человека. Человеческая жизнь есть ценность сама по себе, смысл человеческой жизни никогда не утрачивается.

Неоклассическая философия пытается снять жесткое противопоставление жизни и смерти, заменив ее принципом взаимопроникновения (Ж. Батай). Да, говорить о жизни в ее социокультурном измерении, минуя тему смерти, нельзя. Но жизнь не есть лишь «бытие-к-смерти» (М. Хайдеггер). Неоклассицизм, постмодернизм пытаются, по аналогии

с архаикой, сделать смерть со-творцом жизни индивида (С. Кьеркегор), вернуть смерти положительную силу. Следует понимать, что смерти избежать нельзя, но можно «вступить с нею в единоборство» (М. Монтень). У человека нет абсолютного бессмертия, но есть бессмертие относительное. Прежде всего надо научиться жить и жить в качестве человека. Жизнь и смерть онтологичны, но не симметричны. При любых интерпретациях жизнь – есть жизнь, а смерть – есть смерть.

Стала ясна уникальность жизни человека. По В. Франклу, она состоит в том, что жизнь принципиально иначе детерминируется. Если жизнь животного детерминируется инстинктами и средой, то на человеческую жизнь они влияют, но не определяют ее. Основной и главной определяющей детерминацией здесь является смысл жизни. («Знающий ответ на вопрос «зачем» переживет любое «как»). Жизнь – это укоренённость в бытии; обретение смысла своего существования может быть осуществлено при условии активного включения в многообразный поток самой жизни.

Особенность категории жизни в науках об обществе и культуре состоит и в том, что история – одна из форм проявлений жизни. По К. Марксу, история это жизнедеятельность и, прежде всего, материально-производственная деятельность, особенно живой труд людей. История же – это исторический процесс, имеющий свои движущие силы и основные закономерности развития.

История – никогда не завершаемое сложное целое. Так полагают Г. Зиммель, О. Шпенглер, Э. Гуссерль и другие.

Дуалистическая философия и линейная концепция времени привели Г. Зиммеля к двум разным подходам к определению понятия «жизнь». Первый из них рассматривает жизнь как безграничную непрерывность потока, протекающего через ряд поколений. В этой смысле жизнь состоит из объективных исторических и культурных форм, сдерживающих индивида. Во втором определении жизнь детерминируется индивидуальным эгоизмом, противопоставляющим свой произвол культурному окружению и другим индивидам. Жизнь как сиюминутный процесс объединяет объективное и субъективное, фиксированное и изменяющееся и т.п. В этом и состоит ее парадокс, вечно существующий конфликт.

По Э. Гуссерлю, история – это осуществление и постижение «жизненного мира». Жизненный мир не создан искусственно, это дорефлексивная данность. Жизненный мир дан непосредственно, с полной очевидностью всякому человеку. Его познание возможно путем «интенциональности»: неразложимого единства знания, направленного на предмет, попавший в структуру чистого сознания. Путем переживания интенциональных актов возможно «усмотрение сущности».

По О. Шпенглеру, история – это динамичное «нелинейное» осуществление возможной культуры человечеством. В своем труде «Закат Европы» он разработал концепцию «локальных цивилизаций». В каждой культуре, как он полагал, есть «уникальная душа» как некое иррациональное субстанциональное начало жизни с морфологией своеобразного организма. Каждая культура прекрасна и самодостаточна в своей независимости от других культур. Поэтому все культуры равноправны и равноценны, имеют начало своего возникновения, период расцвета и упадка (гибели). Уникальность «души» порождает своеобразие и многообразие культур. Так, «душу», лежащую в основе античной культуры, он называл «аполлоновской». Арабскую культуру создала «магическая» «душа», а потому эта культура тяготеет к образности, символичности. Западную культуру характеризует «фаустовская» «душа», определившая всю специфику европейской культуры. Здесь «ставшее» в истории уступает место «становящемуся».

«Человечество» – пустое слово, если не обращать внимания на феномен множества мощных культур, к которым О. Шпенглер относил не только западную, но и китайскую, вавилонскую, египетскую, византийскую, арабскую, культуру майя, русско-сибирскую. С первобытной силой вырастают они из недр своей страны, и каждая из них «налагает на свой материал – человечество – свою собственную форму, у каждой своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть». «Внутренний» мир каждой из культур настолько своеобразен и неповторим, что их взаимопонимание возможно лишь через сравнение и сопоставление некоторого общего ритма их существования и их общей судьбы во времени.

Принципиальная сложность познания жизни заключается в том, что субъект познания сам находится внутри события, называемого «жизнь». Поскольку это так, то в социально-гуманитарном знании возможно стирание граней между объективным и субъективным, реальным и ирреальным. Социогуманитарное знание начинает оправдывать иррациональное.

Объекты познания носят куматоидный (волнообразный) характер. Жизнь всегда уникальна, поэтому жизнь «увилывает» от причинности. Причинные схемы у жизни иные: следствие (целенаправленность) превращается в причину. Чаще всего причины носят не однозначный, а вероятностный стохастический характер: одна причина порождает несколько следствий, а следствие является результатом букета причин. В социально-гуманитарную культурологию «жизнь» входит понятие «смерть» («смерть субъекта», «смерть философии», «смерть литературы» и т.д.).

Познание жизни в социогуманитарном знании имеет поэтому свой характер. Здесь ограничено применение естественнонаучных методов познания. Например, ограничен эксперимент, а эксперимент над людьми в

принципе запрещен. Познание здесь связано как с понятием, так и одновременно с «переживанием» жизни, с интуитивным проникновением в «данное», с доверием данному, с мужественным саморастворением в созерцании данного, любовном стремлении к миру во всей его наглядности. Социально-гуманитарную гносеологию, по верному определению В. Дильтея, можно назвать «понимающей гносеологией».

Жизнь – это проект, конструирование и утверждение проекта, а потому: если в естественнонаучном познании мы уходим от всего живого, то в социально-гуманитарном знании – наоборот. Здесь познание есть герменевтическое вживание. Если жизнь можно познать только через проживание и переживание ситуаций, то социально-гуманитарное знание схоже с искусством. Познать жизнь по-настоящему становится возможным только через поступки, историю искусство и уж тогда и вместе с тем через науку, не противопоставляя и не отрывая их друг от друга.

Особую роль в социально-гуманитарном знании выполняет творчество.

Мышление – это бытийственный акт, и внутри жизни возникает момент саморефлексии и самоконструирования образов, которые начинают опираться на самое себя. Роль творчества в достраивании жизни высока, поскольку жизнь не завершена, и опасна в своем конструировании уничтожающих или гипертрофирующих жизнь конструкторов, симулякров.

Итак, социально-гуманитарное знание основывается на рассмотрении жизни как укорененности в бытии, как в ее непрерывном расширении со всеми вытекающими отсюда следствиями, как «попаданиями», так и неизбежными девиациями, устраняющимися только самой жизнью последующих поколений.

Каждый человек на вопрос «Что значит “жить”»? отвечает по-своему. Наши ответы, нередко будучи односторонними, отражают отдельные грани жизни как сложного процесса.

### *Пять тезисов о смысле бытия*

Предварительные замечания.

**Сюжет метафизический.** Не существует уверенности в том, что возможен еще хотя бы один, принципиально новый, тезис, который представлял бы собой подлинно познавательное суждение<sup>42</sup> о смысле бытия человека. Для этого должны качественно измениться либо референт

---

<sup>42</sup> Суждение, которое одновременно удовлетворяло бы следующим (кантианским) требованиям: связь субъекта и предиката должна быть всеобщей и необходимой; в предикате должно быть положено нечто новое, что ранее не содержалось бы в субъекте. Суждение, удовлетворяющее лишь первому условию – аналитическое; лишь второму – синтетическое.

суждения, либо способ познания. Можно согласиться, что философия обнаруживает смысл бытия в смысле собственно человеческого существования, «познает бытие из человека и через человека».

Частное от деления проблемы существования на проблему смысла есть величина рациональная, и она не является проблемой (но лишь совокупностью задач). Это совокупность объективаций человека и область их значений, их изучают все науки (и не только науки), и синтетические суждения о них, разумеется, возможны. Итог – сумма (а можно сказать и тезаурус) специальных знаний о частных проявлениях человека «как такового», о многом и особенном, о нумерическом ряде единичностей, обо всех отдельных задачах практики конкретного момента, однако также и об общем человеческой истории – как об универсалии, каковая также есть сингулярия, будучи абстрагированной от «ткани», текстуры, или текста, самой этой истории. Наука отвечает на вопросы косвенных падежей, и тем приносит пользу. Плоды.

Со своей стороны, совокупные усилия философии, литературы и искусства к началу XXI века в такой мере проблематизировали целокупную сущность человека, что и аналитические суждения о ней в настоящее время, конечно, возможны, и некоторые из них будут новыми. Метанаука (меганаука, философия) отвечает на вопрос именительного падежа, и тем приносит смысл. Свет.

Предварительный материал.

**Н. Кузанский.** Внутри человеческой потенции есть по-своему все.

Человечность есть человечески определенным образом единство, оно же и бесконечность...

...Свойство единства – разворачивать из себя сущее, поскольку единство есть бытие, свертывающее в своей простоте все сущее... Но единству свойственно еще и ставить конечной целью своих разворачиваний самого себя, раз оно есть бесконечность; соответственно у творческой деятельности человека нет другой конечной цели, кроме человека. Он не выходит за свои пределы, когда творит, но, разворачивая свою силу, достигает самого себя...

**Эразм.** В человеке обязанности царя осуществляет разум.

**Б. Спиноза.** ...Природа ограничивается не законами человеческого разума, имеющими в виду только истинную пользу и сохранение людей, но иными – бесконечными, имеющими в виду вечный порядок всей природы, частичку которой составляет человек.

...Всё, что нам в природе кажется смешным, нелепым или дурным, – всё это происходит оттого, что мы знаем вещи только отчасти и в большинстве случаев не знаем порядка и связи (*ordo et cogementia*) всей природы...

**Т. Гоббс.** Природа есть сумма его природных способностей и сил, таких как способность питаться, двигаться, размножаться, чувство, разум и т.д. Эти способности мы единодушно называем природными, и они содержатся в определении человека как одаренного разумом животного.

**И. Кант.** Из всех существ человек меньше всего достигает цели своего существования, потому что он тратит свои превосходные способности на такие цели, которые остальные существа достигают с гораздо меньшими способностями и тем не менее гораздо надежнее и проще...

**Фейербах.** В воле, мышлении и чувстве заключается *высшая, абсолютная сущность человека* как такового и цель его существования...

Радость жизни есть беспрепятственное выражение жизненной силы.

Человек не есть цель природы – он есть это лишь в своем собственном человеческом ощущении – он есть высшее проявление ее жизненной силы...

Человеку следует *отказаться от христианства* – лишь тогда он станет *человеком*; ибо христианин *не* человек, а «полуживотное-полуангел»... лишь тогда он законченный человек, лишь тогда он *совершенный* человек, лишь тогда в нем больше не будет места, в котором смог бы свить себе гнездо потусторонний мир.

Человек отличается от животных только тем, что он – живая превосходная степень сенсуализма, всечувственнейшее и всечувствительнейшее существо в мире.

**М.А. Антонович.** ...Даже такое бескорыстнейшее и, по-видимому, столь далекое от жизни и даже противоположное ей стремление и действие человека, как самоотверженная добродетель, имеет в виду жизнь, служит жизни, делая ее полнее и приятнее, доставляя человеку удовольствия, несколько не зависящие от случайных обстоятельств...

Источник удовольствия для честного и нравственного человека в нем самом, тогда как для бесчестного богача он вне, в случайных, преходящих обстоятельствах.

**Аристотель.** Жизнь этих людей, конечно, ничуть не нуждается в удовольствии, словно в каком-то приукрашивании, но содержит удовольствие в самой себе.

**Сюжет лингвистический.** Вопрос о смысле человеческого бытия – чисто русская постановка проблемы. Термин «с-мысл» содержит префикс «с» и коневую морфему «мысл», мысль. (Точно так же, как русское слово «счастье» содержит префикс «с» и корень «част», часть. С-частью – со своей доставшейся по жизненному жребью долей «добра»). Переходя, например, на английский или французский, мы теряем значение-понятие «мысль» и обретаем нечто противоположное: *sense* – это не мысль,

а *чувство*. Чуть=слышать... Sensation=ощущение. Sensual. Sensitive. Сенситивный. Сенсация. Сенсорный. Сенсуализм. Русский «здравый смысл» по-английски common sense, букв. *общность ощущений* по поводу... чего угодно, переживаемого совместно, в общезитии.

Sense соответствует немецкому Sinn.

Великий философствующий народ, немцы, произнося слово Sinn, также прежде всего имеют в виду чувство, затем – ум: Ein Märchen aus alten Zeiten, das kommt mir nicht aus dem Sinn... не идет у меня из ума сказка старых времен... Этот перевод надо давать с осторожностью, ибо русское «ум» родственно не интеллекту, а «умению», способности обеспечить практическое действие; немецкое же Sinn – это скорее внутреннее зрение. Для словосочетания «здравый смысл» используется другое слово, не Sinn, а Verstand, понимание.

На английский фразему «смысл жизни», такую привычную для русского слуха, нельзя перевести как «sense of life»; следует “meaning of life”, «значение жизни».

Sinn в логике, до работ Фреге, также эксплицировалось как “Bedeutung”, «значение». Во всех влиятельных словарях «значение» и теперь есть третья (вслед за чувством и умом) экспликанда смысла.

Итак, поскольку мы говорим о человеке как таковом, тезис о смысле его бытия необходимо будет включать особый предикат: понятие, которое живо сохраняет связь с чувственностью, требуя системы референции. Можно сказать и наоборот: это будет представление, которое имеет все определяющие признаки абстракции: отвлеченность, обобщенность, связь со словом. Как и понятие, это представление требует экспликации. Смысл – кентавр, встреча двух миров, ощущения и мысли.

**Сюжет логический.** Импликация. **Поскольку** бытие – категория предельно объемная, это высочайший род, который сказывается обо всех остальных (Бозэций), и притом сказывается независимым образом в любых вхождениях, будь то «человеческое бытие» или «смысл бытия» (вернее, зависимым лишь апагогически, от не-бытия), и для него невозможно подыскать более высокий род, **постольку** все, что можно сказать о бытии, не будет реальным, родо-видовым определением, включающим genus, species, propria, definitia et accidentia, но будет либо клярификацией, указанием, уточнением: бытие – это в сущности время (*эссенция*); бытие – это пребывание, существование, присутствие (*экзистенция*), – либо делением понятия (*человеческое бытие*) или конкретизацией (*настоящее*). Оно, это определение, может быть тавтологией (*всё сущее*) или метафорой (*действительность, актуальность*), субстантивацией (*Единое, Сущий, Абсолют, Материя*), систематизацией (*реальность*), генетическим определением (*природа, натура*) или чем-то еще.

Другое логическое следствие: предельно объемная категория есть наименее содержательное понятие, а потому перенесем проблему смысла человеческого бытия в сферу влияния более содержательного понятия, жизни. Жизнь есть самодеятельное бытие, говорит Фейербах. «Человеческое» бытие за границами жизни, – например, в виде лучистой энергии или нематериальной субстанции, – уже не есть человеческое бытие.

Отделим теперь проблему *смысла* жизни от проблемы *цели* жизни и *предназначения* её. Это все различные понятия, и их напрасно смешивают. Смысл есть прозрение настоящего, назначение лежит в прошлом, а цель принадлежит будущему.

Для чего живет человек? «Самый естественный и ничем не опровержимый ответ на приведенный вопрос тот, что человек существует для того, чтобы существовать, живет для того, чтобы жить. Этот ответ тривиальный, это повторение вопроса; или, точнее и откровеннее говоря, это уничтожение вопроса; но зато всякий другой ответ будет неестествен.

Совершенно противоестественно ставить человеку какую-нибудь задачу помимо жизни; это значило бы отвлекать его деятельность от ее цели и тем вредить самой жизни. Вне жизни нет и не может быть для человека ничего, а в жизни все». (М.А. Антонович).

Цель у жизни, несомненно, есть. Цель жизни в ней самой, в поддержании жизни, в том, чтобы жизнь могла длиться, и вне жизни целей нет, если не вставать на позицию телеологии или не считать целью бытия преосуществление всех его возможностей, следствие всех следствий, которое есть причина всех причин. Ср.: «...единству свойственно еще и ставить конечной целью своих развертываний самого себя, раз оно есть бесконечность» (Н. Кузанский). Этот телос придает жизни напряжение, *tension*, интенциональность. Цель человеческой жизни – предвидимое и желаемое будущее, и придание цели есть действие практическое, это рельефное проявление сущности человека, а она родственна Делу, *Lebensaufgabe*, задаче жизни. «...Соответственно у творческой деятельности человека нет другой конечной цели, кроме человека. Он не выходит за свои пределы, когда творит, но, развертывая свою силу, достигает самого себя...» (Н. Кузанский). Больше всего мы согласны с Л. Фейебахом: «Каждое существо имеет целью своего существования непосредственное свое существование; каждое существо достигло своего назначения тем, что оно достигло существования. Существование, бытие есть совершенство, есть исполненное назначение. Жизнь есть самодеятельное бытие.

Природа каждым шагом, который она делает, завершает свое дело, достигает цели, совершенствуется, ибо в каждый момент она есть и значит столько, сколько она может, а следовательно, она есть в каждый момент,

сколько она должна и хочет быть... Природа не имеет никаких намерений, кроме того, чтобы жить».

Пред-назначение совпадает с некоторым импульсом, энергетическим воздействием, приходящим в настоящее из прошлого. В целом никакого предназначения, которое как-то специфически отличалось бы от причинности (или иной детерминации) у жизни нет. Нет его и у человека, если он сам себе не назначил некой задачи жизни, упомянутой *Lebensaufgabe*. Справедливо заключение Л. Фейербаха: «*Особым* назначением – таким, которое сначала вводит человека в противоречие с самим собой и повергает его в сомнение, – сможет ли он достигнуть этого назначения или нет, – человек обладает лишь как существо моральное, то есть как социальное, гражданское, политическое существо. Это назначение, однако, никакое иное, чем то, какое человек в нормальном и счастливом случае сам избрал для себя, исходя из своей природы, своих способностей и стремлений. Тот, кто сам не назначает себя для чего-либо, тот и не имеет назначения к чему-либо... Кто не знает, в чем его назначение, тот и не имеет особого назначения».

Итак: цель и назначение встречаются в смысле. Смысл жизни в ней самой. Смысл человеческой жизни – в *человеческой* жизни, т.е. он положен *где-то в культуре и только в культуре*.

**Сюжет семиотический.** Центральное семиотическое образование – знак – существует только в человеческой культуре. Разумно и бесполезно считать эталоном знака языковую единицу. Ее дефинитивный признак – смысл, «то, что сказывается о многих различных по виду вещах в ответ на вопрос “каково это?” применительно к субстанции» (Бозций). Значение подлинного знака всегда осмысленно. Особое место среди всех знаков принадлежит символам.

В культуре вообще во множестве созданы и «сверх-знаки», имеющие структуру диады; упомянутое отношение у них чисто семантическое. Это логически необходимая крайность, а именно, редукция семиотической ситуации у «сверх-знаков» формульной алгебры, информационно-логических, «машинных языков» и т.п.

В природе же во множестве существуют до- и «недо-знаки» (сигналы, симптомы, признаки), также имеющие редуцированную структуру: в них отсутствует смысл, и отношение между репрезентантом и репрезентатом чисто сигматическое.

Смысл знакам приписывается, произвольно-мотивированно придается человеком. Представители частных наук не задумываются о том, каким сильным допущением является это придание смысла, например, биологическим кодам: нейрофизиологическим, генетическим...

Подобные допущения универсально расширяют предмет семиотики и семиотические претензии: все в мире становится книгой, знаком тайного смысла, и тогда теория знаков неоправданно превращается в «науку вообще». «Пансемиотизм», завоевывая ту позицию, что все бытие «имеет смысл», теряет философски гораздо более важную, а именно, что знаковая ситуация принципиально включает *сознательного субъекта*, и притом его участие в акте семиозиса многофункциональное (генератор, реципиент, транслятор, интерпретатор...) Надо освободиться от презумпции объективного, не зависящего от человеческого сознания, существования смысла, в противном случае невозможно будет построить экзистенциальный материализм.

**Сюжет диалектический.** Мы многократно предупреждены, что нельзя определять человека, как это принято в христианской традиции, в качестве «полузверя-полуангела». Мы также ассимилировали идею о том, что немецкий классический рационализм плох, если и поскольку он рассматривает человека лишь как «чистое» мышление, «дабы не осквернить отвлеченных понятий». «Исходной позицией *прежней философии* являлось следующее положение: *я – абстрактное, только мыслящее существо; тело не имеет отношения к моей сущности*) (Л. Фейербах).

В сем случае резюме лучше всего взять из Гегеля: «...всякая антиномия покоится на формальном мышлении, которое фиксирует и утверждает оба момента идеи порознь, каждый сам по себе, и, следовательно, не соответственно идее и в его неистинности».

Соответствовать идее человека – значит не брать его отдельно от мира и не рассматривать порознь чувственное и логическое, не отрывать сущность человека, каковая, разумеется, духовна, от его материальной природы, если мы придерживаемся цели – обнаружить глубинный посыл человеческого бытия. Прочие ипостаси человека будут абстракциями, и, безусловно, многие из них полезны для науки.

Теперь собственно резюме: Смысл человеческой жизни, переживаемый и осознаваемый *Dasein*, – это мысль о счастье, или, говоря частично по-гречески, эйдос блага. Это и есть экзистенция в рафинированном виде. Понятно, что счастье понимается по-разному... по этой причине экзистенция всегда индивидуальна. Однако имеется возможность мыслить о мире сходным образом для разных единомышленников, и мы принимаем здесь такую максимум.

Счастье нравственного человека в нем самом. «Жизнь этих людей, конечно, ничуть не нуждается в удовольствии, словно в каком-то приукрашивании, но содержит удовольствие в самой себе», – сказал Философ.

## Тема IV. ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ. ПОНЯТИЕ ХРОНОТОПА<sup>43</sup>

Категории «пространство» и «время» относятся к числу фундаментальных философских категорий. Они являются таковыми прежде всего потому, что выражают наиболее общее и значимое состояние бытия. Но возникновение социально организованного культурного бытия связано с формированием качественно специфических пространственно-временных структур. Они характеризуют общественную жизнь и не сводятся ни к пространству и времени «неживой», ни «живой», биологической части бытия. Здесь, в социуме, возникает особый тип пространственно-временных отношений, в котором воспроизводится и живет человек как особое – культурное – существо, субъект-объект культуры. Поэтому категории «пространство» и «время» в социально-гуманитарном познании своеобразно переосмысливаются.

### *Категория «время» в социально-гуманитарном познании.*

При рассмотрении философской категории времени обычно выделяют две концепции: *субстанциональную* (время как отделенная реальность наряду с носителем бытия) или *реляционную* (время как отношение, образуемое взаимодействием носителей бытия). Некоторые исследователи, разрабатывая теорию времени, в дополнение к названным выделяют еще и *метафизическую* концепцию (например, библейская), *психологическую* (например, Августин) и *субъективистскую* (например, Кант). Исходя из последних достижений науки, обоснованной представляется реляционно-генетическая концепция (Шенон-Бергсон-Вернадский-Пригожин): теория реального времени-дленин. Согласно ей, реальное время-дленин является инвариантным аспектом любых проявлений длительности трансформаций реальности, а не только механического движения (реляционная концепция) или движения, оторвавшегося силой воображения от своего носителя (субстанциональная; библейская), или движения лишь самого воображения (психологическая; субъективистская).

Различают объективное и субъективное время.

Время объективное – это форма бытия, характеризующая длительность существования каких-либо предметов-процессов бытия («век» их жизни), смену их состояний, границы и стадии их изменения и развития. Время выражает каузальный (причинный) порядок мироздания. На каждом уровне организации мироздания время проявляет себя специфично.

---

<sup>43</sup> Изложено по: Философские проблемы социально-гуманитарных наук: Учеб. пособ. для асп. и соиск. – Казань: Изд-во «Познание». Автор главы – Г.П. Меньчиков.

Ученые выделяют метрические и топологические свойства времени. Основными метрическими характеристиками времени являются длительность и мгновение. Мгновение – это далее нерасчленимый квант длительности. Длительность – совокупность мгновений, продолжительность жизни объекта, в течение которой сохраняется существование объекта. К топологическим свойствам времени относят однонаправленность (векторность), многомерность, необратимость.

Существование человека как а) сложной макросистемы, б) живого организма, в) социального и г) культурного существа протекает в разных временных масштабах с разными относительно друг друга скоростями при наличии единого физического времени. Человекоразмерное время включает в себя биологическое время, психологическое время, социальное пространство-время, социальную память, т.е., не только объективное, но и субъективное время.

Субъективное время — это другая длительность, которая отражает в нашем сознании на основании информационного обмена, психологической памяти цепочку состоявшихся, существующих, ожидаемых событий, состояний, переживаний. В субъективном времени возможна информационно-виртуальная инверсия, когда человек, реально и физически пребывая в настоящем, может «окунуться в детство», вновь пережить первую любовь, почувствовать горечь потерь и т.д.

Субъективное время вносит в реально происходящие процессы значимость и оценку, эмоциональность и интенсивность переживания. Отсюда оно принципиально неравномерно, в нем нет единственной истинной меры длительности. Интуиция времени у человека связана с ритмами его мозга (Н. Винер), живые организмы словно встроены некие «биологические часы», внутренней субъективной реальности человек легко «перемещает во времени», а потому мгновение, оставаясь мгновением, оказывается текущим и длящимся (т.н. «двуколейность переживания»). Пониманию особенностей субъективного времени уделяли внимание выдающиеся философы XX века. Первым о внутреннем чувстве времени, его «длениии» заговорил А. Бергсон. «Время» как нечто лично-достоверное, что противоположно тому чужому, что вмешивается нашу жизнь, отмечает О. Шпенглер.

Если время как философская и общенаучная категория отражает различные параметры длительности бытия предметов-событий мироздания и мироздания в целом, то социальное время как категория социально-гуманитарного познания отображает общее условие и меру становления-проживания человеческого бытия, меру осуществления жизни. Здесь мера дления бытия проявляет себя качественно по-иному и означает

«человекомерно». Социальное время как «присутствие» (Хайдеггер), как «темпоральность» (Августин, Лейбниц) и темпоральные характеристики восприятия бытия, например, «теперь», «ретенция», «протенция» (Э. Гуссерль), «осевое время» (К. Ясперс) исследуют и другие мыслители.

Социальное время – это совокупность темпоральных отношений в обществе, временные параметры деятельности людей, характеризующие процессы изменчивости, происходящие в обществе. Социальное время имеет собственную организацию и структуру: а) время истории народа и человечества; б) время расцвет наций и этносов, системы, государства, страны; в) время человеческого бытия.

Специфика социального времени состоит в том, что культура есть еще и система кодов, через которые передается информация о способах социальной жизни и ее очеловечивающих человека ценностях. В этой информации в свернутом виде задана длительность, плотность и ритмика деятельности предыдущих поколений, которая может быть отброшена, а может быть и использована. И сама смена поколений выступает как перерыв линии сохранения культуры и ее обновления. Социальное время непременно переосмысливается в гуманитарном контексте, имея дело жизнью вообще и живым сознанием в особенности.

Словосочетание «сэкономить время» применительно только по отношению к социальному, а не физическому времени, метрика которого задана самой природой.

Специфика социального времени состоит также в том, что в нем обнаруживается, как подмечает С.А. Аскольдов, сила «удержания прошлого» и предвидения будущего, которой обладает лишь живое сознание и жизнь вообще. Если «отмыслить этот взгляд», то останется лишь рядоположение статических моментов, в котором нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, ибо их необходимо сознавать, а некому и нечем.

Социальное время или время в культуре многолико и выполняет несколько ролей. *Первая* роль: время есть последовательность действий, предписанных традиций и передаваемых через имя (в архаической формации) или через схемы технологий (в позднейших формациях). *Вторая* роль времени связана с передачей опыта через поколения. Поскольку моменты передачи опыта чреваты искажением информации, ее трансформацией и перекодированием, даже и полной утратой, то в социальном времени создается рисунок времени. Поскольку представители нового поколения могут вызвать новые события и процессы, то в социальном времени образуется ритмика истории. Смена поколений идет достаточно быстро, а выполнение поколением социально значимых ролей происходит и того быстрее: оно может занимать лишь треть биологического времени жизни поколения.

Само понятие «поколение» есть понятие временное. Это социально-возрастная категория, обозначающая совокупность людей, возраст которых помещается в некотором хронологическом интервале. Но такая группа не застывает в одном положении, а передвигается вдоль временной шкалы. Хронологическое время отодвигается на второй план, а на первый выходят качественные критерии. Они тоже подвижны и, естественно, социально обусловлены: срок физического созревания юношества, средний возраст вступления в брак, время начала трудовой жизни, общность целей, ценностей, образа жизни. Эти критерии различны в разных культурах и в пространстве одной и той же культуры. Благодаря сосуществованию поколений, в один и то же момент индивид, живя «настоящим» своего поколения, заглядывает в «прошлое» и «будущее» через «настоящее» последующего и предшествующего поколений.

*Третья* роль времени обусловлена ритмической природой социальной жизни. Изменение способов человеческой жизнедеятельности на протяжении истории влияло на характер протекания социального времени. По Э. Дюркгейму, время рассматривается как символическая структура, которая способствует организации общества посредством временных ритмов. Анализ роли времени обществе предпринимал и Г. Зиммель. Главная проблема – как возможно совместное существование социального порядка и социального изменения? Ведь стабильные социальные формы внешних объектов остаются фиксированными в течение определенного времени и действуют на индивидов как сдерживающий фактор. Он признавал наличие колебаний в индивидуальности субъектов. Человеческое поведение он рассматривал как полагающее себе границы и в то же время стремящееся их нарушить. Этот парадокс культуры – следствие другого, согласно которому время существует и не может существовать. Реальность не является временной, поскольку существует только настоящее. Прошлое уже не существует, а будущее не существует. Прошлое и будущее – границы, определяющие настоящее в точке своего столкновения. Поэтому настоящее может существовать, если прошлое и будущее не существуют.

Однако это логическое доказательство неприложимо к внутренней жизни. Прошлое и будущее действуют в настоящем, хотя это, казалось бы, и нельзя доказать логически...

Такую попытку, однако, делает Н.А. Бердяев. Во времени, как правомерно говорит он, обнаруживается «злое начало, смертоносное и истребляющее». Будущее пожирает и прошлое, и настоящее. Но с более широких позиций познания видно: конечное имеет выход в вечность, имея свое предбытие и послебытие. Так что «угроза» будущего устраняется историей. История имеет прочность, в ней действует «истинное время»,

в котором нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим, «время ноуменальное, а не феноменальное».

П. Сорокин и Р. Мертон, анализируя качественную природу социального времени, доказывали, что смысл событию придает его временное оформление, что знание специфических периодов времени зависит от значения, приписываемого им. Понятие качественного времени они считают важным. Социальное время представляет собой качественное явление, а не только количественное, чувство времени возникает из верований и обычаев, общих для той или группы. Они подчеркивали важность аналитических различий между социальным и астрономическим временем. Первое является выражением изменения социальных явлений в терминах других социальных явлений, взятых как точка отсчета.

*Четвертая* роль времени определяется тем, что представление о времени является ключевым в категориальной сетке мышления и модели мира, выстраиваемой каждой культурой. То, какой смысл вкладывается в понятие «время» тем или иным народом, той или иной культурой, зависит от многих причин. Формообразующая, конструирующая функция времени в культуре проявляется также в том, что каждая культура самоопределяет себя во времени, создавая свой календарь, называя дату своего рождения, вехи своего развития, формируя представления о центре времени, выдвигая определенные концепции времени. Календарь не просто отмеряет время суток, а является хранителем коллективной памяти народа, его культуры, организатором его сознания, точкой опоры в дрящемся бытии. Через календарь время культуры воспринимается и концептуализируется. Мало найдется других показателей культуры, которые в такой же степени характеризовали бы ее сущность, как понимание времени. В концепции времени воплощается рефлексия эпохи и деятельности, интерпретация сложившейся культуры, ритм социальный и эффективность прогностического сознания. Все эти моменты детерминируют исторически-культурную «парадигму» времени.

Сегодня понятия «западное» и «восточное» в культуре человечества приобретают не географическое понимание. Тем не менее для так называемого западного и восточного сознания своеобразно понимание времени. Для западного сознания время – это скорее физико-химическая, биологическая, социальная, философская длительности с их ритмами, стадиями. Для восточного сознания время как различная его длительность с разными ритмами есть лишь скорее аномалия. Отсюда → западное сознание живет, ориентируясь на настоящее как настоящее и творит его, опираясь на прошлое, поглядывая на будущее. Для восточного сознания

реальным является фактически прошлое, оно для него представляется существенным и «светлым». Настоящее же по сути дела в сознании отсутствует, оно всегда несущественно, оно всегда лишь переходный период от прошлого к будущему, оно – «несветлое». В прошлое можно вернуться и начать все сначала, надо лишь преодолеть «помехи», сломать «несветлое». Получается так, что неумение жить в настоящем, строить и ценить настоящее невольно выбрасывает из мировой истории целые страны и народы, выбрасывает из мировой экономики, технологии, культуры, оставляя в политике, причем как бочку с порохом – с «претензиями» к настоящему, угрозами и разборами (в виде войн, революций, смут) или подготовкой к ним, причем как к образу жизни.

Первое *осевое время* просматривается в человеческой истории с 800–200 гг. до н.э. (условно, VI век до н.э.).

Начиная с семидесятых годов XX века можно говорить о «втором осевом времени – глобальных перемен, поворота от иррационального к рациональному».

Осевое время проходит всегда болезненно. Однако цивилизации, которые не совершают этого поворота, постепенно исчезают, как это было, например, с вавилонской, инков и другими цивилизациями.

Специфика социального времени тесно связана со спецификой пространства.

### ***Категория «пространство» в социально-гуманитарном познании***

В социально-гуманитарном контексте общеполитической категории «пространство» соответствует «социальное пространство». После того, как в течение десятков веков проблемой науки было только «абстрактное пространство» геометрии, затем «субстанциональное (отдельное от носителя) пространство» и «реляционное пространство», перед человечеством встал вопрос о «социальном пространстве». В философии под «пространством» понимается протяженность бытия в целом и протяженность-рядоположенность-сосуществование конечных явлений в нем.

В дополнение: во-первых, социальное пространство – это то, что в бытии является общим проживанием и общим всем переживанием, возникающим благодаря органам чувств и духовной реальности, деятельности совместно (хронотопно) живущих людей. Социальное пространство означает не столько протяженность (территории), сколько интенсивность и наполненность всеобъемлющих отношений... У этого пространства замечается иная обусловленность, детерминация, иная временная структура.

Во-вторых, социальное пространство, вписанное в пространство биосферы и космоса, обладает особым человеческим смыслом; оно становится пространством ноосферы. Оно расчленено на ряд подпространств. Их характер, метричность, топологичность, их взаимосвязь со временем, использование символики делают их не столь стабильными, как, например, у «микромира», «макромира», «мегамира».

Пространство и подпространства ноосферы исторически меняются по мере развития общества и культуры человека. Уже на ранних стадиях социального времени, называемого историей, формируются особые пространственные сферы жизнедеятельности, значимые для человека (жилище, поселение). Освоенное человеком и неосвоенное человеком пространство с точки зрения физических свойств не различаются. Но в социальном плане «очеловеченное пространство» отличается существенно: оно определено отношениями человека к миру, исторически складывающимися особенностями воспроизводства способов человеческой деятельности и поведения.

Специфические черты социального пространства отражаются в мировоззрении человека соответствующего времени. Так, в мифах прослеживается различие частей пространства: упорядоченное пространство человеческого бытия и «*остальное*», в котором действуют недобрые и непонятные человеку силы. В представлениях древнего египтянина освоенное им пространство по берегам Нила было центром Вселенной, а течение Нила в силу его хозяйственно-культурной значимости задавало главное направление в мировоззрении пространства. Средневековому мышлению было свойственно рассматривать пространство как систему мест (топосов), наделенных определенным социально-культурным и еще символическим значением. Различался «греховный мир» и мир небесный – мир «чистых сущностей». В земном мире выделялись иррациональные места, периоды времени и особые направления паломничества к святым местам, особые места в храме, дающие исцеление и искупление грехов.

В-третьих, для экспликации категории «социальное пространство» важно учитывать, что оно не просто отражает культурно-гуманитарные контексты, но и активно воздействует на общественную и частную жизнь: оно мировоззренчески функционирует в качестве своеобразной культурной матрицы. В соответствии с ней и пространственной архитектоникой в определенные времена закрепляется и распространяется характерный образ жизни людей, определенный тип отношений социального пространства, связи человека с человеком, человека с природой. Например, в пространственной композиции городской архитектуры сконструированы особенности

производственной жизни и быта людей того или иного этапа истории общества, специфика их социально-культурных связей, особенности этнических традиций.

Новые пространственные формы наслаиваются на прежние, меняя городскую пространственную среду, «подгоняя» историческое развитие.

В-четвертых, если пространство представлялось сначала «прямоугольным» (евклидово), затем «искривленным» (неевклидово: Н.И. Лобачевский, А. Эйнштейн), то социальное пространство заставляет представлять его скорее «фрактальным» (Б. Мандельброт). В социальном пространстве возможны и сильно искажающие «очки». Те не менее, если даже социально-пространственные отношения рассматриваются через них, то и в этом случае все приходит в обычный порядок, но через некоторое время. В зависимости от того, что за проблема, что за очки, на это уходит – где-то десятилетия, где-то столетия и тысячелетия, а где-то и миллионы лет. Сюда же можно отнести и такую особенность социального пространства как значительное несовпадение метрического и топологического, физического и социально-культурного. К примеру, люди пространственно проживают рядом, а социально – далеко друг от друга: возникают социально-пространственные отношения, переживания, позиция несправедливости. Или, поскольку социальное пространство – это больше всего социально-культурные отношения, то возможно не телесное, а «социальное обнуление», «нулевой субъект», а «историческая личность» может быть весомее всей армии (как маршал Г.К. Жуков), а у любящих – «весь мир на двоих» и т.п.

Сегодня все большее социально-культурное значение приобретает пространственный фактор бытия. На смену эпохам насилия постепенно, хотя и драматически, приходит эпоха толерантности, уходят в прошлое такие агрессивно насыщенные понятия, как «геополитика», «империя» и другие; приходят иные: «экономическое пространство», «культурное пространство», «информационное пространство», «региональные пространства» и т.д. Они неплохо выполняют свою социально-гуманистическую роль. В них подчеркивается действие конвенционально единых правил жизни человеческого сообщества, добытых толерантным (читай, культурным) способом. В них ярче заметен социально-гуманитарный контекст категории «пространство».

Понятия «бесконечность-конечность» и «вечность-невечность» в социально-гуманитарном познании имеют не только количественный, но прежде всего качественный смысл. Специфика социального пространства тесно связана со спецификой социального времени. Социальное время есть внутреннее время общественной жизни, оно вписано во внешнее по отношению к нему время природных процессов.

*Введение понятия хронотопа в социально-гуманитарное знание.*

Категории «пространство» и «время» в социально-гуманитарном познании неизбежно переосмысливаются. И переосмысливаются в гуманитарном контексте. С этой целью входит в оборот такое понятие, как хронотоп, введенное А. Ухтомским и М. Бахтиным. Хронотоп – отображение времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимовлиянии и трансформации.

Если смотреть шире, то хронотопом называют конкретное единство пространственно-временных характеристик какого-либо со-бытия в конкретной ситуации бытия. Близкое к нему значение имеет понятие пространственно-временной континуум, в сущности обозначающий то же самое, но применяемое онтологически в философии.

Особенности «художественного хронотопа» состоят в том, что с его помощью воспроизводят пространственно-временную картину мира и организуют композицию произведения, но не прямо, а конструируют условный образ. Поэтому в произведениях искусства «художественное время» и «художественное пространство» не тождественны реальному времени и пространству. Это есть «образ времени-пространства» со своими сконструированными художником конкретными особенностями и признаками. Время и пространство здесь может быть, а может не быть соотнесено с реальным, историческим и локальным. Оно может быть непрерывным, развертывающимся линейно, а может быть намеренно переставленным в виде композиции, инверсии, ретроспекции. Отраженное в сознании героя, нарочито замедленное или вовсе останавливающееся психологи-ческое время, например, свернуто (до ремарки), обозначается одной фразой «прошел год»... (за указанный промежуток произошедшие события не важны для дальнейшего развития действия). Хронотоп, выраженный фразой-приемом «в то время как», может показать одновременное параллельное действие в различных точках пространства. Говоря «в то время как», «прошло пять лет» и т.п., мы сворачиваем дление жизни, совмещаем действия в разных местах.

Создаваемое художественное пространство есть некая модель, картина мира, в котором происходит действие. Пространство при этом может быть широким или узким, открытым или замкнутым, реальным или вымышленным, как в сказке или фантастическом произведении.

Художественный хронотоп имеет различные составляющие, которые чаще всего имеют символический смысл. Существуют «пространственные символы»: в литературе можно говорить об особой значении таких элементов хронотопа, как город и деревня, земля и небо, дорога, сад, дом, усадьба, порог, лестница и др. Есть и «временные символы»: смена времен года, переход от дня к ночи и т.п.

Жанровая специфика определяется прежде всего жанровым хронотопом. Жанр баллады выражает историческое или фантастическое время и пространство, эпос – эпическое время, лирика – субъективно и лирически окрашенное время и пространство.

Эвристичность понятия «хронотоп» проявляется при изучении «ядра» и «периферии» культуры, отторжений и притяжений различных культур.

Итак, переосмысление категорий пространства и времени в гуманитарном контексте приводит к необходимости говорить о социальном пространстве и социальном времени как в отдельности, так и их пространственно-временном социально-культурном континууме.

## **Тема V. ПОНИМАНИЕ И ОБЪЯСНЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ НАУКИ**

***1. Герменевтическая традиция.***

***2. Проблема рациональности в социально-гуманитарном познании.***

***3. Основные подходы к проблеме истины и ее критериев в научном познании***

### ***Специфика социально-гуманитарного знания в контексте философии науки (автор лекции – Л.А. Бессонова)***

Баденская школа неокантианства: Дильтей, Риккерт, Кассирер.

Предмет СГН – *текст*. Это материализованная духовность.

Каждый текст отделен по времени от исследователя. Отсюда возникает множество толкований и представление о символичности текста.

*Понимание* – это выявленность актуальных для современности смыслов.

В герменевтическом круге слиты понимание и объяснение.

Объяснение-предсказание (ЕН) и объяснение-ретросказание (СГН).

Последнее раскрывает причины (?) и готовит почву для интерпретации.

Рузавин: 3 уровня понимания:

- Коммуникация (диалог)
- Перевод
- Интерпретация культурных текстов

Гадамер: 3 уровня (способа) постижения истины в СГН:

- Философия (истории)
  - Искусство
  - История
- } не рационализована; не подлежит  
} верификации

«Там истина переживается, а переживаясь, становится бытием».

В СГН «сознание способно возвысится над собой, и тем самым достигается объективная истина».

Иным в СГН является и *метод* познания. Это герменевтика. Теория и искусство толкования текстов.

Рикёр: «История и истина». Диалектика единого и множественного.

В истории истина есть совпадение собственного опыта с собственным вопрошанием. [*Чего хочешь, того просишь; чего просишь, то и получишь*].

Методология СГ познания: учение о принципах гуманитарных наук.

Еще Александрийская и Пергамская школы занимались герменевтикой. Александрийцы считали, что у слова много смыслов, а пергамцы – что один.

Августин Блаженный, «Христианская наука». Принцип интерпретации и символизации. Принцип контекстуального подхода; экзегетика. Августин понимал «понимание» как реконструкцию исходного смысла. «Знаки»: работа во многом психологическая (понимание знаков объясняется сродством душ).

В XI в. свод Римского права был открыт и проинтерпретирован. Болонская юридическая школа.

К XIV в. юридическая герменевтика становится частью теории права. Схоластика и диалектика как искусство снятия противоречий путем объяснений.

Гуго Гроций. Работа «О толковании». Приемы интерпретации слов-терминов и снятия антиномий в юридических текстах.

Классификация видов интерпретации:

- грамматическая
- логическая
- историческая
- техническая и др.

Реформация. На фоне критики католицизма необходимо было дать новую интерпретацию текстам священного писания.

XVI век. Матиас Флациус. «Ключ к истолкованию Священного Писания»: новые принципы по сравнению с Августином. Продолжает идеи Пергамской школы. Подлинный смысл – всегда один. Но различные контексты конкретизируют его смысловые варианты.

- принцип учета цели и замысла автора
- принцип различия понимания (цель) и интерпретации (метод)
- герменевтический круг: истолкование целого, исходя из смысла входящих в него частей.

XIX век. Хладениус расширил предмет и вышел на историческую герменевтику: применил технику толкования текстов Св. П. к истории и добавил логику. Возникает методология исторического познания.

В. Гумбольдт. ЯЗЫК – как деятельность, как работа духа, создающая звуки, пригодные для понимания. Язык – мировоззрение народа.

– Принцип диалога (метод анализа языковых явлений, языкового сознания вообще).

***Объяснение, понимание, интерпретация,  
проблема истинности и рациональности в СГН<sup>44</sup>***

Исследование понимания как особой методологической проблемы социально-гуманитарных дисциплин имеет давнюю традицию. До последнего времени методологические исследования в данной области были ориентированы в основном на естественнонаучную модель познания; кроме того, понимание было резко противопоставлено научному знанию и познанию в таком влиятельном на Западе направлении как герменевтическая философия от Шлейермахера и Дильтея до Хайдеггера, Гадамера и Рикёра. Начиная с 80-х годов XX века, делаются попытки соотнести два методологических уровня философского анализа науки, которые можно определить как уровни знания и понимания. Это позволило сделать вывод, что субъект познания и его познавательная активность не могут быть выведены за пределы философского анализа знания, как это было характерно для неопозитивистской методологии науки. Кроме того, получила признание культурно-историческая обусловленность как человеческого восприятия, так и научного наблюдения, а также вариативность культурно-исторических смысловых структур, от которых в первую очередь зависит изменение научного знания, его революционные и эволюционные сдвиги.

О проблемах понимания и объяснения в последнее время стали много писать и дискутировать. Возрастает интерес к этой тематике в широких кругах представителей наук о человеке, обществе, культуре: психологов, философов, искусствоведов, культурологов, историков и социологов. Как следствие усложнения социальных отношений изменился характер индивидуальных и массовых коммуникаций. В современных условиях часто возникают барьеры для понимания, преодоление которых требует тщательного анализа.

Понять – значит приобрести такое знание, которое выражает суть вещей, соединяет нечто ранее не известное с уже известным, превращает ранее разрозненное в систему. Под пониманием большинство философов

---

<sup>44</sup> Изложено, в частности, по: Философские проблемы социально-гуманитарных наук: Учеб. пособие для асп. и соиск. – Казань: «Познание», 2007. – Гл. 6. Автор раздела – М.А. Зайченко.

имеют в виду специфический способ освоения и познания особой реальности – внутреннего мира человека, мира его культуры, продуктов его практической деятельности.

Понимание или непонимание, стремление понять или, наоборот, нежелание понять – обычные явления в нашей повседневной жизни и профессиональной деятельности. Как повседневные факты межличностного общения, понимание и непонимание существовали всегда. Сегодня мы наблюдаем другую ситуацию: понимание оценивается многими как чрезвычайно актуальная проблема. В наше время становится ясно, что наука и технологии опираются на весь объем человеческой культуры, заложенной в традициях, языке, восприятии реальности, нравственных нормах и мировоззренческих идеалах.

Понимание не следует отождествлять с познанием или смешивать с процедурой объяснения, хотя они и связаны между собой. Понимание – универсальная форма освоения действительности, постижение и реконструкция смыслового содержания явлений исторической, социально-культурной, а также природной реальности. Ключевым понятием здесь является концепт «смысл».

Культурные смыслы – это система связей и функций элементов культуры в контексте социально-практической деятельности. Этот контекст (деятельности) и воссоздается человеком в процессе понимания. Что касается процессов смыслообразования, то объективно они происходят в сфере традиций, обычаев, ритуалов, символики и находят свое отражение в языке. Кроме внутренних, существуют и внешние причины смыслообразования. Это взаимодействие и общение самобытных культур, практическое и духовное сопоставление их смысловых фондов и др. Поэтому понимание – это всегда подключение к смыслам человеческой деятельности, личностный процесс, связанный с особенностями психики, нервной системы, духовного развития и т.п. Одновременно оно связано с его включенностью в различные коммуникативные системы общения.

Исходные, донаучные виды понимания:

- освоение и понимание языка;
- понимание других людей;
- понимание социальных знаков, норм;
- понимание, как субъективная интерпретация знаний и опыта.

Основные виды научного понимания:

- понимание жизненного опыта людей прошедших эпох (историческое понимание);
- интерпретация символов других культур;

- перевод и истолкование древних текстов (филологическое понимание);
- понимание иных форм жизни;
- понимание культурных норм и ценностей (понимание в социально-антропологических исследованиях);
- понимание природных объектов и интерпретация формализмов научных теорий (понимание в естествознании).

Впервые как обозначение особого научного метода термин «понимание» был применен Дройзером (1868). Позднее понимание было противопоставлено (в частности, Дильтеем) в качестве основополагающего метода наук о духе естественнонаучному методу «объяснения». Немецкий ученый Шпрангер (1882–1963), ученик Дильтея, в своих работах рассматривал сущность понимания как способ постижения смыслового содержания явлений объективного мира. Он настойчиво ставил перед индивидом задачу самоформирования с учетом культурных ценностей и государственной морали, так как только они обеспечивают целостность человеческой природы и характера.

Наряду с описанием, объяснением, истолкованием понимание относится к основным процедурам функционирования научного знания.

Понимание может выступать в двух ракурсах: как приобщение к смыслам человеческой деятельности и как смыслообразование. Понимание – это поиск смысла. Понять можно только то, что имеет смысл. Этот процесс происходит в условиях общения, коммуникации, диалога. Понимание происходит в стихии языка. Смыслом может обладать не только слово, предложение, текст и т.п., но и то, что происходит вокруг нас. Ханс-Георг Гадамер (1900–2002) отмечал, что феномен понимания пронизывает все связи человека с миром, а не является только специальной методологической проблемой наук о духе. Поскольку все люди, так или иначе «обретаются в сфере смысла», то проблема понимания – не узкая, локальная, а широкая, глобальная, «всечеловеческая». Она тесно связано с познанием, но никоим образом не сводится к нему.

Гадамер, вслед за Хайдеггером, исходит из того, что понимание – не способ познания человеком мира, а способ бытия человека в мире, и оно имеет онтологический характер. Поэтому понимание выступает у Гадамера в качестве определенной характеристики самого человеческого существования, не как свойство познавательной активности человека, а как способ его бытия. Он выделяет три момента в структуре понимания: 1) понимание как таковое; 2) истолкование (интерпретация); 3) применение. При этом интерпретацию и применение Гадамер рассматривает как интегрирующие моменты всякого понимания вообще – проникновение в смысл того или иного текста, в том числе и истории как текста.

Говоря об интерпретации, Гадамер подчеркивает, что она применяется не только к научному толкованию, но также и «к художественному воспроизведению, например, к музыкальному или сценическому исполнению». Следовательно, истолкование – это не только феномен науки. В науке ученый интерпретирует теории; логик и математик – исследуемые формальные системы; музыкант интерпретирует исполняемые им произведения; литературный критик – анализируемые сочинения; переводчик – переводимые тексты; искусствовед – произведения живописи, музыки, прикладного искусства и т.д. Таким образом, интерпретация составляет фундаментальную основу не только мышления, но и любой коммуникативной деятельности и взаимопонимания.

В отличие от интерпретации обычного языка, интерпретация текста сопряжена с трудностями:

- 1) многозначность слов;
- 2) зависимость от смысла и контекста;
- 3) личные особенности, убеждения говорящего и пишущего;
- 4) влияние на них тех или иных социально-культурных и исторических условий.

*В какой бы форме ни осуществлялась интерпретация, она теснейшим образом связана с пониманием, так как служит его основой.*

Смыслы, которые индивид приписывает объектам понимания, он черпает из своего внутреннего мира – мира индивидуального сознания, отражающего основу понимания. Этот мир формируется на основе языка и чувственных впечатлений, и включает в себя наглядные и абстрактные образы, связи между ними, знания, верования, морально-этические нормы.

Проблема интерпретации – центральная проблема герменевтики.

Понятие «герменевтика» восходит к древнегреческим мифам, согласно которым посланник богов Гермес был обязан толковать и разъяснять людям божественные вести. Затем это понятие стало означать искусство толкования священных текстов, а потом и искусство перевода памятников прошлого.

Формирование практических методов герменевтики началось с поисков эмпирических правил истолкования и понимания текстов самого различного содержания. В зависимости от особенностей этого содержания выявлялись и специфические правила их истолкования. Так возникла, прежде всего, филологическая герменевтика, изучающая особенности, связанные в основном с переводом древних текстов. В средние века значительное развитие получила библейская экзегетика, занимавшаяся истолкованием текстов Священного писания. Позднее возникла

юридическая герменевтика, которая разрабатывала правила интерпретации правовых документов. Таким образом, в каждой из герменевтических школ разрабатывались свои правила истолкования и раскрытия смыслов текста, давались соответствующие рекомендации по их анализу.

Большой вклад внесли в герменевтику немецкие ученые Ф. Шлегель и Ф. Шлейермахер. Ф. Шлейермахер провозгласил программу создания герменевтики как общего «искусства понимания», которого до этого не существовало, хотя имелись специализированные герменевтики. Новый подход существенно отличался от прежних. Он ориентировался на живой диалог реально существующих людей, а не простой анализ готовых текстов. Сам текст ученый предлагал рассматривать как специфический диалог между автором и его интерпретатором. Такой подход к пониманию начинается с готового текста или живой речи и завершается духовным воспроизведением их смысла. Текст или речь сама по себе образуют лишь основу для понимания и, следовательно, не составляют непосредственные задачи герменевтического исследования, которые в конечном итоге сводятся к раскрытию смысла.

Настаивая на необходимости соотнесения текстов с психологическими и культурно-историческими факторами их возникновения, Шлейермахер во многом способствовал появлению новой концепции герменевтики. Такая концепция была выдвинута немецким философом В. Дильтеем, который стал рассматривать герменевтику как методологическую основу для гуманитарных наук. В отличие от естествознания, содержание гуманитарных исследований, по мнению Дильтея, составляют не факты природы, а объективные выражения человеческого духа, мысли и чувства человека, его цели и мотивы. Для объяснения явлений природы используются каузальные (причинные) законы, а для понимания действия людей их необходимо предварительно интерпретировать или расшифровывать. Он выдвинул философский тезис: «Природу мы объясняем, а человека понимаем».

По Гадамеру, тесное единение таких его трех измерений, как прошлое, настоящее и будущее, одновременность этих эпох, стилей, человечества во времени. Историзм для Гадамера – это «уразумение» изменчивости и «преходящности» формообразований человеческого бытия.

Процесс понимания как постижения смысла есть от начала до конца процесс языковой. Для решения проблемы понимания недостаточно перемещения интерпретатора в «горизонт» автора, необходимо «переплавление» их горизонтов. Это может произойти только благодаря чему-то третьему, общему, в чем смогут примириться позиции обоих. Таким «третьим» является язык. В языке осуществляется как понимание

человеком мира и его самопонимание, так и понимание людьми друг друга. Внутри языка складываются его конкретные формы: философская, религиозная, поэтическая, научная. При этом научную речь Гадамер определяет как «опосредствующее звено» между специализированными выражениями и живым языком.

Язык – явление конкретно-историческое. Основа его изменения и обновления – развитие самой человеческой истории. В настоящее время наиболее популярным является взгляд, согласно которому язык представляет собой один из аспектов лингвистической реальности. Вершиной достижений исследовательской мысли в данной области стало представление о системности языка и о системе как главной побудительной силе и главной детерминанте. Человек есть личность общественная, язык предназначен для социума и функционирует в нем. Отсюда развитие прагматики, теории диалога, риторики и теории речевого воздействия, изучение власти языка и манипулирование языком. Отсюда и вывод: язык определяет нашу концепцию действительности. Но с другой стороны, человек есть культурная личность, он постоянно общается с текстами, сами тексты существуют не автономно, а вступают в связь между собой. Отсюда представление о дискурсе как совокупности высказанного, сложнейших переплетениях в пространстве дискурса, перенос внимания на чтение текста, само представление о тексте как коннотаторе, интертексте. Отсюда вывод: язык создает свою собственную иначе сконструированную действительность.

Современные представления о языковой картине мира представлены следующим образом: каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Носители разных языков видят мир через призму своего языка. Способ конституирования действительности, свойственный данному языку, отчасти универсален, отчасти национально специфичен. С другой стороны языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. Язык повседневной жизни считается недостаточным, он упускает из виду проблему обоснования знания.

Роль языка велика в становления развитой научной теории. Язык развитой научной теории, т.е. способ объективированного выражения содержания науки, во многом искусственен. Наиболее универсальными считаются языки физики и математики. Социально-гуманитарные науки тоже имеют самостоятельные специфические языки. Доступ к реальности

на основе знаковой системы, на основе понимания культуры как гипертекста рождает проблему «непереводимости» с одного языка на другой. Язык не всегда располагает адекватными средствами для воспроизведения действительности. Поэтому для философии науки важно изучение взаимосвязи языковых и внеязыковых механизмов построения теории. Существуют эмпирический и теоретический языки, язык наблюдений и описаний, количественный язык, экспериментальный язык.

Анализ языка науки показывает, что важными составляющими научной теории являются знак, значение и смысл. Знак определяется как материальный объект (явление, событие), являющийся представителем (заместителем) некоего другого объекта и используемый для приобретения, хранения, переработки и передачи информации. Совокупность знаков, особым образом организованная знаковая система и образует язык. Под значением понимают наличие системы определенных смыслообразующих единиц, обеспечивающих относительное постоянство структуры речевой деятельности. Под смыслом выражения понимают его мыслительное содержание. Поэтому значение можно выразить предметно, а смысл – идеально.

Языком науки занимается аналитическая философия, которую представляют Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Г. Фреге, У. Куайн и др., считающие, что язык логического анализа составляет сущность философии науки. По мнению Л. Витгенштейна, центральной проблемой является проблема соотношения вербального языка и реального мира. Каждое предложение должно быть адекватно картине реальности, которую оно описывает. Прояснение языка есть прояснение мира. Второй этап творчества Л. Витгенштейна связан с переходом к языковой игре как модели коммуникации или конституции текста, в котором слова употребляются в строго определенном смысле.

Наряду с пониманием, существует и такая важнейшая познавательная процедура как объяснение.

Объяснение как философское понятие рассматривается в качестве важнейшей функции человеческого познания, особенно в ходе научного исследования. Оно предназначено для раскрытия сущности изучаемого объекта. В реальной практике исследования понимание осуществляется путем показа того, что объясняемый объект подчиняется определенным законам.

Объяснение может быть:

– атрибутивным, когда объясняется неотъемлемое свойство предмета, без которого предмет не может существовать;

– субстанциональным, когда объективная реальность выступает в аспекте внутреннего единства всех форм ее саморазвития, всего многообразия явлений природы и истории, включая человека и его сознание (подобная форма объяснения воспринимается как фундаментальная категория научного познания);

– генетическим, когда используется способ исследования природных и социальных явлений, основанный на анализе их развития;

– структурным; при данной форме объяснения в научной теории осуществляется переход от описания к объяснению, переход от одних структурных уровней к другим, более глубоким;

Объяснение тесно связано с описанием. Последнее в свою очередь представляет собой фиксирование данных эксперимента или наблюдения с помощью определенных систем, принятых в науке.

В области гуманитарных наук используется так называемое рациональное объяснение. Его суть заключается в том, что при объяснении поступка некоторой исторической личности исследователь старается вскрыть мотивы, которыми руководствовался действующий субъект, и показать, что в свете этих мотивов поступок был рациональным. Гораздо большую сферу охватывает телеологическое, или интенциональное объяснение. Оно указывает не на рациональность действия, а просто на его интенцию (стремление), на цель, которую преследует индивид, осуществляющий действие.

Понимание и объяснение тесно связаны, однако не тождественны. Г.Х. Вригт видит различия понимания и объяснения в следующем: результатом понимания является ответ на вопрос «Что это?»; и только тогда, когда мы задаем вопрос, почему произошла демонстрация или каковы были причины революции, мы в более узком и строгом смысле пытаемся объяснить происходящие события.

Важнейшим критерием научности является достижение достоверного, объективного истинного знания. В истории философии стоит различать два принципиальных подхода к истине: онтологический и гносеологический. Наиболее древний из них – онтологический. В рамках этого подхода истина рассматривается как особого рода бытие. Пример онтологического отношения к истине – философская концепция Платона. Суть онтологизма, независимо от различных вариаций внутри этой парадигмы, остается одной и той же: истина это независимая от субъекта реальность, либо одна из составляющих бытия, либо бытие в своей полноте. Общепризнанной в рамках гносеологизма является классическая концепция, в которой истина понимается как соответствие знаний действительности. В классической концепции истине приписывается ряд

характеристик. Объективность истины предполагает независимость содержания истинного знания от познающего субъекта. Если по содержанию истина объективна, то по форме она всегда субъективна. Истинное знание существует только через человека и выражается в субъективной, индивидуальной форме. Абсолютность истины понимается как ее полнота, безусловность и окончательность. Абсолютно истинным считается такое знание, которое сохраняет свое содержание в любую историческую эпоху. Это идеал знания. В реальном познании истина существует в относительной форме. Относительность истины означает ее неполноту, незавершенность, условность. В истине есть такие компоненты, которые в процессе развития знания устраняются или ограничиваются определенной сферой своего применения. Конкретность истины означает, что не существует неизменной для всех ситуаций истины, истинное знание спроецировано на те обстоятельства, в которых оно получено, на условия места и времени. Конкретность истины связана с ее относительностью.

В рамках гносеологической парадигмы помимо классической концепции истины, существует и ряд других, неклассических. Так, например, конвенциональная концепция истины, получившая широкое распространение в современной философии, трактует истину как соглашение между членами научного сообщества (Т. Кун). В прагматической концепции истина понимается как полезность знания, истинным признается такое знание, которое ведет к успеху. Когерентная концепция рассматривает истину как согласованность знания, которая устанавливается на разных уровнях: внутри теории, между различными теориями в рамках одной научной дисциплины, между различными дисциплинами, между наукой в целом и другими элементами духовной культуры. Истинным в рамках когерентной концепции признается такое знание, которое вписывается в уже существующую систему общепринятого знания (К. Поппер).

Неклассические концепции истины получили широкое распространение в современной философии, которая столкнулась с рядом проблем, связанных с классическими представлениями о разуме, науке и человеке. Неклассические концепции указывают на такие свойства истины, о которых умалчивает классическая теория: простота, красота, непротиворечивость, прагматичность, системность, эвристичность.

Вопрос о том, можно ли отграничить истину от заблуждения, и если можно, то каким образом, всегда интересовал познающую мысль. Это и есть вопрос о критерии истины. Проблема критерия истины сводится к вопросу о связующем звене, объединяющем субъективное и объективное, и выступающем основанием для сравнения реальности и ее отражения в сознании человека. Этот вопрос не нов, в истории философии существует три варианта ответа на него:

1. Отождествление познавательного образа с материальным объектом, устранение различия между ними. В такой интерпретации содержание сознания субъекта ставится в полную зависимость от объекта: познавательный образ есть отпечаток в мозгу человека. Такая позиция характерна для механистического материализма XVIII вв.

2. Помещение познаваемого объекта в сознание субъекта, утверждение, что в познании человек сталкивается только с такими предметностями, которые конструирует его сознание. Эта позиция характерна для трансцендентального идеализма И.Канта.

3. Поиск связующего звена между субъектом и объектом, объединяющим в себе характеристики и того, и другого. Таким третьим элементом, позволяющим соотнести знание об объекте и сам объект знания, является практика. Практика определяется как предметно-чувственная деятельность человека по преобразованию материальных систем.

Критерий практики, однако, не всегда может быть использован, поскольку существуют такое знание, которое напрямую непереводаемо в материально-чувственный план. Например, невозможно найти такой тип практики, который позволил бы проверить теоретические идеи высшей математики или квантовой физики, суждения о прошлом в исторической науке, философское знание. Для подтверждения или опровержения такого рода знания используются другие критерии истины: логическая непротиворечивость, когерентность (системность), эвристичность, красота, простота. Эти критерии описываются в неклассических концепциях истины.

Критерий непротиворечивости предполагает, что истинное знание должно выражаться в логически непротиворечивых формах. Логическое противоречие свидетельствует либо о заблуждении, либо о лжи.

Когерентность (системность) предполагает, что новое знание должно быть хорошо согласовано с теми результатами, которые уже оцениваются как истинные. В качестве такого фундаментального знания выступают философские принципы причинности, единства мира, сохранения энергии, самоорганизации мира и т.п. Критерий когерентности позволяет выбрать между двумя теориями, которые не могут быть проверены на практике и обе являются логически непротиворечивыми. Из двух теорий истинной признается та, которая более совместима с фундаментальным знанием.

Критерий эвристичности вступает в силу, когда перечисленные выше способы отграничения истинного знания от неистинного не позволяют принять решение. Эвристичность характеризует потенцию знания к росту. Из двух теорий более эвристичной, а, следовательно, истинной, является та, в которой теоретический рост опережает эмпирический.

Суть критерия простоты в следующем: из двух теорий предпочтение следует отдать той, которая объясняет действительность, опираясь на меньшее количество независимых допущений, т.е. более просто. Красота еще более субъективный критерий, выражающий личностную удовлетворенность результатами познания. Суть принципа красоты в том, что хорошая теория отличается особой эстетической гармонией, элегантностью, ясностью и стройностью.

Истине противопоставляется заблуждение. Заблуждение – это знание, не соответствующее своему предмету, не совпадающее с ним. Заблуждение по своей сути есть искаженное отражение действительности, возникающее как абсолютизация результатов познания отдельных ее сторон. Вопрос о возможностях достижения объективного истинного знания в СГН со всей остротой поставил М. Вебер. Он отвергает механическое перенесение естественнонаучной модели объективности на социальное познание, без учета специфики его предмета, в которой вся суть дела.

Сегодня стало фактом нашего культурного самосознания, что на один и тот же социальный процесс или историческое событие можно смотреть с разных точек зрения. Принято считать, что в демократическом обществе каждый гражданин имеет право на свое мнение по любому вопросу, на свое собственное видение. Что же можно сказать по поводу плюрализма точек зрения в гносеологическом контексте? Известный методолог науки К. Поппер полагал, что среди разных возможных прочтений реальности могут встретиться как истинные, так и ложные. Суть в том, что мы в силу сложности познавательного процесса никогда не можем знать наверняка, какая из имеющихся точек зрения является истинной. По мнению Поппера, критерием отбора из имеющих право на существование является степень их фальсифицируемости до испытания опытом. Другие современные философы (например, постмодернисты) полагают, что все точки зрения равноправны, так как все они в равной степени недоказуемы и непроверяемы.

Один из подходов, а именно интервальный, исходит из того, что в научном познании могут существовать в качестве допустимых разные «картины» одного и того же объекта. Однако эти точки зрения могут рассматриваться как равноправные лишь при одном условии, если все они удовлетворяют требованиям рациональной обоснованности. В области естествознания и даже в области математики мы имеем дело с наличием конкурирующих гипотез и теорий, претендующих на истину и разделяемых в качестве таковых разными группами научного сообщества. Этот феномен в философии и методологии науки известен под названием «альтернативные концепции» или «конкурирующие теории». Выбор между

концепциями и предпочтение одной из них как истинной или более вероятной оказывается возможным только в результате научных коммуникаций между членами научного сообщества. Эти переговоры приводят к выработке определенного научного консенсуса. Однако этот консенсус не может быть окончательным и не подлежащим пересмотру. Процесс выработки консенсуса может занимать довольно длительное время, особенно если затрагивает вопросы пересмотра устоявшегося, парадигмального знания (например, неевклидова геометрия – около 50 лет, частная теория относительности – около 15, квантовая механика – около 25 лет).

Постановка и решение тех или иных научных проблем, способы их толкования не могут быть полностью адекватно осмыслены вне культурно-исторического контекста, вне господствующего в данную эпоху стиля научного мышления, вне тех или иных методологических установок, парадигм (Т. Кун), «тем» (Холтон). Исторические, социальные и культурные факторы, конечно, могут деформировать, исказить, огрублять конечные результаты познания, демонстрируя при этом неизбежную историческую ограниченность любых усилий людей познать окружающий их природный и социальный мир. Но вместе с тем справедливо утверждать, что исторический, социальный и культурный контекст является абсолютно необходимым условием самой возможности истины.

## **Тема VI. ФИЛОСОФИЯ И ЯЗЫК**

- 1. Происхождение и сущность языка.*
- 2. «Мемфисский богословский трактат».*
- 3. Языковедческие проблемы в философских трудах.*
- 4. Лингвисты как философы.*

### *1. Происхождение и сущность языка*

Почему возникает язык? (Вообще говоря, это та же тайна, что и генезис самого человека. Тогда другой вопрос:) Что он собой представляет? Есть несколько гипотез: язык это «вторая» система сигналов, производная от первой; используется для коммуникации. Язык – это орган мышления. Известно марксистское положение «язык – непосредственная действительность мысли»; есть избитое хайдеггерианское «язык – дом бытия»; есть «язык – картина реальности» Витгенштейна; существует постулат, принятый в 70-е гг. XX в.: “Language is the form of life” (“group around the fire”). Для Гадамера язык – содержательная преданность логического анализа... А как возникает язык? Есть трудовая гипотеза;

гипотеза «непроизвольных выкриков»; гипотеза договора, игры, ... «Первично язык является реализацией тенденции рассматривать объективную реальность *символически*, и именно это сделало его коммуникатором», – полагает Эдуард Сепир, один из создателей гипотезы лингвистической относительности. Немецкий философ и психолог Фридрих Кликс в книге «Пробуждающееся мышление» (рус. перев.: 1983) живо описывает обстановку африканской саванны, в которой неандертальцы типа Р были вынуждены, охотясь по типу сети, заброшенной в буше, объединить когнитивные структуры мозга и коммуникативные системы сигналов, поскольку в противном случае дело дошло бы до изоляции индивида в обществе и, в итоге, к его фрустрации.

*Христоф Зигварт. Логика. Т. II, вып. 1. СПб., 1908.*

Что касается нашего *акта суждения*, то он в широких пределах определяется *традицией*. Отдельный человек в большинстве случаев *изучает* то, во что он верит, и в своих суждениях он зависит от данного состояния тех убеждений, какие господствуют среди его окружающих, и которые далеко не являются все обоснованными; по крайней мере, в сознании отдельного человека этого обоснования нет.

И этой восприимчивости соответствует, с другой стороны, повсюду наблюдающееся побуждение делиться с другими, экспансивное стремление умножить свое собственное мышление в сознании других, обеспечить и укрепить свою собственную веру признанием со стороны других. Всякое рассмотрение мышления, которое отвлеклось бы от характера его *общности*, от той общественной природы, какую человек обнаруживает также и в этой области, должно было бы стать односторонним и неистинным. Отсюда вытекает в особенности задача обратить внимание на все то, что в отношении представлений и предпосылок мышления приобретается каждым путем усвоения *языка*. (С. 7–8).

Что же является сущностью языка?

«Субстанция языка есть смысл». *А.Ф. Лосев*. «Философия имени».

«...Основой языка являются не знаковые, а некие смысловые единицы...»  
Теория познания. М.: 1991. Т. 2. С. 333 /Автор главы *М.В. Попович*/.

Языковые знаки, воплощающие смыслы, позволяют концентрироваться на конкретном. «<Существует> относительная независимость смысла языкового выражения от контекста использования. Звуковой сигнал, смысл которого полностью зависел бы от контекста, как раз и является неразложимым на элементы сообщением...» Там же, с. 330.

Общим мнением философов и философствующих лингвистов является следующее. Язык – основное средство не только коммуникации, но и познания. Мысль не просто рождается в слове, она совершается в нем.

\*\*\*

Обратим внимание: в философской литературе отсутствует строгое и одновременно общепризнанное определение того, *что именно* считать средством познания.

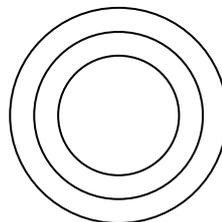
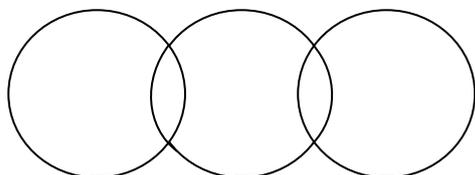
В зависимости от поставленных исследовательских целей мы можем принять, что основным средством *познания вообще* является язык, билатеральная сущность, чьей субстанцией следует признать смысл, а формой проявления – материальный акустико-артикуляционный комплекс или его корреляты (письмо и пр.). Это позиция классической гносеологии; она рассматривает язык не как коммуникационный код, средство общения собеседников, – это дело лингвистики, – и не как универсальную художественно-экспрессивную форму культуры, – на манер искусствоведения, – но преимущественно в когнитивном плане, как спутник «интеллектуального одиночества» субъекта познания наедине с объектом философского внимания, как язык-для-себя, фиксатор и манифестант *мысли*.

При желании можно, напротив, рассматривать *сознание* как посредник между двумя первоначально материальными сущностями: познаваемым объектом и символизирующей его системой знаков (языком). Понятно, что обе эти чувственно-воспринимаемые сущности могут целиком уходить в психику (внутренний мир человека как объект; язык как «внутренняя речь»).

Можно, наконец, принять семиотическую установку: знак и его значение связаны наличествующим репрезентатом, объектом обозначения.

Все три ракурса, точнее, «поворота на угол» знаменитого семантического треугольника приемлемы. Однако мы остановимся на первой позиции: язык – основное средство познания. Есть ли в таком постулате противоречие, проблемность, материал для вопрошания и пристального, углубленного внимания?

Без условий, есть. Хотя бы этимологически: Среда, средство, посредничество. Середина. Сердцевина. Средний термин умозаключения (за счет медиатора в силлогизме осуществляется связь так называемых крайних терминов, и в результате мы получаем новое знание из уже имеющегося). Какой график мог бы подойти для изображения языка в роли познавательного средства?



Первый рисунок изображает язык в роли *посредника*; собственно, это разомкнутый семантический треугольник. Простота здесь лишь кажущаяся. Подобный рисунок изображает связь кругов *пифагорейского числового Универсума* (см. об этом: *А.В. Зиновьев*. Магия Апокалипсиса. Саранск: «Поиск», «Норд», 1990).

Показательно, что время пребывания Пифагора на Востоке совпадает с возвращением древних евреев из Вавилонского пленения... <указ царя Кира, 537 г. до н.э.> Свитки ветхозаветных писаний в те времена получили самое широкое распространение. <Танах> сформировался в целостное писание в VI в. до н.э., когда молодой самосец, сын Мнесарха, покинул Ионию и отправился постигать мудрость Востока. (В III в. до н.э. в Египте при царе Птолемея Филадельфе II был осуществлен перевод ветхозаветного писания – Танаха – на греческий язык. По числу переводчиков-толковников он получил название «Септуагинта»). (С. 30).

Живший на рубеже эр летоисчисления Филон Александрийский, страстно влюбленный в пифагорейско-платоновскую теорию чисел, был убежден, что вся она заимствована из Пятикнижия Моисея... В библейском Логосе он усматривал скрытый закон, тождественный природному закону. ...Можно выделить *две* линии исторической связи тайнописи Танаха и Откровения. *Первая* – это традиционная, которая начинается от Пятикнижия Моисея (Тора) и восходит к Танаху, Септуагинте и далее к Новому завету. *Вторая* линия – это ответвление от писаний древнееврейских пророков, переработанных Ездрой, включенных в Танах, которые послужили Пифагору вместе с восточными учениями главным истоком в создании своей теории чисел, во многом родственной библейской.

Главное различие между ними в том, что традиционная линия всегда оставалась секретной, строго недоступной для непосвященных. Проникнуть в тайну чисел, познать непостижимый «закон божий»... не принадлежащим к священному колену левитов было почти невозможно.

Пифагор вскрыл апокрифическую тайну. Но не ограничился этим, а стал открыто объяснять своим ученикам – «математикам» эзотерические сведения о Едином, о Первоначалах, о Сущем, о числовом Универсуме, о Космосе, Гармонии Сфер. (С. 31). Пифагореизм рассматривал гармонию как состояние, непосредственно предшествующее красоте. *Сложное* именуется красивым только в том случае, если его части гармоничны в сочетании. Струна, например, при делении ее на 2, 3, 4 равные части дает звуки, гармонирующие с основным тоном. Зло есть диссонанс элементов, самих по себе гармоничных.

(Ср.: Аристотель: ложность появляется только в сочетании).

<О Круге Универсума>. Иудео-христианская догматика целиком опирается на числовые соотношения три – трижды-три – разделенного круга... На основе тайного закона Универсума создавалась и библейская мифология. Круг Универсума – это геометрический базис древнееврейской Торы и христианской «триады», главный исток пифагорейской «тетракиды» с ее многообразной числовой символикой. (С. 44)

1	<i>Всеобщий (универсальный) круг</i>	<i>Единое, Всеобщий (универсальный) род</i>
3	<i>Большой круг</i>	<i>Общий род</i>
9=3·3	<i>Средний круг</i>	<i>Особенный вид</i>
27=9·3	<i>Малый круг</i>	<i>Единичный индивид</i>

Диаметр круга – универсоида –  $K=8N+58$ . Природа ее – время. Задав Начало, можно исчислить Конец, и наоборот. Например:  $N=76$  лет. Тогда конец:  $K=8 \cdot 76+58=666$  лет. Круг полный:  $N+K=76+666=742$ . Представленная формула легко преобразуется в формулу круга ( $N+K=9N+58$ ). Означает она лишь то, что начало универсоиды сомкнуто с концом, а линия превращена в круг, а точнее – сжата в узел, в простую точку, обращена в ничто. (С. 48)

\*\*\*

На втором графике не просто изображен медиатор в силлогизме: этот рисунок символизирует и «третьего (четвертого) человека» Аристотеля, каковой («четвертый человек») на каждом уровне концентрических орбит должен становиться «объемнее». Этот рисунок изображает язык в роли *среды*, хайдеггерианского *океана*, в который человек погружен таким образом, что не различает, где «верх» – образы сознания, и где «низ» – объективный мир... Это универсальная способность языка служить фоном, общим топосом, или местностью бытия и познания; причиной или мотивирующим фактором некоего действия, следствия, явления; началом/концом и Единым.

*Аристотель*. Сочинения в 4-х томах. Том I. М.: Мысль, 1976.

*В. Асмус*. Метафизика Аристотеля. 1. Предпосылка метафизики Аристотеля: критика платоновской теории идей. Платон опирался в своей онтологии на учение Сократа о роли, какую для познания бытия играют понятия, так как познание направлено на неизменную сущность вещей и так как основные свойства вещи – свойства, раскрывающиеся в понятии о ней. Это учение Платон использовал для утверждения, будто понятия не только наши мысли о бытии, но и сами не что иное, как бытие, и притом

бытие истинно сущее. (С. 5–6).

Аристотель считает именно понятия средством познания существенных свойств предметов. Но... Аристотель... возражает против учения Платона о безусловной самобытности понятий, иначе – против учения об их безусловной независимости от вещей по бытию. (С. 6).

Гипотеза о существовании «идей» бесполезна для познания: в содержании идей нет ничего, чем они отличались бы от вещей.

1. Она бесполезна и для чувственного существования, так как идеи его не имеют. (Не помогает и ссылка Платона на «причастность» вещей идеям: пифагорейский мотив).

2. «Третий» («четвертый») человек. 1) Логические отношения между идеями у Платона – общее и частное. Общее – сущность частного. Но это положение, по Аристотелю, противоречит положению о субстанциональности идей. Выходит, что идея одновременно субстанциональна (как сущность частной) и несубстанциональна (по отношению к более общей, которая есть *ее* субстанция).

2) Общее не может быть просто составной частью вещей. Отсюда Платон выводит, что общее образует особый мир, отдельный от вещей и самобытный. Но ... между каждой отдельной вещью и ее «идеями» должно существовать нечто сходное и общее для них обеих. И если по отношению к миру чувственных вещей необходимо допустить отдельный от него и самобытный мир «идей», то точно так же по отношению к тому общему, что имеется между миром вещей и миром «идей», должен быть допущен – в качестве вполне самобытного – новый мир идей. (С. 8–9) И если в силу сходства мира вещей с первым миром «идей» оказалось необходимым предположить второй мир «идей», то на том же основании – в силу сходства второго мира идей с первым, а также с миром чувственных вещей – необходимо предположить существование особого общего между ними, т.е. существование третьего мира «идей». При последовательном развитии этой аргументации пришлось бы прийти к выводу, что над областью чувственных вещей высится не один-единственный самобытный мир «идей», а бесчисленное множество таких миров. (С. 9)

Как кажется, вышеприведенные графики схематически передают особенности понимания языка в его когнитивной роли представителями естественных (и математических, и инженерно-технических) наук, с одной стороны, и представителями гуманитарных наук, и в том числе – философии, с другой стороны.

Пирамида идей Платона не объясняет движение вещей, их возникновение и гибель. Это объяснение под силу Аристотелевой науке. И философии – как науке. Если все науки, в том числе и «мать всех наук»,

рассматривать как «первую навигацию», служащую естествознанию, то нам не уйти от образа печати на воске или зеркала в классической гносеологии, что не мешает использовать для изображения самого языка первый график. В ходе второй навигации языковые единицы сливаются с идеями, и величественно-спокойный образ вечного солнца-истины можно представить в виде второго рисунка, только анимированного: излучающего волны света. Остается еще одна навигация: третья. Тогда данный анимированный график будет интерпретироваться иначе: как «место силы», или «место воли», где импульсы идут от основной могущественной универсальной субстанции... да, языка. Впрочем, и первый график подходит для интерпретации языка как орудия в руках субъекта, как силы, преобразующей объект... Классика. С этим положением связан тот факт, что философ (как и любой гуманитарий) недолго может оставаться «лишь» гносеологом: глубокие размышления обязательно приводят его к вопросам социальным: коммуникации, этики, политики и т.д.

Датский философ *Питер Кемп*: «Часто могущество философского слова игнорировалась, когда философия рассматривалась как чистое описание, невинное зеркало, которое забывает о себе и представляет нас вещам. Эта идея философии как зеркала природы с тех пор критиковалась как с герменевтической, так и с прагматической точек зрения. Ханс-Георг Гадамер показал в “Truth and Method” (1960), что не существует описания вне интерпретации исторической ситуации, в которой мы описываем нечто, и Ричард Рорти провозгласил в “Philosophy and the Mirror of Nature”, что философия должна сфокусироваться на действии, которое изменяет мир. Но уже в 1955 г. оксфордский философ Дж.Л. Остин читал лекции о речевых актах. Они были опубликованы в 1962 г. в книжечке “How to do things with words”. Он показал, что пропозиция, которая представляет некое значение, есть *акт*, он назвал его *locutionary act*, и заявил, что *locutionary act* не может быть вполне отделен от того, что он называет *illocutionary act*, имеющий определенную *силу* в произнесении чего-то. В других словах, целостная ситуация, в которой производится высказывание, и которую Остин называет целостным речевым актом, всегда одновременно *locutionary and illocutionary*. Уже <самим> выбором чего-то, что мы хотим сказать, и пропуском чего-то другого... мы оказываем определенное влияние на тех, кто читает или слушает ... Итак, слово всегда обладает могуществом в мире». (Пленарный доклад на XXIII Всемирном философском конгрессе, Сеул, 2008).

В теории речевых актов Дж. Остина учтена коренная зависимость т.наз. локутивного акта (т.е., от содержания сообщения) от иллокутивного акта, имеющего неязыковую природу. Универсальной прагматикой

выделяются следующие модусы коммуникации: когнитивный, интеракционный и экспрессивный. При этом тематизируются соответственно: пропозициональное содержание, интерперсональное отношение, намерение говорящего. Тематизация определяется следующими притязаниями на значимость: истина, правильность, искренность.

Универсальная прагматика позволяет прояснить рациональные основания иллокутивной силы, которую Дж. Остин и Дж. Серль анализируют таким образом, что связывают ее с удачей или неудачей речевого акта.

«В конечном счете говорящий может иллокутивно воздействовать на слушателя, и последний, в свою очередь, на говорящего потому, что типичные для речевого действия обязательства связаны с когнитивными и доступными проверке притязаниями на значимость, т.е. потому, что взаимные обязательства имеют рациональную основу». (Ю. Хабермас). *Peter Kemp*: “Our strength... is in our capacity to speak rationally about everything, to consider the role of everything in the whole...”

Когнитивное притязание на истинность уступает место в акте коммуникации=понимания желанию быть понятым. Противоположность интенции коммуникативного акта по отношению к нацеленности классической научной «первой» и классической метафизической «второй навигации» *на сам объект* в ходе гносеологической робинзонады сказывается в том, что коммуниканты добиваются непротиворечивой нормативной встроенности обсуждаемого в сферу, или картину, уже имеющихся смыслов. Она, кстати говоря, может быть в полной мере виртуальной, художественной, фантастической, обманчивой и ложной и т.п., т.е. в данной области не только феноменальная сторона скрывает, экранирует эйдос, тем более непознаваемый ноумен (кантианскую вещь-в-себе), но и в самом феномене явление может представлять как кажимость.

В ходе «третьей навигации» универсум распадается на отдельные «миры» или картины мира, зависящие от общепризнанности в данном социуме факта существования некоторых (биопсихосоцио)релевантных явлений. Избирательным организующим принципом может служить и служит этнический язык, традиция, норма и запрет и т.д., словом, всевозможные социокультурные детерминанты, от мировоззрения в целом до эстетических предпочтений. В коммуникативном акте «третьей навигации» понятие объективности оттесняется понятием интерсубъективности, истина – искренностью, абсолютное – относительным, категория – смыслом, познание – пониманием, семантика – прагматикой. В ходе коммуникации грамматическое и реальное, говоря словами Аристотеля, не совпадают безусловно. Грамматическое может замещать реальное. Понимание в

таком случае не есть способ подлинного познания, это есть способ бытия. Это рассказанное бытие, «картина мира», научная или художественная, в данном случае неважно. Объект как таковой отодвигается за скобки или экранируется. Хоровод систем символов и знаков языка, репрезентируя объект, «затемняет» и как бы «снимает» его... Точно так же, «по типу языка», действуют и прочие знаково-символические системы.

«Третья навигация» может смешивать сакральное с профанным, это караван практик и техник, хор мнений и ансамбль впечатлений, и преобладающим мотивом является мотив интереса или пользы, т.е. ценности.

В свете сказанного: классическая гносеология имеет основополагающей категорией познание; неклассическая – понимание. Интенция, или, принимая терминологию теории речевых актов, «направление совпадения» (direction of fit) здесь разная: «на объект» и «на себя». [Золушка и принц, например...] В ходе понимания, нацеленного на непротиворечивое размещение нового знания в системе уже имеющегося человеком, обретается не «сущность» объекта, которая определяется его, объекта, качеством и которая не исчезнет, если даже исчезнут все познающие и понимающие люди, – а *смысл*. Поэтому понимание – это не только и не столько познание, сколько бытие – специфически человеческое, и основополагающую роль в самом существовании этого превращенного существования играет язык – универсальная среда собственно человеческого бытия, *культуры*.

Поэтому так назойливы для классического гносеолога (меня, например) социокультурные детерминанты и рассуждения вместо «познания» о «практике», «деятельности», «актах» или, еще того хуже, «техниках повседневности»... (Например, европейская знаменитость, классик постпозитивизма Эвандро Агацци, посвятил свое выступление на XXII Всемирном Философском Конгрессе... необходимости культурологического измерения философии науки).

Метафизик желает обрести в ходе познания сущность вещей (ибо в сущности познание и бытие совпадают). Она должна быть для этого рафинирована и подвержена воздушной возгонке на феноменальный уровень, т.е. наше главное тщание и радение – *увидеть солнце истины*... Возможно ли это? А возможны ли научные исследования бессознательного? Ведь оно, скрытое, должно для этого быть поднято (Хайдеггер: Anker lichten), открыто наблюдению «первых навигаторов»...

Метафизике помогает, вторит ей в строгом ритме нидерландского контрапункта логика. Диалектика, если она ведет себя так же, т.е. рафинирует и возгоняет, поднимает на свет самые глубокие существенные законы, тоже

является метафизикой в указанном смысле. В итоге мы получаем так называемое фокусное знание... Но действительная жизнь заставляет фоновое знание интерферировать с фокусным, знание в целом – с намерениями и верованиями, с деятельностью, практикой...

\*\*\*

Происхождение языка в качестве особой системы знаков, его роль посредника между двумя мирами осознавалось народами древних цивилизаций как акт божественного волеизъявления относительно создания мира.

### **«Мемфисский богословский трактат»**

Задолго до возникновения всякого теоретического знания, на заре цивилизации, две важные функции языка – метафизическая и перлокутивная – уже были осознаны в мифическом мировоззрении древних египтян.

**Вяч.Вс. Иванов. ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? (вместо предисловия). Генри Франкфорт, Г.А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии.** М.: Наука, 1984. «Мемфисский богословский трактат», оригинал которого обычно датируется серединой III тысячелетия до н.э. (если не полтысячелетием раньше)... До сих пор остается неопровержимой характеристика трактата, данная великим русским египтологом акад. Б.А. Тураевым в его истории египетской литературы, опубликованной в 1920 г.: «Перед нами древнейший памятник богословия, возводящего все существующее к единому началу...» (С. 4–5).

(Из первой главы книги): Изучим документ, связанный с творением. Это надпись, известная под названием «Мемфисский богословский трактат», – текст настолько странный..., что кажется, на первый взгляд, пришедшим из другого мира. Это широкая философская система взглядов на природу вселенной. Документ, о котором идет речь, – поврежденный камень, хранящийся в Британском музее и носящий имя фараона, правившего около 700 г. до н.э. Фараон этот, однако, заявляет, что он только скопировал надпись, сделанную его предками. Его заявление подтверждается языком и типично ранним внешним оформлением текста. Перед нами документ, дошедший от самых ранних времен египетской истории, от тех времен, когда первые династии основали новую столицу в Мемфисе, городе бога Птаха. Мемфис как центр теократического государства начинался на пустом месте, до этого он не имел никакого национального значения. Хуже того, Гелиополь, традиционная религиозная столица Египта, дом бога солнца и бога-творца Рэ-Атума, находился всего

в 25 милях от Мемфиса. Необходимо было как-то оправдать новое расположение центра мира. Текст, о котором идет речь, – часть теологического аргумента в пользу приоритета бога Птаха и тем самым его жилища Мемфиса.

...Творение выражается в философских терминах в той мере, в какой египтянин был вообще на это способен: мысль, посетившая сердце бога, и произнесение повеления, воплощающего эту мысль в реальность. ...Здесь, как указывает проф. Брестед, мы вплотную подходим к подоплеке учения о Логосе в Новом завете: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог». (С. 66) ...Эта более высокая система использует *замысел* как порождение разумом идеи и *осуществление* через произнесение созидательного приказа с помощью речи.

Мысль и речь – древние атрибуты власти в Египте... в нашем мемфисском тексте эти два атрибута власти даны в материальных терминах: сердце – орган, в котором мысль зарождается, язык – орган, который эту рожденную мысль превращает в чувственную реальность. Все это приписывается деятельности мемфисского бога Птаха, который сам есть мысль и речь в каждом сердце и на каждом языке. Он, т.о., был первым созидательным началом, каковым является и теперь. ...Птах приравнивается к Нун, первобытным водам, из которых возник Атум, обычно считающийся богом-творцом. Это само по себе делает Птаха предшественником бога солнца, и этот приоритет... не просто подразумевается: делается подробное описание того, каким образом Птах породил Атума. «Птах, великий; он – сердце и язык Девятки богов... который зачал богов... воплотилось в сердце и воплотилось на языке (некто) в образе Атума». (С. 67)

Так задуман и сотворен Атум. Идея «возникла в сердце» божественного мира; этим сердцем или разумом был сам Птах; затем идея «возникла на языке» божественного мира; этим языком или речью был сам Птах. (С. 67). Но созидательная сила Птаха не иссякает после того, как порожден традиционный бог-творец. (С. 67–68) Те же созидательные принципы, чье действие в первобытных водах породило Атума, действуют и сейчас. Всюду, где присутствует мысль и повеление, – творит Птах. ...Текст поясняет механическую связь различных чувств с сердцем и языком, говоря, что назначение зрения, слуха и обоняния передавать информацию сердцу. На основе этой чувственной информации сердце испускает «всё, что завершено», т.е. каждую образовавшуюся мысль, а затем «язык ...возвещает то, что измысливает сердце».

...Произнесение имени есть само по себе акт творения. ...Так были рождены боги,... божественный порядок,... принципы существования,... различие между добром и злом,... искусства, ремесла и все виды

человеческой деятельности,... провинции и города... (С. 68) И наконец: «Так было установлено и понято, что его (Птаха) мощь более мощи (других) богов. И вот Птах отдохнул после того, как создал все, и божественный порядок (слово божие) равным образом». (С. 69)

Сотворены были не только материальные элементы; для них было создано «слово», которое, будучи применено к ним, помещало каждый из них на отведенное ему место в божественной системе вещей. Творение не было безответственным созданием причудливо сочетающихся элементов, которые могли быть смешаны... Творение сопровождалось и направлялось словом, выразившим некое подобие божественного порядка с тем, чтобы осмыслить созданные элементы. (С. 70)

Таким образом, мемфисский богослов едва ли не в половине III тысячелетия до Р.Х. измыслил своеобразную монотеистическую систему и объяснил весь мир как результат мысли и слова божества! «Все сущее получило бытие сначала в сердце», т.е. в мысли, верховного существа, «язык», т.е. слово которого вызвало их к реальной жизни. Мы не удивимся, что этот текст уже использован историками учения о Логосе и исследователями источников герметизма». (С. 5) ...В трактате обыгрывается образность частей тела – не только языка, но всего, что связано со ртом: «Девятка же богов (Птаха) – это зубы и губы в этих устах, называвших имена всех вещей». В египетской мифологии, как и в шумерской, ...части тела бога могут отделяться от самого божества и становиться предметами отдельного поклонения... Не подлежит сомнению, что такое раздробление «гротескного тела» (термин М.М. Бахтина) на отдельные части, каждая из которых становится самостоятельным предметом мифологического и обрядового почитания – черта древняя. «...Сердце и язык получили власть над (всеми) членами, ибо они познали, что он (Птах) в каждом теле, в каждом рту всех богов... Его Девятка богов перед ним в виде зубов и губ».

В египетской традиции бог Тот (точнее, Тховт) – «язык» другого бога (в частности, Птаха), его «вестник-глашатай» (недаром говорилось потом, что Тховт в Египте то же, что Гермес у греков.. Само имя Тховта, возможно, образовано посредством префикса d- от того же корня, который представлен в имени Ху – бога божественного Слова, вместе с Сиа – богиней познания соотносившегося с Рэ также, как Тховт вместе с Сердцем-мыслью соотносился с Птахом. Но Тховт – и бог, благодаря которому написанное может быть произнесено, создатель всего множества языков, которые различаются физиологически – поворачиванием языка во рту. Здесь действительно проявляется то понимание термина в конкретном физиологическом смысле, о котором писал Уилсон. (С. 5)

В Египте имени (бога, фараона, любого явления) приписывалась особая ценность, часто магическая, что при диалогической установке на собеседника... особенно наглядно проявилось в формуле «в имени твоём», от которой зависела судьба того, к кому обращаются, ср. также в «Текстах Пирамид»: «не умер он, не исчезло его имя». Сходным образом и в культуре шумерской... наименование, по сути, было

равнозначно сотворению – созданию... «После того, как имя человека было установлено». [50 имен Мардука...] Несомненно, что египетские и древнемесопотамские представления о магии слова восходят к достаточно глубокой древности. ...именно это напряженное внимание к обозначению посредством имен, характерное (как предположил Н.М. Тронский) и для ранней греческой традиции, нашло отзвук в позднейших философских спорах об именах вещей и их роли, которые созвучны новейшей науке. (С. 6)

И для развития самой шумерской и вавилонской мысли (и для всех окрестных областей, испытавших их влияние) понимание значимости имени-обозначения было чрез / вычайно существенным. (С. 6–7) Именно оно и вело к фиксации всех возможных обозначений в длинных словарных (по сути дела, уже энциклопедических) тематических списках специальных терминов (географических, зоологических, ботанических и т.п.)... по своему замыслу всеобъемлющих. Списки предполагали полный охват всего словаря и его тематических групп в сочетании с рассмотрением каждой единицы как отдельной и автономной. По сути дела, в этой шумерской традиции коренится уже та форма ориентированных на ключевые слова энциклопедий, справочников, указателей и словарей, которые столько значат для современной формы хранения и передачи научного знания. ...Вместе с тем в шумерских, эблаитских, вавилонских (а позднее ассирийских, угаритских и других древнеближневосточных, как еще позднее – древнекитайских) словарных списках можно найти зародыши и научного подхода не только к описываемым фактам, но и к самому языку, на котором они описываются. (С. 7)

**Генри Франкфорт, Г.А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии. М.: Наука, 1984. Глава 1. Миф и реальность.**

Точно так же, как воображаемое признается существующим в действительности, понятия обычно также овеществляются. Человек, наделенный смелостью или красноречием, владеет этими качествами почти так же, как имуществом, которое у него могут украсть или которым он может поделиться с другими. Понятие «справедливость» или «истина» выражается в Египте словом *маат*. Уста царя – храм *маат*. *Маат* олицетворяется в образе богини, но в то же время говорится, что боги «живут посредством *маат*». (С. 33)

Превосходный пример этой тенденции к конкретности – представление первобытного человека о смерти. Смерть для него не есть событие, как для нас – акт или факт умирания, как толкует это понятие Вебстер. Она есть так или иначе вещественная реальность. Так, мы читаем в египетских Текстах Пирамид следующее описание начала вещей:

Когда небо еще не возникло,  
 Когда люди еще не возникли,  
 Когда боги еще не возникли,

Когда смерть еще не возникла...

Заметим, что жизнь противопоставляется смерти и тем самым акцентируется факт, что жизнь сама по себе считается бесконечной. (С. 34)

Египтяне считали, что творец возник из вод хаоса и создал холмик суши, на котором он мог бы стоять. Этот первобытный холм, с которого началось сотворение мира, по традиции помещался в храме Солнца в Гелиополе, поскольку в Египте творцом обычно считался бог солнца. (С. 40) Египетский иероглиф, означающий первобытный «холм творения», также означает «являться в славе». Он изображает округлый холм, из которого вверх поднимаются солнечные лучи, графически иллюстрируя чудо первого появления бога-творца. (С. 62)

### *Философы как лингвисты*

Специальные науки о языке отделились от философии относительно недавно: в виде сравнительно-исторического языкознания и структурной лингвистики, в XIX столетии. Это отделение связывают обычно с двумя именами: В. фон Гумбольдта (сравнительно-историческое языкознание) и Ф. де Соссюра (структурная лингвистика). Предшествовавшие 25 веков демонстрировали нам глубокое мировоззренческое родство философских и филологических (в частности, лингвосемиотических) проблем: об этом свидетельствуют труды Платона и Аристотеля, скептиков и неоплатоников, схоластов Боэция и Уильяма Оккама, ученых Пор-Рояля, эмпириков и рационалистов нового и новейшего времени.

Развитие философии, науки и философии науки происходило а) путем направления усилий крупных мыслителей-философов (например, Аристотеля, Гоббса, Локка, Гегеля и других) к анализу языка; б) выхода на мировоззренческий уровень специалистов-лингвистов (например, В. фон Гумбольдта, Ф. де Соссюра, Э. Сепира, Б. Уорфа и других); в) «лингвистического поворота», совершенного на общем пути философии науки (Л. Витгенштейн и другие). При всем мировоззренческом многообразии существует практическая возможность проследить развитие отношений философии и языка, философов и языковедов от античности до наших дней, пользуясь ценной дилеммой (точнее говоря, синтагмой) методологического номинализма и методологического эссенциализма.

В эпоху *античности* появляются первые теоретические представления европейцев о генезисе и роли языка. Одна из начальных идей – происхождение языка либо из подражания природе, либо по установлению, конвенционально.

Из: К. Поппер. *Открытое общество и его враги*. М.:1992. В 2-х т.

*Т. II. С. 27.*

Некоторые утверждают, ссылаясь на Диогена Лаэртца, что антитеза между «природой» и «соглашением» впервые была высказана Архелаем, учителем Сократа.

Однако в «Законах», 690 b, Платон недвусмысленно дает понять, что автором её он считает фиванского поэта Пиндара («натуралиста»).

Источником этой идеи могут считаться и сохранившиеся фрагменты из трактата «Об истине» Антифонта.

Согласно платоновскому «Протагору», одним из первых сторонников этой идеи был софист Гипсий.

Сам Протагор также рассматривал эту проблему, хотя в других терминах.

Демокрит же (а Платон в «Кратиле») применил антитезу “physei” – “thesei” к такому общественному «институту», как язык.

От материалиста Демокрита скорее ожидаешь поддержки в защиту первой позиции. Однако нет; в этом вопросе он поддержал конвенционалистов. Язык возникает “thesei”, по установлению.

*Фрагменты Демокрита // Материалисты Древней Греции. М.: 1955. Пер. М.А. Дынника. – Малый диакосмос.*

267. Прокл in Crat. ...В самом деле, как говорит Пифагор, образовывать имена [вещей] не может всякий, кому вздумается, но [может лишь тот], кто видит ум и естество сущего. Итак, имена – по природе. Демокрит же говорит, что имена – по установлению, и доказывает это четырьмя эпихейремами:

1) на основании одноименности. Ибо различные вещи называются одним и тем же именем. Следовательно, имя – не по природе.

2) на основании многоименности. Если различные имена прилагаются к одной и той же вещи, то они равнозначны между собой, что невозможно [если имена – по природе].

3) на основании перемены имен. Ибо каким образом мы переименовали Аристокла Платоном, Тиртама же – Теофрастом, если имена – по природе?

4) на основании недостатка подобных [имен]. Почему от «мышления» мы говорим «мыслить», а от «справедливости» мы уже не производим [подобным же образом] другого имени? Следовательно, имена – по случаю, а не по природе. (С. 151–152)

Платон считал, что первые имена присваивают, сообразуясь с мнением богов, особые избранные ученые – номотетики. Последующие имена присваиваются произвольно.

Первое систематическое изложение концепции языка как перечня элементов, точно отражающих составные элементы одной-единственной

*универсальной реальности*, можно обнаружить во введении к трактату Аристотеля «Об истолковании». One word – one meaning, знаменитая максима Аристотеля. ”Язык – репертуар образов, достоверно отображающих реальность” – это наиболее распространенная концепция языковых фактов, это многовековая традиция, скажут в XX веке...

<Перевод с итал.: [Вещи, которые существуют, обнаруживаются] в голосе, являются символами переживаний в душе, а написанные [являются символами] [вещей, которые пребывают] в голосе; и подобно тому, как письменные знаки не одни и те же у всех, также и [отдельные] звуковые [формы] не одни и те же; первые по сути своей являются знаками этих [последних]; одни и те же у всех переживания в душе, и вещи, по отношению к которым эти [переживания] являются образами подобия, также одни и те же [у всех]. (Туллио де Мауро, с. 38) Ср. рус.: ...Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же предметы, подобия которых суть представления.>

Эпикур, в отличие от Демокрита, поддерживает концепцию “*physei*”, однако, аналогично Платону, полагает, что после возникновения первородных имен, «впоследствии люди действовали по уговору».

*Письма и фрагменты Эпикура // Материалисты Древней Греции. М.: 1955. Пер. С.И. Соболевского.*

#### ***Эпикур приветствует Геродота.***

С. 182. Прежде всего, Геродот, следует уразуметь понятия, лежащие в основе слов, для того чтобы, сводя к ним наши мнения, вопросы, недоумения, мы могли обсуждать их и чтобы у нас при бесконечных объяснениях ничего не оставалось нерешенным или чтобы мы не имели пустых слов... кроме того, следует всё наблюдать согласно с чувственными восприятиями [ощущениями] и, в частности, согласно с наличною возможностью постижения...

С. 194. Далее, надо полагать, что сами обстоятельства... принудили [человеческую] природу делать много разного рода вещей и что разум впоследствии совершенствовал то, что было вручено природой... Вот почему и названия первоначально возникли не по уговору, но так как каждый народ имел свои особые чувства и получал свои особые впечатления, то сами человеческие природы выпускали своим особым образом воздух, образовавшийся под влиянием каждого чувства и впечатления, причем влияет также разница между народами в зависимости от места их жительства. Впоследствии у каждого народа с общего согласия были даны вещам свои особые названия, для того чтобы сделать друг другу [словесные] обозначения менее двусмысленными и выраженными

более кратко. Кроме того, вводя некоторые предметы, ранее невидимые, люди, знакомые с ними, вводили и некоторые звуки для них; в некоторых случаях они вынуждены были произнести их, а в некоторых выбрали их по рассудку согласно обычному способу образования слов и таким образом сделали их значение ясным.

\*

В *средние века*, до всякого позитивизма – и до всякого кантианства, например, у Оккама, существовало несомненное убеждение, что наука имеет дело не с реальными вещами, а с *высказываниями*, образованными из общих терминов, замещающих в языке реальные вещи (*scientia est universalis*): **все** науки трактуют не о тех или иных единичных вещах, но о *высказываниях*. «Все авторитетные суждения, утверждающие, что такая-то наука трактует о таких-то и таких-то вещах, надо понимать в том смысле, что она трактует о терминах, подразумевающих такие-то вещи». (С. 87) Оккам приводит цитату из *Комментария к «Об истолковании»* Боэция, который пишет, что «вещь представлена в понятии, слова обозначают понятия, а буквы – слова». PL 64, 297 В–С. Оккам подчеркивает, что слова требуются для выражения понятий, которые сами по себе быть выраженными не могут (*termini concepti... in mente manent et exterius proferri non possunt*); при этом слова являются как бы подчиненными понятиям знаками (*voces tamquam signa eis subordinata pronuntientur exterius*). С другой стороны, хотя слова соотносятся с понятиями и являются их знаками, первично и в собственном смысле (*primo et proprie*) слова обозначают те же объекты, что и соответствующие понятия. Так, например, слово «птица» и понятие «птица» обозначают один и тот же объект – пернатое живое существо. (С. 17)

\*

Похожую позицию относительно языка, мышления и реальности в Новое время займет *Т. Гоббс* (1588-1679). На это указывает *В.В. Соколов*.

Гоббс отклоняется от эмпиризма Бэкона и приближается к рационализму, когда объясняет достоверность научного знания (*scientia*) как *всеобщность* и *необходимость*, которые невозможно почерпнуть в опыте... Умозаключение он рассматривает как вычисление: «рассуждать значит то же самое, что складывать и вычитать», – а истины математического знания стремится увязать не с непосредственным чувственным опытом, а со словами человеческого языка...

План своей философской системы Гоббс задумал в Париже. Он назвал

его «Основы философии», или (Гегель) «Элементы философии». *Thomae Hobbesii Opera philosophica ante Elementor Philos.*

“De Cive” – 1642, Paris.

“Leviathan” – 1651, London.

Первый отдел (Sectio) – “De Corpore” – вышел в свет последним, в Лондоне, в 1679 г. (Гегель. В.В. Соколов дает дату 1655 г.). Второй – “De Homine” – в 1658. (Во всяком случае, и “De Corpore”, и “De Homine” появились **позже** «Левиафана»). Начальные главы «Левиафана» излагают общеполитическую позицию Гоббса).

“The most noble and profitable invention of all other”, wrote *Hobbes (Leviathan, 1651, ch. IV)*, “was that of SPEECH, consisting of *names* or *appellations*, and their connection; whereby men register their thoughts; recall them when they are past; and also declare them one to another for mutual utility and conversation”. “The general use of speech”, he went on, “is to transfer our mental discourse into verbal; or the train of thoughts, into a train of words”. (*G. Vesey, p. 255*)

Как номиналист, Гоббс фактически отождествляет мышление с языком. «Дети поэтому вовсе не одарены способностью к рассуждению до тех пор, пока они не получили способности речи». Он стремится истолковать общее как языковой знак, закрепленный в слове. Для познания нужны дефиниции и конвенции. «В мире нет ничего общего, кроме имен». Имена – знаки не вещей, а наших мыслей о них. Все существующие вещи только единичны... Наиболее общие понятия – только имена, имена имён. Условны даже математические аксиомы.

«Способность к рассуждению не есть нечто врожденное подобно ощущению и памяти, а также не нечто приобретенное одним лишь опытом подобно благоразумию; ...она приобретается прилежанием: прежде всего, в подходящем употреблении имен, во-вторых, в усвоении хорошего и правильного метода (имя – суждение – силлогизм)».

*Т. Гоббс. Левиафан. Соч. в 2-х т. Т. II. (1691)*

С. 29. ...*Понимание* есть не что иное, как представление, вызванное речью.

С. 32. Человек может размышлять и без помощи слов в отношении отдельных вещей...

С. 25. ...*Истина* и *ложь* суть атрибуты речи, а не вещей. Там, где нет речи, нет ни *истины*, ни *лжи*.

«Слова, при которых мы ничего не воспринимаем, кроме звука, суть то, что мы называем *абсурдом*, бессмыслицей или нонсенсом. Вот почему, если кто-либо стал бы мне говорить о круглом четырехугольнике, или об акциденциях хлеба в сыре, или о неведущей субстанции, или

о свободном субъекте, о свободной воле, или о какой бы то ни было свободе, за исключением свободы от внешних препятствий, я не сказал бы, что он ошибается, а сказал бы, что его слова не имеют смысла, т.е. что он говорит абсурд».

«Человек может размышлять и без помощи слов в отношении отдельных вещей, например, когда он при виде какой-либо вещи предполагает то, что, по всей вероятности, предшествовало ей или, по всей вероятности, последует за ней». «Поясним то, как мы обычно рассуждаем без слов,... в безмолвно протекающем мышлении. Видя какой-нибудь дальний предмет неясно и не будучи еще в состоянии определить, что это такое, мы все-таки уже ощущаем в этом предмете то, в силу чего он называется *телом*. <Здесь пробежала универсалия!> Подойдя ближе и увидев, что тот же самый предмет, сохраняя известное положение, находится то в одном, то в другом месте, мы получим о нем новое представление, благодаря которому назовем его *одушевленным*. И если мы затем, подойдя вплотную к такому предмету, увидим его фигуру, услышим его голос и убедимся в наличии других фактов, являющихся признаками разумного существа, то у нас образуется третье представление, хотя еще и не выраженное словом, а именно представление, в силу которого мы называем кого-либо *разумным существом*. Когда мы, наконец, точно и во всех подробностях видим весь предмет и узнаем его, наша идея его оказывается сложной из предыдущих идей, соединенных в той же последовательности, в какой язык складывает в название *разумное одушевленное тело*, или *человек*, отдельные имена».

Вспомним, что у схоластов все это выражалось короче и афористичнее: В случае с приближающимся издали я могу обладать одним видением, посредством которого я сужу только о том, что это есть сущее, другим, посредством которого я сужу о том, что это есть живое существо, третьим, посредством которого я сужу о том, что это есть человек, четвертым, посредством которого я сужу о том, что это есть Сократ...

И если ты спрашиваешь, какое абстрагированное знание первично обретается через посредство интуитивного, отвечаю: «Иногда только понятие сущего, иногда понятие рода, иногда понятие низшего вида – сообразно тому, что объект более или менее удален». {Aliquando conceptus entis tantum, aliquando conceptus generis, aliquando conceptus speciei specialissimae, secundum quod obiectum est magis vel minus remotum}. (Р. 111–115)

Наибольшие сложности в обсуждении во все времена вызывала проблема смысловой стороны языка, его субстанции. Как возможно объединение звука и мысли, насколько оно прочно и мотивировано, где «гнездится» значение наших рассуждений и если «нигде», то что оно собой представляет? Фикцию?

*Туллио де Мауро. Введение в семантику. М.: ДИК, 2000. Пер. с итал.*

*Б.П. Нарумова.*

Т. де Мауро решительно выступает против излишнего «доверия к языку», и в вопросе о сути языкового значения присоединяется к позиции позднего Витгенштейна. (1-е изд. – 1965 г. Прим. перев.).

Казалось бы, лингвисты и философы шли разными путями. «Философы», от Платона и Аристотеля до Декарта и раннего Витгенштейна, исходили из гипотезы (порицаемой Соссюром и Кроче), что значение возможно определить само по себе, в то время как форма – всего лишь его материальный носитель, которым можно пренебречь; лингвисты же (порицаемые все теми же Кроче и Соссюром) в течение целого столетия изучали только формы, не интересуясь значением и считая его бледной тенью форм. В действительности же... и те, и другие шли одинаковым путем, бесконечно кружа в тщетной попытке понять значение без знака и знак без значения. Витгенштейн, усвоив идеи, имплицитно следовавшие из философского подхода одних и лингвистических исследований других, сделал эксплицитный вывод в духе семантического скептицизма: человек говорит, но не в состоянии общаться с другими людьми. ...Кроче и Соссюр... с самого начала смело выбрали новое направление, и... тем не менее, оба они... неизбежно пришли к одному и тому же – к невозможности коммуникации.

Возникает впечатление, что все, кто действует в рамках многовековой и высокоразвитой культуры, будь то конформисты или мятежники, все они вынуждены признать правоту мистиков, литераторов и философов, которые от Кьеркегора до Хайдеггера теоретизировали по поводу некоммуникабельности как нормального, прямо-таки физиологического свойства человека. (С. 29–30)

И хотя противники последних не желают открыто признать их правоту, сами они не в состоянии связным и рациональным образом объяснить, как определенные языковые формы могут иметь общее для многих людей значение, и, следовательно, как возможно человеческое общение.

...Если подобный вывод покажется абсурдным, если невозможно оспорить столь обыденный и основополагающий факт, как человеческое общение, тогда придется заняться поиском ошибки, общей самым разным направлениям.

Эта ошибка... проистекает из «прегрешения от избытка усердия», из того чрезмерного, ошибочного и едва скрываемого доверия, которое логики и лингвисты, философы и грамматисты испытывают по отношению

к семантическим свойствам языковых форм и языка в целом. (С. 30–31)

...В действительности формы языка вовсе не наделены какими-либо внутренними семантическими свойствами – они всего лишь более или менее хитроумные орудия, приспособления, лишённые жизненности и ценности, если не находятся во владении человека и исторической общности людей, которые ими пользуются. Иными словами, ошибка кроется в утверждении и вере в то, что слова и предложения что-то означивают; означивают только люди, используя слова и предложения.

Не в самих языковых формах, а в обществе, которое ими пользуется, следует искать гарантию успешной означивающей и коммуникативной деятельности. (С. 31)

<Существует нечто столь элементарное и несомненное, нечто столь очевидное, что, кажется, это невозможно отрицать, поскольку оно элементарнее, проще и существеннее, чем само тождество. Это «нечто» – однозначность слова.>

Совершенно очевидно... что однозначность слова, его семантическая тождественность гарантируется связью с вещью. (С. 42)

<язык – зеркало; предложение – картина>

<Гоббс: veritas in dictu, non in re> <эмпирики против логицизма>

→ вербализм в науке и логицизм в грамматике

Вся новая культура в целом выступала против вербализма и логицизма, все чаще обращаясь к историческому своеобразием языков и тем вытесняя идею, что язык – это простое, непосредственное, пассивное отражение заранее данного мира понятий и вещей. Плоды этого нового взгляда на язык и языки представлены в зрелом виде в трудах Бэкона, Локка, Вико и Лейбница.

<о Локке:> познание вещей, если оно стремится к универсальной значимости, обязательно должно отрываться от слов конкретного языка.

<Вико:> языковая история – основа функционирования проблем в области истории идей, религий, юриспруденции.

<Лейбниц:> каждый язык избирает собственный способ равновесия между высокоупотребительными общими терминами с широким и обобщенным смыслом и специальными терминами, менее употребительными, но имеющими определенный и конкретный смысл.

<Декарт и Пор-Рояль – поддержка аристотелизма:> языковые и особенно синтаксические формы и категории непосредственно связаны с понятиями и категориями логического, универсального характера.

<Декарт мог спокойно заявить, что знание значения слов абсолютно нерелевантно для поиска истоков любого достоверного знания, поскольку рассматривал это значение как «простейшее», т.е. совершенно прозрачное

для разума.>

<Со своей стороны, философскую филиацию научного языкознания XVIII века предали забвению и философы; в частности, забыли Лейбница.> (С. 48)

Когда же в недавнее время идеи Локка, Вико и Лейбница – идеи о взаимосвязи между семантическими системами и синтаксическими структурами, с одной стороны, и культурой и этносом, с другой – снова оказались в чести, о них уже заговорили, как о «гипотезе Сепира – Уорфа» или «идеях Гумбольдта». (С. 57)

Лень и небрежность философов и лингвистов привели к тому, что к концу XIX в. в европейской культуре полностью было восстановлено господство аристотелевских идей. А поскольку именно в этот период школьное образование на Западе получило невиданное ранее развитие, эти идеи проникли в культуру средних и низших социальных слоев, в тот бескрайний подлесок, где господствует «здравый смысл», и превратилось в лингвистические представления «широкой публики». (С. 72)

### *Лингвисты как философы*

Вильгельм фон Гумбольдт, выдающийся ученый и политик, антрополог, философствующий лингвист. Неокантианец. Исследовал индоевропейские языки, баскский, языки американских индейцев и полинезийцев. Родоначальник сравнительно-исторического языкознания.

В 1836 г. опубликован его основной труд «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» (через год после смерти автора).

«Язык следует рассматривать, по моему глубокому убеждению, как непосредственно заложенный в человеке, ибо сознательным творением рассудка язык объяснить невозможно. Мы ничего не достигнем, если при этом отодвинем создание языка на многие тысячелетия назад. Язык невозможно было бы придумать, если бы его тип не был уже заложен в человеческом рассудке. Чтобы человек мог постичь хотя бы одно слово не просто как чувственное побуждение, а как членораздельный звук, обозначающий понятие, весь язык полностью и во всех взаимосвязях уже должен быть заложен в нем. В языке нет ничего единичного, каждый его отдельный элемент проявляет себя лишь как часть целого. Каким бы естественным ни казалось предположение о постепенном образовании языков, они могли возникнуть лишь сразу». (*В. Гумбольдт. Избранные*

труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 313–314).

Основные постулаты гумбольдтианства.

1. Языковая способность и ее реализация – фундаментальная характеристика человека. Язык определяет мышление человека и процесс познания в целом, а через него – культуру и общественное поведение людей, мировоззрение и картину мира.

2. Люди, говорящие на разных языках, познают мир по-разному, а потому являются носителями различной культуры и различного общественного поведения.

3. Язык не только обуславливает, но и ограничивает познавательные возможности человека.

4. От различия языков зависит не только разница в содержании, но и в логике мышления.

**Фердинанд де Соссюр**, швейцарский (женеvский) лингвист, начал деятельность по внутренней реконструкции языка как системы, начиная с фонетики (индоевропейская система гласных).

<Последователи Соссюра – Ш. Балли, А. Сешез, А. Ридлингер – использовав (через год после кончины де Соссюра, в 1913 г.) конспекты курсов по общему языкознанию, прочитанных Соссюром в Женеве в 1906–1907, 1908–1909 и 1910–1911 гг., составили единый текст «Курса общей лингвистики»>.

Основные проблемы «Курса» формулировались еще предшественниками Соссюра, представителями Казанской лингвистической школы: И.А. Бодуэном де Куртенэ, Н. Крушевским и др. Это системный характер языка, проблема знака и значения, синхрония и диахрония языка, дилемма язык/речь (точнее, у Соссюра была трилемма: *langue, language, parole*. Наука о «речи» не была им создана; понадобился Дж. Остин и его «теория речевых актов»).

<Витольд Дорошеvски: со слов Л. Кайля: Соссюр следил за полемикой в социологии между Э. Дюркгеймом (социальный факт и принуждение) и Ж. Тардом (индивид) → дилемма язык/речь>.

<Язык – система; ее образуют языковые единицы, но их невозможно определить положительно, поскольку они чисто дифференциальные и негативные сущности. «В языке нет ничего, кроме различий. ...Имеются только различия, без положительных членов системы...»>. (Вспоминается Деррида со своим “*differance*”)

<Синхроническое описание языка может быть, в отличие от точки зрения младограмматиков, столь же объективным, последовательным и научным, как и диахроническое описание его>. Синхроническое описание демонстрирует *таксис*: связь языковых знаков со своими значениями

в данный момент.

«Объект вовсе не предопределяет точки зрения; напротив, можно сказать, что точка зрения создает самый объект...» (Saussure, 1922)

После Соссюра лингвист не может более ограничиваться накоплением конкретных фактов. Соссюр поставил вопрос о самом существовании и сущности «конкретного языкового факта».

Соссюр: Прежде всего, имеется поверхностная точка зрения широкой публики, видящей в языке лишь номенклатуру... Для многих людей язык по своей основной сути представляется... перечнем членов, соответствующих такому же количеству вещей. Такое представление может быть подвергнуто критике во многих отношениях ... оно позволяет предположить, что связь, соединяющая имя с вещью, есть нечто совершенно простое, что весьма далеко от истины. (Saussure F. de. Cours de linguistique generale. Paris, 1922. P. 34, 97)

Мартине: Согласно одной довольно наивной, но широко распространенной концепции, всякий язык представляет собой перечень слов, т.е. звуковых (или графических) образований, каждое из которых чему-то соответствует; ...изучать новый язык – значит попросту зазубрить новую номенклатуру, во всех отношениях параллельную уже известной... Представление о языке как о своеобразном перечне основывается на элементарнейшей идее, что весь окружающий нас мир представляет собой нечто априорно расчлененное на категории весьма различных объектов, каждому из которых с необходимостью свойственно соответствующее обозначение в любом языке. (Martinet A. Elements de linguistique generale. Paris, 1960. P. 14–15)

Основные постулаты соссюрианства в целом таковы.

1. Язык – системно-структурное образование, все элементы которого взаимосвязаны в иерархо-многополярную схему синтагматики и парадигматики.

2. Язык – система знаков особого рода, включающаяся на особых правах в более общую область – знаково-символических систем, функционирующих в обществе и культуре.

3. Язык отличается от языковой (производящей) способности и от речи.

4. Синхроническое описание языка имеет преимущество перед диахроническим.

5. Диахроническое описание необходимо, чтобы передать динамику (языковые изменения).

6. Оба вида описания должны стремиться к максимальной точности.

\*

В настоящее время можно констатировать существование как минимум шести серьезных лингвистических направлений, уходящих корнями в XIX в., которые обладают хорошей философской базой, в основном кантианской, и чьи исследования котируются среди философов.

Основные, философски-определенные, общепризнанные направления современного языкознания таковы.

*Неогумбольдтианство* (сюда отчасти принадлежит гипотеза Сепира-Уорфа). Метафизический отрыв языка от мышления и от общества. Абсолютизация активности языка. Субъективный идеализм (позитивизм).

*Соссюрианство*. Признается примат отношений над вещью. Принцип имманентности языка. Релятивизм. Языковой знак – единство означающего и означаемого.

*Глоссемантика* (датчане: Л. Ельмслев, Х. Ульдалль, В. Брендаль). Неопозитивистская методология. Дистрибутивный анализ синтагматических связей языковой единицы. Призван обеспечить полное раскрытие ее качественной определенности. Язык – «парадигматика, манифестируемая любым материалом». Означаемое и означающее – «два функтива».

(Амер.) *Дескриптивная лингвистика* (перекликается с глоссемантикой). Л. Блумфильд, Э. Сепир. Ориентация на позитивистский тезис: статусом существования обладает лишь непосредственно наблюдаемое. Отсюда: теория речевых актов, бихевиоризм и др.

(Амер.) *Социолингвистика*. Язык рассматривается с точки зрения его функционирования в социальном контексте. У. Лабов.

*Хомскианство*. Метафизически-механистическое понимание языка+ принцип имманентности. Не учитывает противоречивые свойства языка, его историзм; дилемму язык/речь и пр.

*Марксистское языкознание*. Диалектический материализм. Язык – непосредственная действительность мысли, он имеет общественную природу и вместе с трудом является фактором возникновения сознания.

## **Тема VII. СЕМИОТИКА КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ МЕТОД СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ**

- 1. Семиотика и ее основные проблемы.**
- 2. Семиотика в роли метода социально-гуманитарного познания.**

### **1. Семиотика и ее основные проблемы**

Главная семиотическая идея родилась задолго до самой семиотики.

Еще в «Мемфисском богословском трактате» были объединены в триаду творящее слово (имя), мысль и мир. Сегодня эта триада называется по имени Готтлоба Фреге либо английских семантиков Огдена и Ричардса. В действительности семантический треугольник – символ единства материального и идеального, а местом встречи является языковой знак.

Семиотика – теория символов и знаков – «официально» зародилась в XIX в. благодаря идеям основоположника структурной лингвистики Фердинанда де Соссюра, включившего науку о языке в теорию знаков, и усилиям американского логика и философа Чарльза Сандерса Пирса. Поэтому до сих пор мы имеем два ввода в семиотику: «от лингвистики», когда знак понимается в качестве элементарной единицы *системы*, и «от логики», когда знак понимается онтически, в качестве самостоятельной довлеющей *сущности*. Отсюда определения: семиотика – 1) наука о любых объектах, несущих смысл; 2) наука об объектах, включенных в коммуникацию. Естественно, корни семиотики, ее основа, ее главная проблематика, – и это верно для любой европейской науки, – **философские**.

В отечественной гуманитаристике (humanities) исследования по семиотике появились примерно в середине XX века, первоначально в философии (Л.В. Резников, Ленинград, 1964, Л.В. Абрамян, Ереван, 1965) а затем в лингвистике (А.Г. Волков, Москва, 1966). Широкую известность получила Тартуская школа, руководимая Ю.М. Лотманом; близки к ней были исследования Московской школы. Петербургские научные труды посвящались в основном литературоведению, московские (вплоть до реорганизации Института Языкознания в связи с эмиграцией известного структуралиста С. Шаумяна) – лингвистике. Собственные центры семиотических исследований появились в Екатеринбурге и Казани. При всех различиях релятивистского и субстанционального подходов, они сохраняли основной семиотический постулат: естественный разговорный человеческий язык является системой знаков *suī generis*, и он занимает *центральное* место, это *cor cordium* всех прочих знаково-символических систем. Все другие коды – машинные, информационно-логические, культурные тексты и сами формы культуры, схемы и карты, эмблемы, фалеры и гербы, генетическая информация, жесты и сигналы животных и пр. – это «тоже языки», находящиеся либо ниже (биологические коды), либо «выше» естественного языка (технические коды). По причине такой важной роли своего объекта и **лингвосемиотика** занимает центральное место среди других ветвей – семиотики технической, семиотики литературы, семиотики культуры и искусства. Язык при этом понимается в трех измерениях: синтаксическом, семантическом и прагматическом, на что указал еще Соссюр.

Связная совокупность языковых высказываний есть *текст*, а такое «расширение» текста *on line* (линейного), при котором выявляется его парадигматический (*off line*) аспект, есть *дискурс*. (См. об этом: Ю.С. Степанов. Вводная статья к: Семиотика. Антология /

Сост. Ю.С. Степанов. 2-е изд-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001, с. 36 и далее.).

Надо еще раз подчеркнуть, что специальные науки о языке отделились от философии относительно недавно. Не надо забывать, что «фило-логия» есть любовь к Логосу-Слову, а Логос – это, во-первых, мысль, во-вторых, речение, а в-третьих – закон, миропорядок прекрасного Космоса<sup>45</sup>.

В контексте любой сложной философской системы содержатся семиотические идеи, но, как правило, до XIX в. они не выделялись в самостоятельную область исследования и соответствующую научную теорию. Исторически первой европейской формой семиотики была лингвосемиотическая концепция естественного языка, развивавшаяся философами античного мира.

К числу специфических характеристик этой эпохи, определявших содержание основных философских концепций, относится слабое развитие техники, а отсюда плохие возможности и даже нежелание постановки экспериментов и моделирования. (Хотя слово *technē* греческого происхождения, оно означало не технику в нашем понимании, а искусство). По этой причине основными методами научного исследования были наблюдение, гипотеза, дедукция, аналогия. Наблюдение над языком – основной источник семиотических идей древних греков.

В качестве центральной знаковой системы эллинами изучалась речь. Философия рассматривала ее знаки – слова и высказывания – как действительную, творящую силу, проявление высшего существа. О связи речи и “всеобщего” вот что писал, например, Гераклит: «[Все] желающие говорить разумно должны опираться на это всеобщее, подобно тому... как государство [зиждется] на законе... Ибо последний господствует насколько ему угодно, довлеет всему и все побеждает»<sup>46</sup>. Этот правящий миром закон и есть «логос», и люди имеют с ним постоянное общение.

93. Плутарх de Pyth. Or. 18 p. 404 Δ. Государь, чей оракул находится в Дельфах, не говорит и не скрывает, но знаками указывает<sup>47</sup>.

Базовые две семиотические идеи были высказаны, как известно, Аристотелем: 1) о том, что язык условен: «[Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком»; 2) о том, что слово – центральная знаковая

<sup>45</sup> Автоотсылка. Дальнейшее изложено по: Философские вопросы семиотики. – Казань: КГУ, 1993; КГЭУ, 2003.

<sup>46</sup> Цит. по: Асмус В.Ф. Античная философия. –М., 1976. –С. 41.

<sup>47</sup> Фрагменты Гераклита // Материалисты Древней Греции / Пер. М.А. Дынника. – М., 1955. – С. 50.

единица: «Отдельный... слог [слова]... не означает что-либо, точно так же, как “ышь” в слове “мышь” ничего не означает, а есть один только звук».

Философ считал, что, при всем разнообразии знаков, мысль, логика едины у всех народов, един мир, едины основы бытия и познания: «То, что в звукосочетаниях, – это знаки представлений в душе, а письма – знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письма не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. *Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же предметы, подобия которых суть представления* (выделено мною. – Э.Т.)». (Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М., 1976. Т.2. Об истолковании, С. 95)

Это совершенно ясная формулировка семиотической ситуации и ее символа – семантического «треугольника».

Но и до Аристотеля семиотические сюжеты обсуждались его великими предшественниками.

Один из самых сложных для комментария и интерпретации диалогов Платона – «Кратил». Академический комментарий А.Ф. Лосева специально выстроен под углом зрения того, как именно зрело и совершенствовалось учение Платона об идеях, а не о знаках, а содержащийся в нем обширный этимологический, можно сказать лингвосемиотический, материал вызывает у исследователя желание развести руками: эти «смехотворные, совершенно фантастические, умопомрачительные», восторженно и воодушевленно проводимые этимологии (выражения А.Ф. Лосева) способны привести в состояние шока современного филолога.

Однако если встать на другую точку зрения, семиологическую, то «Кратил» становится ясным и доступным.

В целом в нем можно усмотреть, по меньшей мере, четыре важнейших для семиотики и вообще для эпистемологии выводы, которые еще недостаточно освещены в отечественной литературе: 1) анализ диалектики условности и мотивированности, обусловленности языкового знака; 2) утверждение о том, что отражение (изображение), в том числе и мысленное, имеет разной степени сходство с объектом, но никогда не может и, главное, не должно сравниться с ним; отсюда разворачивается диалектика образа и знака; 3) рассуждение о главных функциях языка и знака, диалектика коммуникативной и познавательной, номинативной и модальной функций; 4) это вполне современно проведенное представление знаков как эвристических орудий мысли, фиксирующих и выражающих главнейшие состояния и законы природы и общественной жизни: движение и покой.

Устами Сократа Платон напоминает о диалектической концепции Гераклита – концепции вечного становления, с которой он был знаком через софиста Калликла (на это указывает, со ссылкой на Аристотеля, А.Ф. Лосев). С не меньшей симпатией

Платон относился к элейцу Пармениду, посвятив ему одно из самых глубоких сочинений по диалектике, хотя то «Единое», которому посвящен «Парменид», имеет очень мало общего с неподвижным, непознаваемым и немислимым «Единым» элейцев. Платон был близок и к пифагорейским оценкам такого символа, как число. Поэтому знак языка у Платона диалектически сложен; с одной точки зрения, он воплощает существенные стороны становления: «Мы говорили, что имена обозначают сущность вещей так, как если бы все сущее шествовало, несло и текло» (436е, с. 486); с другой – существенные стороны неподвижности: «Пожалуй, наиболее правильными мы сочтем имена, установленные для того, что существует вечно, для истонного» (397в, с. 433). И еще: «Но можно ли... что-либо правильно именовать, если оно всегда ускользает, и можно ли было бы сначала сказать, что оно представляет собою то-то, а затем, что оно уже такое-то?... Разве могло бы быть чем-то то, что никогда не задерживается на одном состоянии?» (439е, д, с. 488).

Другая дилемма: с одной стороны, знак произволен: «Если тебе угодно обратиться к числу, – откуда, думаешь ты, взять имена, подобающие каждому из чисел, если ты не допустишь, что условие и договор имеют значение для правильности имен?» (435с, с. 494). Или же: «Ведь ясно, что первый учредитель имен устанавливал их в соответствии с тем, как он постигал вещи?... Значит, если он постигал их неверно, а установил имена в соответствии с тем, как он их постигал, то что ожидает нас, доверившихся ему и за ним последовавших? Что, кроме заблуждения?» (436б, с. 485). С другой стороны, с самого начала диалога Сократ определенно и даже резко заявляет, что прав Кратил, утверждавший, что имена у вещей от природы, в не Гермоген, считавший, что нет иной правильности имен, кроме произвольного установления. «Тогда как же? Например, если то, что мы теперь называем человеком, я стану именовать лошастью, а то, что теперь лошадью – человеком, значит, для всех человеку будет имя «человек» и только для меня – «лошадь», и наоборот?» (385а, с. 417).

Интереснейшие идеи высказывает Платон о видах и степенях сходства знака и обозначаемого. Он исходит из следующего синтеза рассмотренной антитезы конвенционального и обусловленного природой вещи в языковом знаке: имена дают вещам лишь специалисты в своем роде, номотетики, которые действуют по сравнению с другими людьми, разумеется, свободно и безусловно, но вместе с тем добросовестность ученых строжайше приковывает их к природе вещи, заставляя сообразовываться с ней, а выдающийся ум позволяет сделать это. Поэтому в итоге произвольного действия тех, кто дал первые имена (Кратил считал, что это боги. – Э.Т.), сами эти имена стали образами, изображениями и выражениями вещей, подобиями их. (Сократ, кстати, вольнодумно вопрошал: «Ты ведь не хочешь, чтобы... мы... отделились от нашего предмета, сказав, что первые имена установили боги и потому они правильны?...» (425е, с. 471)). Полнота и тождественность изображения зависят от совести и разума номотетиков, первых присвоителей имен. Правда, один законодатель – мастер имен может оказаться хорошим, другой – плохим, так что и среди имен одни будут сделаны хорошо, другие – плохо: «Если отражены все подобающие черты – прекрасно, если же малая часть их – то плохо... Или уж поищи тогда какой-нибудь

другой способ правильности и не соглашайся, что имя есть выражение вещи с помощью букв и слогов» (433в. с. 480–481).

(В другом диалоге, «Филеб», описывается создание алфавита, показано искусство номотетиков в действии. Ниже мы вернемся к оценке этой деятельности).

Итак, конечная цель обозначения – подобие вещам. «Знаешь ли ты иной, лучший способ создать... выражения, нежели сделать их возможно более тождественными тому, что они должны выразить?» (433е, с. 481). Знаки языка, и не только имена, но и звуки, и слоги, и буквы изображают природные свойства вещей, ибо подобны им. Однако нельзя ли обозначить, не изображая, и всегда ли выражение есть подобие? И как далеко заходит отождествление? И единственный ли способ познания – через знаковые (языковые) выражения? «Хорошо ли говорить, что выражение состоит в подобии, а не в привычке? Ведь по привычке, видимо, можно выражать вещи как с помощью подобного, так и с помощью неподобного» (435в, с. 484). Так намечается узаконенное и повсеместно признанное впоследствии деление знаков на «иконические» (εικον – образ, изображение), т.е. имеющие картинное сходство с обозначаемым, и условные, не имеющие его и выбранные произвольно.

Очень важна мысль Платона о том, что изображение как знак вещи, хотя и стремится к тождественности, не может быть буквальным ее копированием. А.Ф. Лосев считает, что в этом сказывается принципиальная новизна Платона по сравнению со старой натурфилософией, еще не порвавшей с мифологической значимостью имени (Комментарий к «Кратилу», с. 613–614).

«Да ведь смешные вещи, Кратил, творились бы с именами и вещами, которым принадлежат эти имена, если бы они были во всем друг другу тождественны. Тогда все бы словно раздвоилось, и никто не мог бы сказать, где он сам, а где его имя» (432д, с. 480).

Тезис этот известнее, чем его аргументация, а она оригинальна и представляет собой великолепное изложение диалектики прерывности и непрерывности в интересующем нас отношении. «Если к десяти или любому другому числу что-то прибавить или отнять, тотчас получится другое число. Но у изображения чего-то определенного и вообще у всякого изображения совсем не такая правильность, но, напротив, вовсе не нужно воссоздавать все черты, присущие предмету, чтобы получить образ» (432в, с. 479). И далее: «Так что видишь, друг мой, нужно искать какой-то иной правильности изображений... и не следует настаивать на том, что если чего-то недостает или что-то есть в избытке, то это уже не изображение» (433д, с. 480). «И не настаивай на том, что имя должно иметь лишь такие звуки, которые делали бы его полностью тождественным вещи, которой оно присвоено. Допусти, что и какая-то неподходящая буква может быть тут добавлена. А если может быть добавлена буква, то и имя – в высказывании, если же имя, то и не подобающее вещам выражение может встретиться в речи, но от этого ничуть не хуже можно называть вещи и рассуждать о них, пока сохраняется основной облик вещи, о которой идет речь» (432е, с. 480). Как видим, здесь говорится о степенях приближения к объекту, а степени имеет только

качество (Гегель). Значит, сходство – качественная, а не количественная характеристика, и оно должно обязательно использоваться, когда говорится об изображении.

Эвристическая роль знаков также подробно обсуждается. «**Кратил:** Мне кажется, Сократ, они учат. И это очень просто: кто знает имена, тот знает и вещи. – **Сократ:** Наверное, Кратил, ты имеешь в виду что-то в таком роде: когда кто-то знает имя, каково оно, – а оно таково же, как вещь, – то он будет знать и вещь, если только она оказывается подобной имени» (435д,е). Однако опять мешает проблема «самых первых» имен: откуда знал учредитель (или законодатель), что данное им вещи имя есть действительно ее подобие, если первоначально он не постиг, какова сущность самой вещи? Если мы знаем вещи лишь из имен, то непонятна самоуверенность законодателя, еще не знавшего сущности безымянной до этого вещи, но тем не менее обозначившего ее в согласии с ее природой. (Разве что он был богом?)

Здесь подняты совершенно современно звучащие проблемы полноты научной теории и особого характера «базисных», первых оснований в виде понятий, выходящих за рамки данного языка и в нем невыводимых. «Но по каким именам он изучил или исследовал вещи, если еще ни одно имя не было присвоено? Мы ведь говорили раньше, что невозможно исследовать вещи иначе, как изучив имена или исследовав их значение?» (438в, с. 487). Может быть, можно исследовать вещи не только по их именам?

Платон выступил против гипостазирования роли знаков и символов в познании, свойственного многим позднейшим эпохам. Высказывание Платона реалистичнее, чем слова его талантливой комментатора и самобытного мыслителя А.Ф. Лосева: «Ведь всякий реальный предмет, поскольку он мыслится и воспринимается нами как непосредственно и самостоятельно сущий, есть, сказали мы, символ. Это дерево, растущее перед моим окном, есть как раз то самое, что оно обозначает: он и есть дерево, и обозначает дерево...»<sup>48</sup>. Такой «пансимволизм» совершенно чужд Платону. Платон близко подходил к человеческому познанию как изучению вещей из них самих. «Ясно, что нужно искать помимо имен то, что без их посредства выявило бы для нас, какие из них истинны, то есть показывают истину вещей» (438е, с. 488).

Его рассуждения удивительно тонки: «...Было бы всего справедливее: установить родство между словами и изучать одно через другое, а также через самое себя... Ведь что-то другое, от них отличное, и означало бы что-то другое и отличное от них, но не их» (439а, с. 488). «А если можно было бы с успехом изучать вещи из имен, но можно было бы и из них самих – какое изучение было бы лучше и достовернее? По изображению ли изучать самое изображение, хорошо ли оно изображает (предмет),

---

<sup>48</sup> Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М., 1990. – С. 569.

а также истину, которую оно отображает, или из самой истины изучать и ее самое, и ее отображение; подобающим ли образом оно сделано?» (439а, с. 488–489). Ответ Кратила: кажется, это надо изучать из самой истины; истина, стало быть, не в знаке обитает; она только отображается им. (Истина обитает в вещи! Это не Платон, а Хайдеггер! Во всяком случае, лучший источник знания – вещь. – Э.Т.) «Так вот, узнать, каким образом следует изучать и исследовать вещи, это, вероятно, выше моих и твоих сил. Но хорошо согласиться и в том, что не из имен нужно изучать и исследовать вещи, но гораздо скорее из них самих» (439в, с. 489).

В «Кратиле» обнаруживаются различия между позднее установленными коммуникативной, когнитивной и модальной функциями языка. Платон пишет о взаимном понимании людей, употребляющих звучащие слова, фонемы и слоги, которые обладают собственным смыслом и значением. Эти языковые знаки субстанционально не имеют ничего общего со своими референтами – вещами, но в то же время выразительно отражают их «смысловым образом»: «Мы не ошибемся, сказав, что Платон здесь имеет в виду наше понятие **коммуникативной** функции слова», – говорит в комментарии к «Кратилу» А.Ф. Лосев (с. 603).

Когнитивная же функция есть проявление того, что имя – это органон, орудие мысли; недаром Платон сравнивает его с (цельными и нерасколотыми) буравами и челноками в ремеслах. Имя выражает сущность, но таким способом, что в нем присутствует та или иная интерпретация вещи субъектом, так, что мы рассматриваем вещи с той или иной стороны. Имя не есть абсолютное совпадение с эйдосом вещи, т.е. идеальная сущность – одно, а наша интерпретация – другое; это более-менее близкое и достоверное подражание образцу.

Платон называл такие интерпретированные согласования или отображения **диакритическим** актом (388с), имея в виду, что человеческое слово нацелено на различение в идеальных сущностях тех или иных сторон. Он использовал также термин *mimēsis* – подражание (принятый и Аристотелем), чтобы обозначить им воспроизведение *eidos*'а в некоторых вполне реальных и объективных аспектах. В связи с этим А.Ф. Лосев замечает, что Платон должен был бы употребить в этом случае термин «**сигнификативный акт**» (с. 602). С этим можно согласиться и не согласиться, потому что собственный термин «диакритический акт» глубже раскрывает тот факт, что знаки аналитичны, они детализируют знание, описывая элементы обозначаемого.

Языковые знаки у Платона несут экспрессивный заряд, они эмоционально нагружены; эта сфера символизации охватывается, как я думаю, термином «**модальная функция**». Важно, что эта выразительность языковых знаков не просто наглядна (подражать голосам животных не значит именовать эти голоса), но и не абстрактна, как допустим, у цифр (или звуков; например, «р» указывает на резкое движение или раскат, «л» – на скольжение и пр.). Не любое подражание есть имя; это не то, «какое бывает тогда, когда мы подражаем вещам с помощью голоса; далее, и не такое, какое бывает, когда мы подражаем тому же в вещах, чему подражает музыка; мне не кажется, что тогда мы даем имя. А утверждаю я вот что: ведь у каждой вещи есть звучание, очертания, а у многих и цвет? **Гермоген:** Разумеется. **Сократ:** Искусство

наименования, видимо, связано не с таким подражанием, когда кто-то подражает этим свойствам вещей. Это дело, с одной стороны, музыки, а с другой – живописи...» (423д, 423е, с. 488). Далее следует его суждение первостепенной важности: именование есть подражание не указанным свойствам, а сущности вещи. Но это не все. Богатство разворачивающейся мысли составляют следующие вопросы: «Во-первых, у самого цвета или звука нет разве какой-то сущности? Да и у всего другого, что только заслуживает наименования бытия?» (423е).

Это одно из самых сложных мест «Кратила». Интересно, что после этого «во-первых» нет никакого «во-вторых», нет следствия из ответа Гермогена: «Я полагаю» (т.е. что у цвета и звука есть также **сущность**). Непонятно, почему бы присвоителю имен не дать их (имена) и сущности вещи, и сущности цвета, и звука... Позвольте, это ведь было сделано, ибо мы имеем имена «цвет» и «звук»!

Но можно ли правильно именовать сущность, если она будет всегда ускользать и меняться? Ведь в таком случае она не могла бы быть никем познана, говорит Сократ. Никакое познание не познает того, о чем известно, что оно вечно меняется. «Если же оно вечно меняется, то оно вечно – незнание» (440в, с. 490). Это одна из заключительных максим Сократа, говорившего: «Имена обозначают сущность вещей так, как если бы все сущее шествовало, несло и текло» (436е). Примирительно звучит такой тезис: «Я думаю, что если бы кто-нибудь как следует постарался, он смог бы найти много других имен, которые бы показывали, что присвоитель имен обозначал не идущие или несущиеся, но пребывающие в покое вещи» (437с). А дальше? «Что же из того, Кратил? Подсчитаем имена, словно камешки при голосовании, и в этом-то и будет состоять правильность? С каким значением окажется больше имен, те имена и будут истинными?» (437д). Диалог заканчивается истинно сократовским: «Дело обстоит, может быть, так, а может быть, и не так. Следовательно, здесь надо все мужественно и хорошо исследовать и ничего не надо легко принимать на веру» (440д, с. 490–491).

Итак, заслуги Платона в истории семиотики несомненны, хотя и менее известны, чем идеи Аристотеля. Поразительное богатство мысли Платона должно и с позиций семиотики быть оценено более широко в целом.

Аристотель, решительно и без колебаний объявив все знаки лишь условными, теряет, кажется, по сравнению с Платоном. С другой стороны, его анализ разных видов знаков строже, чем в «Кратиле»: «Итак, глаголы, высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают... однако они еще не указывают, есть ли [предмет] или нет, ибо “быть” или “не быть” не обозначения предмета...» (с. 95) «Речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, но не как утверждение или отрицание... Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а, как было сказано, в силу соглашения» (там же).

Предельно сложной для понимания является небольшая работа «Категории» – это как бы каноника Аристотеля. (Аристотель. Сочинения. Т.2)

Эта работа открывается лингвистическим пассажем: Стагирит вводит понятия «одноименный» (омонимия) «соименный» (синонимия) и «отыменный» (паронимия): «Одноименными называются те предметы, у которых только имя общее, а соответствующая этому имени речь о сущности... разная, как, например, [dzoon] означает и человека и изображение... Соименными называются те предметы, у которых и имя общее, и соответствующая этому имени речь о сущности одна и та же, как, например, «живое существо» [dzoon] – это и человек и бык... Наконец, отыменными называются предметы, которые получили наименования от чего-то в соответствии с его именем, отличаясь при этом окончанием слова, как, например, от «грамматики» – «грамматик», от «мужества» – «мужественный». (с. 53) Здесь заметна огромная роль данного труда Аристотеля для лингвистики и лингвосемиотики.

Кроме того, в трактате «О софистических опровержениях» также подробно анализируются явления омонимии, амфиболии – двусмысленности, дизреза – двусмысленности союза «и» и т.д.; без этих знаний невозможен никакой филологический анализ. И.С. Нарский указывал, что проблема семантических антиномий «вырастает» из данного трактата; этому способствовало распространение в средние века логических сочинений о неразрешимых предложениях, стимулированное анализом эвбулидова парадокса «Лжец», начатым Аристотелем в работе «О софистических опровержениях». Никакой логико-семиотический анализ невозможен без знаний о том, что в пределах подчиненных друг другу родов видовые отличия бывают одни и те же, у вещей же, подчиненных десяти высшим независимым родам-категориям, – различны и их видовые отличия; что из всего, что высказывается, только категории высказываются «без связи», независимым образом; что все, что говорится о сказуемом, говорится и о подлежащем (в логическом смысле, буквально «подлежащем») и применимо к нему.

Далее в «Категориях» Аристотель трактует о *сущности* (первого и второго порядка), каковая *обозначается* либо собственным, либо родовым *именем*. «Имя есть такое звукосочетание с условленным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает... [Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки, хотя и выражает что-то, как например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя».

В работе «Об истолковании» же сюда присоединяется и *глагол*.

Глагол в каком-то абсолютном смысле тоже есть имя:

«Итак, глаголы, высказанные сами по себе, суть имена и что-то обозначают... однако они еще не указывают, есть ли [предмет] или нет...»

Но в другом месте читаем: «Глагол есть [звукосочетание],

обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином»... Это важная мысль – глагол всегда есть знак для сказанного об ином; но еще важнее, что здесь Философ говорит о глаголе как о части высказывания, т.е. о члене предложения в его функции сказуемого (это знак для сказанного о подлежащем или о том, что находится в подлежащем: с. 93, 94).

Аристотель подчеркивает, что сами по себе звукосочетания – имена и глаголы – хотя и обозначают что-то, но обозначение это не истинно и не ложно, ибо истина или ложь появляются не на уровне понятия, но на уровне рассуждения, *в мысли*, при связывании и разъединении: «Ведь и “козлоолень” что-то обозначает, но еще не истинно и не ложно, когда не прибавлен [глагол] “быть” или “не быть” – либо вообще, либо касательно времени». («Об истолковании», с. 93) Так Стагирит задает магистральное направление в исследовании проблемы истины: она – удел высказывания, а не имени и не глагола. Вне суждения и высказывания нет истины. Следовательно, и смысл вместе с истинностью появляется лишь на уровне речевого высказывания-суждения, т.е. синтагмы асерторического характера.

Прочие виды речи <”интенциональные состояния”> оставлены без внимания (так в мольбе, например, нет истинности), их должно рассматривать искусство красноречия или поэтика.

Обыденному сознанию свойственно отождествлять утвердительное суждение – «да, это так и есть» (скажем, «все женщины прекрасны», «все мужчины отважны») – с *истиной*. Между тем оно может быть и ложным. Утверждение и отрицание – формальная, истинность и ложность – содержательная оценка суждений, а также более крупных блоков знания. Указанное отождествление лежит в основе многочисленных парадоксов, например, «Женщина и крокодил»: забрав малыша, чудовище предлагает матери: он останется жив, если ты угадаешь, съем я его или не съем. Следует ответить: да, ты его съешь. Это утверждение при условии честности крокодила станет контрфактическим, то есть, строго говоря, ложным; в данном парадоксе логическое «да» в «моменте истины» совпадает с онтологическим «так не есть». Дело осложняется использованием будущего времени, относительно которого Стагирит упоминал, что оно не подчиняется двузначной логике: например, суждение/высказывание «Завтра непременно состоится морское сражение» является не истинным и не ложным, но – вероятным. Так к десятке первых категорий постепенно присоединяются необходимость и случайность.

Основа различения подлинного существования (или несуществования) объективного явления и мышления о нем – истинное или ложное, утвердительное или отрицательное экзистенциальное суждение; основа их встречи – остенсивное определение (предъявление), заменяющее в логике наилучший вид определения – реальное (через ближайший род и

видовое отличие), выстроенное в V веке комментатором «Категорий» Боэцием. На фундаменте экзистенциального суждения конструируются иные аподиктические суждения: атрибутивные (они же ассерторические, они же категорические). Это, так сказать, квазиэкзистенциальные суждения о качествах, они имеют формулу «S есть (или не есть) P», субъект есть/не есть предикат<sup>49</sup>. Все эти виды суждений объединяются в силлогизмы. Вместе с выводами из сложных суждений они, в свою очередь, строятся в речи и тексты.

«Речь есть такое смысловое звуко сочетание, части которого в отдельности что-то обозначают как сказывание, – пишет Стагирит. – Всякая речь что-то обозначает, но не как естественное орудие, а, как было сказано, в силу соглашения». («Об истолковании», с. 95)

В других трудах Аристотель, кроме абсолютно аподиктических умозаключений, вводит еще и такие, которые основаны на привлечении посторонних для силлогизма и бесконечно разнообразных по своему качеству предметов или инстанций, именуемых у него «топосами». Под топосами он понимает вообще всякое положение или даже вещи, которые обладают непосредственной очевидностью и не нуждаются в доказательстве. Трактат «Топика» имеет свой собственный, вполне оригинальный предмет, который не есть ни абсолютное бытие, ни просто иррациональная текучесть, но некое совмещение того и другого. Поэтому во взаимном общении людей имеют значение не столько абсолютные силлогизмы, сколько более или менее правдоподобные мнения: «Правдоподобие есть то, что кажется истинным... всем или большинству». (100а, 29 б, 22) Следовательно, отец логики учитывает не только строгую семантическую максимум «одно слово – одно значение», но и богатейшую языковую прагматику, что привело в наше время к возникновению теории **коммуникации**, главного слова XXI века.

Надо специально отметить, что именно Аристотелю европейская наука, культура, мировоззрение и самосознание обязаны возникновением доньше нерасторжимого концептуального комплекса «онтология-гносеология-логика-лингвистика-семиотика». Например, традиция рассматривать суждения и высказывания как синонимы сохранилась до наших дней; наиболее высокие абстракции, дальше которых мышление просто не идет, – одни и те же в логике, в любой частной науке, в теории познания и в лингвистике; а концептуальному комплексу «логика-лингвистика» неотъемлемо

<sup>49</sup> Квазиэкзистенциальные суждения могут быть вынесены и о количественных параметрах, и об отношениях (три больше двух, Ромео любит Джульетту).

принадлежит и более общая теория знаков, семиотика.

Великий ученый, чей рационализм сочетался с номинализмом, и чья диалектика была его же метафизикой, а логика – гносеологией и лингвистикой, задал на тысячи лет алгоритм разворачивания и наук о природе, и наук о духе, – гуманитарных наук, обеспечив единство знания.

Категории с самого начала выступают не только как предельные роды *бытия* и *познания*, но вместе с тем и как *языковые пределы* и границы. Вот он – семантический треугольник: бытие-понятие-имя. Имя-понятие-бытие. Знак-десигнат-денотат. Слово-мир-смысл. Знак-значение-объект...

\*\*\*

Признанный «отец-основатель» сравнительно-исторического языкознания В. фон Гумбольдт считал, что каждый язык представляет собой результат взаимодействия трех факторов: «реальной природы вещей», «субъективной природы народа» и «своеобразной природы языка». Это он же, *семантический треугольник*.

Частью нашей семиотической концепции является признание того, что знак может быть строго определен, и при этом не только как элемент системы, но и самостоятельно. Определение это будет материалистическим, субстанциональным, логико-гносеологическим. Мы не называем его просто формально-логическим, потому что в него включены категории гносеологии – «материальное» и «идеальное».

### ***Определение знака***

**Род:** представитель, презентант. (Могут существовать и идеальные презентанты, т.е. знак не исчерпывает свой род).

**Вид:** Репрезентант (знак).

**Собственные признаки:** знак материален; это фиксатор, «оцепенитель», экстериоризатор. (Эти признаки по объему совпадают с видом).

**Дефинитивный признак:** знак репрезентирует только через идеальный образ, т.е. в разной степени осмыслен.

**Акцидентальные признаки:** 1) знак – терминатор (отсекает все свойства объекта, вплоть до того, что передается лишь сущность); 2) знак – генерализатор (отсекает все свойства объекта, вплоть до того, что передается лишь общее); 3) знак – симплификатор (отсекает часть, передает часть: структуры, организации; отдельное свойство или отношение; может

передавать форму или содержание, любую его часть).

### *Описание знака*

Знак – организатор (формирует элементы сознания, разворачивает мысль линейно, придает ей пространственное воплощение); знак – медиатор (связывает члены знаковой ситуации); знак – феномен, а некоторые его разновидности – и ноумены (символы). Знак сужает, специфицирует идеальный образ, составляющий ядро смысла, до случайного признака (напр., «звездчатка»), до мельчайших деталей, функционируя как анализатор; и наоборот, сгущает, уплотняет знание или восприятие, действуя, как синтезатор: таковы символы, сигналы, симптомы.

Что есть субстанция, что под-лежит знаку? Смысл. Дефинитивный признак, по определению, должен быть для знака составляющим (а для его рода он же – разделительный). Это репрезентация через идеальное, через гносеологический образ любого рода. Говорить «идеальная репрезентация» можно лишь метафорически.

Знаковая ситуация как бессубъектная не складывается. С этим условием (или с этой оговоркой) мы можем допустить абстракцию персонализации знака в определении, т.е. говорить, что он нечто совершает: «репрезентирует» объект, «имеет» смысл, «транспортирует» значение, «хранит» информацию, «отсекает» часть содержания и т.д.

### *Определение символа*

Символ, один из главных видов знака, в символической знаковой ситуации участвует во всех возможных ролях. Предложим следующее его определение.

**Род:** репрезентант.

**Вид:** символ.

**Собственные** признаки: конвенционален; имеет искусственное происхождение; сходство с репрезентатом; самостоятельную ценность формы.

**Дефинитивный** признак: синкретичность содержания (целокупность, предельная полнота, наиболее широкий интервал содержания вплоть до притчи и мифа).

**Акцидентальные** признаки: манифестирует идею, событие, состояние или действие; в абстрактных знаковых системах идеален («символический» гносеологический образ, абстрактный объект). Свертывает, сгущает, уплотняет знание.

### *Описание символа*

Символ часто имеет нуминозное значение, легко фетишизируется в силу утраты первоначального условного смысла. Общая закономерная трансформация содержания символа – понижение и утрата таинственного, обычно религиозного значения, переход из домена «алтарь» в домен «жизнь», а затем превращение символа в бытовую вещь. В момент возникновения самого термина «сим-балло» (греч.: здесь+сбрасываю, связываю воедино) этот вещественный значок, как пароль, сигнифицировал тайную связь «знающих», посвященных людей – поклонников Цереры (Кибелы). В сферах религиозного, художественно-эстетического и этического сознания символ самое древнее средство освоения действительности; он всегда включен в систему человеческих отношений на условиях договора (хотя бы с самим собой, в случае талисмана).

Итак, символ – *вид* знака. Когда для целей освоения действительности в процессах познания, коммуникации, практической деятельности людей создается символ (а происхождение его, как правило, искусственно), то он вбирает в себя некую идею, манифестирует ее; становится ее воплощением. Символ более конкретен, чем его содержание. Многие исследователи указывают на синтетический, целокупный характер символа. Знаки других классов (например, индексы) детализируют знание, являются средством расчленения и фиксации изолированных предметов, явлений и свойств. Символы обозначают классы событий, притом таким образом, что в них в наглядной форме выражена некая абстрактная идея. Это может быть целое суждение, миф, притча. Аналитические же знаки ограничиваются выражением представления или понятия.

Именно это обстоятельство позволило, как кажется, закрепиться за знаками языка математики и логики термину «символ», а не просто «знак». Это произошло в силу особого характера полноты, присущей математическим абстракциям, и широкого интервала.

Другое специфическое отличие символа от прочих знаков было раскрыто Гегелем в его «Эстетике»: «Символ... является не просто безразличным знаком, а таким знаком, который уже в своей внешней форме заключает в себе содержание выявляемого им представления... В подобных символах чувственно наличные предметы уже в своем существовании обладают тем значением, для воплощения которых они употребляются»<sup>50</sup>. Эта черта, это специфическое отличие – сходство символа с объектом символизации. При этом гегелевскую мысль надо дополнить соображением о том, что это может быть сходство *любого рода*, которое не сводится только к подобию внешнему, зеркальной «похожести».

---

<sup>50</sup> Гегель. Соч. Т.2. М.: 1969. С. 15.

Оно может быть внешним, контурным, геометрическим; физическим, природным; функциональным; структурным, (математическим); генетическим, топологическим и др.

О том, что чувственно воспринимаемый символ внешне, контурно структурно или функционально напоминает выражаемое им содержание, пишут большинство исследователей. Действительно, материал «предметного тела» символа небезразличен.

Далее, следует упомянуть особый конвенциональный характер символа, включение его в систему общественных отношений на условиях договора (хотя бы с собой). В противном случае пониманию символа не поможет и сходство с репрезентантом. Единичный, личностный смысл символа имеет критерий – общезначимость, т.е. общественное значение.

В целом же символы – это «острова» в «море» знаков (И.С. Нарский). Эвристическая ценность их между тем несомненна: символы помогают добиться необходимой полноты и конкретности знания, они имеют научную, эстетическую и этическую ценность.

### *Иные знаки*

Не существует «прирожденных», «урожденных» знаков. Правда, в природе мы находим то, что называем признаками, в логике они позволяют сравнивать предметы, отыскивая подобие и различие; частью природы (живого организма) являются и такие виды знака, как симптомы. Но признак, как и симптом, – не знак без интерпретатора, «сам по себе» он ничего не репрезентирует. В произвольно созданном, искусственном знаке смысл присутствует «агрегатно», как сцепление, признаваемое конвенцией; в языке (и симптомах) – органически. Чем «ближе» к сигналу, тем биологически релевантнее знак, тем он органичнее; чем «ближе» к символу, тем «искусственнее», биологически инертнее.

Наиболее широкий интервал характеризует абстракции, составляющие значение символов; наиболее узкий – знаков-меток, знаков типа дорожных указателей и т.п. Что касается иконических знаков, для которых сходство с репрезентантом также обязательно, – их отличает от символов первое рассматривавшееся свойство. Символ репрезентирует идею, икона – объект или его деталь.

Еще более древний знак – сигнал. Как и выражаемые им основные эмоции, сигнал генетически «старше» человека. Он транспортирует порядок, организацию вещи, повторяющиеся связи, необходимое (биологически-релевантное необходимое). В сигнальной ситуации субъект участвует лишь как коммуникант. Сигнал существен, он не фиксирует случайного,

мимолетного, неважного для жизни.

В случае сигналов животных коррелят смысла – биологически релевантные состояния психики.

Биологические, нейрофизиологические и иные «коды» часто также именуют знаками *sui generis*; к этому подводит их упорядоченность и способность матричного моделирования. Вообще говоря, считать их знаковыми информационными системами – вид метафоры, который носит название «перенос по функции»; он допустим в качестве научного сленга. Но чтобы быть знаком, надо быть объявленным знаком. (Peirce: Nothing is a sign unless it is interpreted as a sign).

Остановимся теперь на *языковых знаках*, которые, вероятно, изучены наилучшим образом. В познании и практической деятельности первоначально они складывались стихийно, т.е. и звуковой, и «ручной» язык у людей возникли до всякой конвенциональной символики. В этом смысле знаки человеческой речи являются естественными в отличие от искусственно созданных многообразных коммуникативных систем.

Де Соссюр утверждал: «язык есть система, все элементы которой образуют целое, а значимость одного проистекает только из одновременного наличия прочих». («Курс», М.: «Прогресс», 1977, с. 447) Женевский лингвист полагал, что языковые знаки произвольны; вместе с тем они и мотивированы системой, лингвистической непрерывностью своего употребления. Точнее, языку как бы говорят: *выбирай!* Но при этом прибавляют: *ты выберешь вот этот знак, а не другой.* Только в системе знаки или грамматические категории приобретают значение.

В работах крупных лингвопсихологов XX в. обоснованно прослеживается переход от сигнальных форм поведения к знаковым. В процессе предметно-практической деятельности пра-людей происходила семантизация их поведения, которую стимулировало улучшение совместной деятельности группы. Среди врожденных форм поведения и реакций выделяются коммуникативные сигналы. Вторым шагом на данном пути была оптимизация этих сигналов в результате возросшей потребности социальной координации деятельности. Знаки-сигналы приобретали опосредованный характер.

Другим мотивом, такого перехода является когнитивное развитие: в результате генетической «оборачиваемости» сознание, являющееся производным от трудовой деятельности, однажды возникнув, активно влияет на нее, стимулирует развитие средств коммуникации, дифференциацию сигналов, отсроченное подражание, возможность обозначать не только наличную, но и прошлую, и будущую ситуации. «В антропогенезе содержание языка создало его форму, в онтогенезе,

напротив, форма предшествует содержанию»<sup>51</sup>.

Можно коротко перечислить те свойства звуковых образований, которые изначально позволили им занять центральное место среди прочих видов знаков. Они непрочно связаны с кругом инстинктивных регуляций; диапазон их велик, затраты энергии на производство относительно малы; эффект достигается на расстоянии, в темноте и проч. Самое главное – звуки могут порождаться наряду с телесной активностью, т.е. оставлять свободными от сигнальной деятельности глаза и руки; тогда эта деятельность отходит на второй план, а на первый выступает язык. Звуки произвольно повторяются, связываются в цепи и т.д., образуя оптимальную систему связи.

По указанным причинам языковые знаки являются типичным примером знаков вообще, а не просто знаками *sui generis*.

Еще две ступени, воплотившие прогресс архаического мышления – появление *систем счисления и письмо*.

В дальнейшем мы говорим уже не об архаическом, но о современном мышлении; язык из театрального описания ситуации становится тем, что он есть: универсальный коммуникатор, универсальное познавательное средство и универсальная модальность (интенциональные состояния и пр.).

### *Семиотическая ситуация*

Известно, что структура знаковой ситуации символизируется треугольником Фреге. В абстрактно-выразительных семиотических системах вида математики происходит упоминавшееся выше обобщение его путем сближения сторон: на уровне теоретического познания получаем совпадение сигнификата (объекта) и концепта (значения). Этот закон впервые был описан Ю.С. Степановым еще в 70-е гг. XX в.<sup>52</sup> Дальнейшее повышение уровня абстрагирования дает сближение остальных вершин: совпадение знака, сигнификата и концепта. Треугольник последовательно превращается в «двуугольник», а потом в «безугольник»: абстракция свертывается и становится символическим образом. В операциях с соответствующей символикой алгебраическая формула, например, есть и то, что обозначает, и то, что обозначается, и то, посредством чего происходит обозначение. Символ приобретает самостоятельное существование. Лишь

<sup>51</sup> Кликс Ф. Пробуждающееся мышление: у истоков человеческого интеллекта. – С. 110.

<sup>52</sup> Степанов Ю.С. Семиотика. – М., 1971.

в интерпретации, например, в применении математического или логического исчисления к физической теории происходит обратное развертывание треугольника Фреге.

Сложная проблема – сходство с каким реальным объектом или явлением обнаруживают, скажем, такие символы, как точка или линия? И как вообще возможно «сходство с идеей»? Как взаимодействуют признаки сходства и объектированности – видовой и родовой для *образа*, любого образа?

Гносеологические образы потому и сопоставляют со знаками, что вводит в искушение их способность презентации, представления. Но знак – не просто презентант, он «двойной презентант», он – *репрезентант*.

Некоторые авторы считают презентацию основой идеального. В таком случае *разность* объемов у этих понятий *будет наличествовать*, и к тому же у них разная *интенциональность*.

Сходство как сходство с идеей нуждается в глубоком дополнительном анализе; однако можно сразу заметить, что это вопрос не более сложный, чем вопрос о сходстве идеи с объектом, только обратный ему. Что же касается свойства объектированности такой символики, – действительно, за абстракциями, скажем, точки или линии не стоит, как указывал еще Боэций, никакого целого объекта, реальной дискретной вещи. Но существует момент «точечности», прерывности в самой объективной действительности: он и есть «оригинал» точки как образа (абстракции) и математического символа.

Знаки и символы абстрактных семиотик весьма разнородны. В целом в системе они достигают *структурно-функционального сходства* с действительностью; они конвенциональны, интересубъективны; в совокупности представляют собой колоссальную абстракцию от природы; имеют синкретический характер, качество особой полноты, богатства содержания.

Интересен сопоставительный анализ исторического развития семиотических образования и особенностей деятельности разных полушарий мозга. Ученые тартуской школы считают, что работа правого полушария соответствует анализу изобразительных знаков – иероглифов, пиктограмм, символов, икон; для левого же полушария значимыми объектами являются неизобразительные системы знаков. Однако непреодолимых противоположностей здесь нет: изобразительные и неизобразительные семиотические системы сосуществуют в любом слое науки и культуры. Языки науки содержат как алфавитные, так и иероглифические элементы.

### ***Проблема значения***

Наиболее глубокий анализ сущности, вернее, сущностей значения в философской литературе был проделан А.Ф. Лосевым. Безусловно, справедливо мнение, что связь между именем и объектом представляет собой не одно какое-то отношение, но поле, пронизанное веером отношений; переход от проявления знания на уровне *фонемы*, т.е. известного звучания человеческого голоса, организованного в членораздельные звуки, ко все более глубокой сущности включает такие ступени: *семема* (фонематическая), *этимон* (наделенный значением, выходящим за пределы звучания), *морфема* (связанный этимон, варианты смысла), *синтагма* (смысловая энергия всего предложения), *пойема* (варианты смысла, зависящие от выразительности – рифмы, размеры, расположения слов). Вся эта группа (после фонемы) объединяется на достигнутом уровне в символическую семему, или первое символическое единство слова.

Второй, потенциальный уровень символичности – полное и общее символическое единство семемы. Например, «если какое-то имя стоит в дательном падеже, это значит, что имеется какая-то высшая форма этого имени, включающая в себя все падежи вместе с дательным, содержащая потенциально высшую общность парадигмы склонения. Каждое *hic et nunc* значения слова, каждое «так-то и так-то» указывает, во-первых, на то, что возможны другие «так-то и так-то», а во-вторых, на то, что все эти «так-то и так-то» предполагают некое потенциальное единство их в общем и полном значении. Это и есть второй симболон»<sup>53</sup>.

Но читатель ошибется, если решит, что это самая глубокая сущность значения: данного уровня достигает любой учебник по общему языкознанию. Философ же предпринимает дальнейший анализ: значения (слова) самого по себе, независимо от фонемы. Это так называемый ноэматический пласт (термин «ноэма» встречается и у Э. Гуссерля, означает «мысль»). Чистая ноэма – редукция полной символической семемы, она связана с приведением многообразных вариантов смысла к одному, центральному признаку. Это уже чистая смысловая стихия, некий коррелят предмета в сфере понимания. «Чистая ноэма есть понимаемая предметность, понимание предметности, взятое как смысловой снимок с познавательных актов, необходимых для перенесения данного предмета в сферу понимания вообще». (С. 36)

Таким образом, семема – поле субъективно индивидуальных отношений к предмету, ноэма – вне-индивидуальных, общих для всех людей, входящих в языковой коллектив, отношений (понимания, интенций и т.д.). На этом уровне склонно останавливаться популярное сознание.

---

<sup>53</sup> Лосев А.Ф. Философия имени. – С. 27–32.

«Так и определяется в большинстве ходячих университетских курсов слово – как звуковой комплекс, объединенный каким-нибудь определенным значением». (С. 37) Да ведь такое определение подходит к любому предмету и процессу: лай, гром, скрипение, кашель, музыка... И трактовать без дальнейших околичностей чистую ноэму как значение слова, его последнее основание, – значит, как душевнобольной, ограничить себя самым собой, своими психическими процессами. А тайна слова состоит в том, что оно есть «орудие общения с предметами и арена интимной и сознательной встречи с их внутренней жизнью». (С. 39) Эта арена интимной и сознательной встречи – *идея*, полный сформулированный смысл, встреча адекватного понимания с адекватно понимаемым. В идее взаимоопределяются предметная сущность и *нечто иное* – не-сущее, [τὸ μὴ οὐ], – меон. «Если что-нибудь одно – сущее, то чистое «иное» будет не просто другое сущее же, но *не-сущее*, меон... *утверждение факта оформления предмета... Меон есть момент в сущем же*, не-сущее есть необходимое слагаемое жизни сущего же». (С. 42) Он не имеет никакой самостоятельной природы, это не качество, не количество, не бытие и не отношение, не покой и не движение – он есть только в связи со всем перечисленным, а именно, *иное*. Это – начало иррационального в самой рациональности, начало без-образного в образности сознания. Предметная сущность присутствует в слове не сама по себе, но в некоем своем качестве. И оформить это качество, оттенить и тем выразить его помогает меон. Идея – это максимально полное и адекватное отражение в слове предметной сущности, это сама вещь, но «данная в своем максимальном присутствии в инобытии» – и в ней достигается подобие неподобных по природе образа и объекта. «Имя вещи есть выраженная вещь. Слово вещи есть понятая вещь. Имя, слово вещи есть разумеваемая вещь, в разуме явленная вещь, вещь как разум и понятие, как сознание и следовательно, разум, понятие и сознание как вещь». (С. 47)

Эта грандиозная диалектическая конструкция выигрывает, конечно, в сравнении со схемами Фреге и даже Пирса.

Здесь мы сделаем шаг назад и утвердим, что значение ни на каком уровне проникновения в его сущность не перестает быть элементом семиозиса, не теряет формы «второго симболона» и, напротив, теряет оформляющий его из небулы в значение «меон» (феноменолог сказал бы: внешний горизонт) вне связи со своим знаком (словом и др.), оставаясь нерепрезентативным образом вещи; а стало быть, «в своем наиболее общем виде проблема значения заключается в выяснении того, каким образом мы переходим от физики к семантике». (Дж.Р. Серль). Значит,

проблема значения является онто-гносеологической, зависит от решения проблемы идеального, является ее аспектом. Соотношение между сознанием и идеальным то же, что между субъектом и предикатом.

Насколько верно понимание значения как отношения?

Представляется все же, что для семантики, наиболее абстрактной части семиотики, и тем более для теории познания значение *не есть* отношение; оно есть некоторая сущность, *сторона* отношения. Но, пожалуй, точнее высказался ранее Л.О. Резников: значение недопустимо считать ни просто свойством, ни отношением знака к объекту (или вообще любого элемента знаковой ситуации к другому элементу), так как отношение обозначения не является натуральным, естественным для предмета, становящегося знаком. «Поэтому сказать, что значение есть отношение знака к предмету, – это значит утверждать, что значение есть отношение, опосредованное... значением, т.е. допускать логическую ошибку»<sup>54</sup>.

Полагаю, что приравнивание «значения» к «отношению» вызывает путаницу. Получается, что при помощи отношения (значения) и отношения (знака как знаковой функции или как отношения между элементами кода – синтактика), мы обозначаем (т.е. соотносим) отношение (ведь понятие или другой образ есть отражение, а оно в свою очередь вид взаимодействия, т.е. тоже отношение), и отношение (объект как соотнесенный с субъектом предмет познания – семантика), и еще одно отношение (человека как носителя сознания и действительности – прагматика). И это еще не выходя за рамки материалистической гносеологии, т.е. признавая понятие образом, познание – отражением! Так и слышится характерное: «Прелесть, что за философия!» И это даже не неверно: ведь все в мире может быть представлено как отношение; но здесь, плюс к «кругу в определении», есть еще логическая ошибка слишком широкого определения.

Подобные «заходы» мысли заставляют задуматься о неуловимой, исчезающей сущности, растворяющейся в своих отношениях. И это не единственно возможная реакция на «протеизм» релятивизма. Метафизика (понимаемая по-гегелевски) рождает релятивизм; но релятивизм порождает метафизику. «Интенция» Гуссерля, истина = бытие = ничто Хайдеггера, «круг» Гадамера – тоже реакция на релятивизм, идеалистическая попытка избавиться от неопределенности и зафиксировать значение как некую невещественную *сущность*.

В целом нами принят семантический подход как *адекватный*; с этим связана и оценка значения как познавательного образа.

### *Определение значения*

---

<sup>54</sup> Резников Л.О. Гносеологические вопросы семиотики. – Л.: 1964. – С. 50.

Ранее мы дали следующее рабочее определение *значения*.

**Род:** гносеологический образ. (Значение не исчерпывает свой род: некое идеальное образование может некоторое время существовать, и не становясь значением. Интенционально оно подобно постоянному току: DC-direction of fit).

**Вид:** представитель, презентант.

**Собственные** признаки: идеально; осмысленно; структурировано как органическая система когнитивного, модального и криптокомпонента; имеет знаковое воплощение, актуальное или потенциальное.

**Дефинитивный** признак: обладает интенцией ломаной траектории, где направление совмещения меняется в зависимости от роли субъекта в семиотической ситуации – генератор, транслятор, реципиент и т.д., (подобно переменному току: AC-direction of fit).

**Акцидентальные** признаки: перечислены в семантическом «квинтовом круге».

Теперь мы собираемся улучшить это определение и дополнить необходимыми комментариями.

В такой редакции дефиниция была дана по двум основаниям. Одно из них – сопоставленность определения значения с определением *знака*, который есть объект из рода представителей, *репрезентант*, и дефинитивный признак его – смысл. Значение тогда – ближайший род для знака, презентант, его дефинитивный признак – direction of fit – направленность прежде на свой знак, а затем на свой денотат. Другое основание – идея о том, что явление презентации станет при должном анализе связующим звеном, необходимым и ближайшим родовым признаком *истинности* познавательного образа. Тогда семиотика сыграла бы незаменимую роль конкретизации проблем самой философии, обнаружив свою методологическую ценность и плодотворность, способность обогатить гносеологию: признак презентативности занял бы место между родовым свойством сходства (образа и объекта) и видовым отличием – трансференцией порядка (характеризующего объект как систему), его воспроизведением в истинном образе. Тогда было бы естественно счесть значение представителем объекта (своего денотата, репрезентата и проч.).

Однако более подробный анализ таких свойств гносеологического образа, как презентативность и *идеальность*, обнаружил совпадение этих понятий в одном из отношений – они описывают один и тот же фрагмент действительности, только в разных измерениях, один и тот же класс объектов и экстенционально, т.е., по объему, совпадают.

«Гносеологический образ» есть субстантивация идеального качества сознания в рамках эпистемологии; в рамках же философской семиотики гносеологический образ – презентант, опять-таки характеризующий

феномен сознательного, ибо в природе презентации нет, есть лишь замещение, к которому презентация не сводится, описывая только мир человеческой культуры со стороны смысла. Тогда в данном выше определении значения графы «род» и «вид» совпадают.

Так или иначе, главные дополнения касаются не столько соотнесения объемов рассматриваемых понятий, сколько уточнения самого подхода к анализу атрибутов и родовых признаков значения: чтобы «развести» последние, необходимо ясно понять, что значение – объект из рода идеальных представителей. Если идеальное характеризует происхождение, природу сознания (и значение как его элемент), то есть является его онтологическим признаком, то презентативность характеризует «работу» сознания и является его функциональным признаком. Формы сознания выступают в функции значения (главных его компонентов).

## ***2. Семиотика в роли метода социально-гуманитарного познания***

Предмет и метод семиотики – законы функционирования знаковых систем – имеют универсальное значение (ведь любое упорядоченное, в том числе и природное, явление, становящееся объектом познания, человек понимает как систему, имеющую смысловое содержание, т.е. *нечто значащую*).

Прогресс общества характеризуется распространением и умножением всевозможных семиотических систем.

В XX в. общим стало признание большой информационной емкости и ценности основных семиотических понятий знака и значения, а также предельной широты предмета семиотики в силу актуального или потенциального символического характера человеческой культуры, способности субъекта к познанию лишь на основе опосредования действительности, орудийного, инструментального характера знаков и символов, которыми полны наука, мораль, религия, искусство, и *рефлексивной, презентативной сущности самого сознания*.

Необходимое повышение организации, общества, развитие культуры и развертывание научно-технического прогресса связаны с функционированием различных видов семиотических образований. Символическая коммуникация занимает одно из важнейших мест, поскольку участвует во всех сферах общественной жизни, обособлении общества от природы, дифференциации его систем и функций, «социальной памяти», гомеостазиса, совершенствования и саморазвития.

Языки науки и естественный разговорный человеческий язык,

формы культуры и генетический код, технические устройства и средства массовой информации, сигнальные ситуации в животном мире и рафинированные эстетики элитного сознания, всевозможные шифры и структуры могут быть интерпретированы как знаковые системы. В любой системе различают субстрат, системообразующее свойство, структуру, субстанциональные свойства (свойства элементов), функциональные свойства (самой системы, возникающие из ее отношений к другим системам). Со своей стороны, вдумываясь в сущность объектов, человек любой из них делает знаком или даже символом, приписывая, вкладывая во фрагмент реальности некий смысл. На основе такого подхода к объектам начинают складываться семиотические методы, причастные к процедуре творчества, делающие творческий процесс эффективным. Как видим, они имеют двойственную природу, обусловленную противоположностью позитивистского и экзистенциального отношения к действительности; эта дилемма обуславливает и серьезную «нестыковку», мировоззренческую и методологическую рассогласованность семиотики языка и семиотики литературы или технической семиотики и семиотики культуры. Однако в общем случае происходит следующее: вслед за представлением объекта в качестве знака или системы знаков стараются установить особые параметры, которые могут принимать различное число значений; концептуализировать их; вычленив набор компонентов, между которыми устанавливаются отношения сигнификации (денотации); интерпретировать акт семиозиса.

Ограничения возможностей применения семиотического подхода являются разнородными. У. Эко, например, говорит о «политических» и «естественных» ограничениях.

«Политические» ограничения, в свою очередь, подразделяются на «академические» ограничения, связанные с тем, что семиотика стала отдельной дисциплиной сравнительно недавно, хотя комплекс семиотических идей разрабатывается с античности; «товарищеские» ограничения со стороны сопредельных наук, достигающих важных для семиотики результатов, так сказать, «попутно»; «эмпирические» ограничения, связанные с недостаточным развитием самой теории знаков.

«Естественные» ограничения объясняются незнаковой природой множества объектов.

К этому можно добавить, что существуют и ограничения философского характера, ибо, хотя категории семиотики в целом ряде случаев достигают гносеологической, но они не достигают онтологической всеобщности. Мир сам по себе не представляет системы знаков, не

«заряжен», вопреки расхожему профанному мнению, информацией, ничего не «говорит» субъекту познания; лишь сам человек может придать смысл явлениям природы. Поэтому семиотика не в состоянии подменить философию.

Однако справедливым представляется, что просодический характер знаковых средств в человеческой культуре, особая универсальность семиотики в сфере бытия человека связаны с наличием более фундаментальных, чем иерархический или конкурентный (линейно-вертикальный или линейно-горизонтальный), способов взаимодействия субъекта и объекта в качестве элементов знаковой ситуации. Открываются все новые «лучи», «созвездия», «ярусы» семиотических идей; в силу сквозного характера они пересекаются со все большим количеством дисциплин, перекрывают дискурс культуры, умножая каналы информации. Научная и художественная рефлексия вызывает к жизни все новые семиотические средства. Разнообразна их трактовка с позиций логики, эпистемологии, философии науки, диалектики, но несомненно одно: семиотика в настоящее время – претендент № 1 на звание общенаучного метода в сфере социально-гуманитарного познания.

### *«Квинтовый круг»*

Для наших целей лучше всего, кажется, провести такую наглядную аналогию предельной широты и объема области применения семиотики как метода социально-гуманитарного познания.

Культура и общество организуются синэргийно, как сходящаяся или расходящаяся «волна горения». Но даже зная, что такое HS-режим или LS-режим, бифуркация, флуктуация, аттрактор или ячейки Бинара, мы еще не поймем специфики своего предмета, если не увидим в возникающем (или исчезающем в хаосе явлений) порядке семиотическую систему, обладающую смыслом, значимостью, значением.

Простое отрицание имманентно символического характера человеческого бытия и сознания делает неразрешимыми проблемы природы и сущности культуры, содержания и форм сознания, специфики языка и др. Но простое признание символичности человеческой культуры и ментальности, способности человека понимать мир и его явления как *нечто значащее* ставит заново гносеологическую проблему: возможно ли, чтобы сознание было образом (а не иероглифом или конструктором) действительности, и не лучше ли перейти на мало к чему обязывающие термины «референция», «корреспонденция», «корреляция» и др., говоря

о взаимоотношении языка, смысла и действительности?

Представляется достаточно обоснованной следующая модель применения семиотических техник.

Все теории значения универсально взаимосвязаны и замыкаются в подобие *«квинтового круга»*.

Семь октав фортепьянного строя, максимально доступных человеческому голосу и среднему слуху (выше и ниже звуки переходят в шумы, теряя для человека мелодичность) и в силу этого согласованных (*mitstimmt*) с нашим голосом, – один из гениальных результатов «поверки гармонии алгеброй», творческой деятельности И.С. Баха, создавшего «хорошо темперированный клавир» на основе изобретения квинтового круга. До Баха не была узаконенной привычная теперь европейцу последовательность интервалов в гамме в виде ряда «тон, тон, полутон, тон, тон, тон, полутон» для мажорного лада (2 больших, одна малая, 3 больших, одна малая секунды). Настройка клавесинов до Баха ориентировалась на обертоновую шкалу (то, на что разлагаются звуки, которые объективно существуют в природе). Тональности с небольшим числом знаков укладывались в одну шкалу: до, ми, соль, си-бемоль, до, ре, ми, фа-диез, соль, ля-бемоль, си-бемоль, си-бекар, до. Теоретически было возможно получить гораздо больше тональностей. Но звуки тональностей с большим числом диезов и бемолей выходили за рамки данной обертоновой шкалы (диатонического ряда) в сферу хроматики и поэтому начинали «фальшивить». Выходом стал слуховой обман: искусственно изобретенный полутоновый строй.

Теперь повышение (диез) вводится в следующую гамму через квинту. Малая секунда повышения (диез) и малая секунда понижения тона (бемоль) были выровнены; в результате такой, можно сказать, *«абстракции аппроксимации»* сомкнулись в один звук диез и бемоль соседних нот, и теперь для пианиста до диез – то же, что ре бемоль. Семь октав сомкнулись «в поле звука мелодии для человеческого голоса и слуха», представляющего одновременно и континуум (ведь звуки гаммы не «даны» голосу от природы), и дискретные элементы, которые были выделены при помощи принципа выравнивания квинт. Граница между интервалами была узаконена для европейцев, у других народов она иная (индусы, например, различают четверть тона; свой мелос у азербайджанского «мугама», в лидийском строе, пентатонике и др.).

Открытие Баха можно сравнить с открытием Пифагором тайны целого числа: ведь в интервале от 0 до 1 также лежит бесконечность, и положить в ней границы – настоящий дерзновенный интеллектуальный подвиг.

Если принять предлагаемую аналогию, можно применить ту же абстракцию аппроксимации и «подстроить» теории значения друг к другу таким образом: а) значение как *объект* или класс объектов (так считает большинство логиков: Фреге, Черч, Куайн), т.е. как сторона отношения знак-референт; б) значение как *образ* объекта, обычно понятие или общее представление, опять-таки сторона отношения (Резников, Ветров, Ахманова и другие). Л. Витгенштейн, как известно, образом называл сам

знак, вернее *язык*; это, однако, нуждается в пояснениях; в) значение как *свойство объекта* (например, «виртуальное»); г) значение как *атрибут знака* (Звегинцев, вообще большинство лингвистов); д) значение как *способ* определения референтов; е) значение как *функция* референтов; ж) значение как *использование* (употребление); з) значение как *игра*; и) значение как *операция*; к) значение как *информация*; л) значение как *отношение* (это наиболее модная теория); м) значение как *интенция*, направленность на объект, гуссерлианская идеальная сущность.

Здесь круг замыкается. Двенадцать нот семасиологического квинтового круга позволяют «играть» во всех 24-х тональностях, хотя сама «настройка» основана на серьезном допущении «сужения» интервалов действия каждой теории – «квинт». Агглютинирующую роль выполняет явление совмещения процессуальности и результативности в познании. Сознание, как известно, – не только идеальный образ бытия, но и процесс отражения (взаимодействие), не обладающий самостоятельным существованием вне отношения организма и среды, вне нейрофизиологического кода; это «виртуальное бытие», аспект движения. Но дабы не лишать значение самостоятельности и свободы, примем как наиболее основательную следующую позицию: значение есть некая субстанция *sui generis*.

## Тема VIII. РАЦИОНАЛЬНОЕ, ОБЪЕКТИВНОЕ, ИСТИННОЕ В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Вопрос о возможностях достижения объективного истинного знания в социально-гуманитарном познании со всей остротой поставил еще *Макс Вебер*. Он отвергал механическое перенесение естественнонаучной модели объективности на социальное познание, без учета специфики его предмета, в которой вся суть дела.

Постановка и решение тех или иных научных проблем, способы их толкования не могут быть полностью адекватно осмыслены вне культурно-исторического контекста, вне господствующего в данную эпоху стиля научного мышления, вне тех или иных методологических установок, «парадигм», «тем», «научных школ». Исторические, социальные и культурные факторы, конечно, могут деформировать, исказить, огрублять конечные результаты познания, демонстрируя при этом неизбежную историческую ограниченность любых *усилий* людей познать окружающий их природный и социальный мир. Но вместе с тем справедливо утверждать, что исторический, социальный и культурный контекст

является необходимым условием самой возможности истины.

Социальное пространство существует в социальном времени: теория может находить своих приверженцев в течение столетий и тысячелетий; в таком случае она наивозможнейше объективна, одновременно и рациональна. По этому поводу надо сказать следующее.

Рациональность – собственный, но не дефинитивный признак теории. Иное дело – объективность и истинность. Их оценки в материалистической традиции отличаются, конечно, от приведенных выше. Однако надо признать, во-первых, что без конвенций в науке не обойтись и их включает любая высокая теория. Во-вторых, в науке не обойтись и без субъективности, – важно, как ее понимать. Многие вопросы снимутся, если рассмотреть единство объективного и субъективного в науке и в познании вообще не в гегелевском смысле (а он считал, что обычно объективное понимается как достояние чувственного познания, а на самом деле таковое следует считать субъективным в смысле его неистинности, а объективными являются кантовские категории), не в смысле позитивизма (нет объекта без субъекта) и не в смысле поверхностных ссылок на марксистскую теорию познания (следовало бы сказать – ленинскую), в которой есть сюжет о переходе, «переливе» объективного в субъективное: разумеется, это нельзя понимать механически или химически – добавляешь одно, убавляется другое. Если нужна рискованная аналогия, можно сказать о сообщающихся сосудах: выше активность совокупного познающего субъекта – выше уровень объективности его совокупного звания об универсальности вселенной.

Есть различия в понимании истины гносеологией – это адекватность знания объекту – и эпистемологией. Так, например, **конвенциональная** концепция истины, получившая широкое распространение в современной философии, трактует истину как соглашение между членами научного сообщества. В **прагматической** концепции истина понимается как полезность знания, истинным признается такое знание, которое ведет к успеху. **Когерентная** концепция рассматривает истину как согласованность знания, которая устанавливается на разных уровнях: внутри теории, между различными теориями в рамках одной научной дисциплины, между различными дисциплинами, между наукой в целом и другими элементами духовной культуры. Истинным в рамках когерентной концепции признается такое знание, которое вписывается в уже существующую систему общепринятого знания.

Понять отличие эпистемологического подхода от гносеологического помогают современные источники.

Статис Псиллос, лауреат британской философской премии, писал об этом в книге «Философия науки от А до Я»<sup>55</sup> следующее.

«Размышления об истине развиваются в двух направлениях. Первое – утверждение, что истина есть *объективное* качество наших убеждений [beliefs], благодаря которым они соответствуют миру. Истина соединяет наши мысли и убеждения с какой-то внешней реальностью, придавая им тем самым репрезентативное содержание. ...Второе направление принимает, что истина – это *оценочное* понятие: оно суммирует нормы правильно построенного утверждения или *убеждения*: сказать об убеждении, что оно истинно, значит сказать, что иметь его эпистемологически верно, или доказательно [оправдано]». (С. 247).

«Различие между не-эпистемической и эпистемической концепцией истины, – продолжает греческий философ, – становится зримым, когда мы мыслим в терминах сократовского парадокса [из диалога] Евтифрон: являются ли утверждения истинными *потому*, что они признаны за истинные [лицензированы] набором норм [правил] – или они признаны [лицензированы] набором норм [правил] в качестве истинных, *потому* что они истинны?» (С. 248-249).

Начинаешь убеждаться, что раннесредневековые формулы «верю, чтобы знать» (или «верую, и потом узнаю», греко-кафолический путь) и, наоборот, «знаю, чтобы верить» (или «узнаю, чтобы в итоге поверить», римско-католический путь), не считая эксклюзивного тертуллианова «верую, ибо абсурдно» («приходится *верить*, поскольку *знать* абсолют не по силам человеку»), и в самом деле идут «от Платона» и «от Аристотеля».

Современный английский философ Джонатан Беннетт писал в книге «Учения шести философов»<sup>56</sup>: «Относительно веры в «существование тела» [the belief in “the existence of body”] можно задать двумя вопросами. (1) “Что является причиной этого?” Стараясь ответить, мы приближаемся к натурализму [we approach the belief in a naturalistic way], действуя, как если бы мы объясняли погодное явление или эпидемию. (2) “Что подтверждает это <существование> (если вообще подтверждает)?” Это влечет [invites] исследование значения аргументации или свидетельства в пользу (указанной) веры... Итак, у нас имеется натуралистический, каузальный поиск [inquiry] и нормативный,

<sup>55</sup> Stathis Psillos. *Philosophy of Science A – Z*. – Edinburgh Univ. Press. 2007. Фактически это столь же научная монография, сколь замечательно грамотный философский словарь.

<sup>56</sup> Bennett, J. *Learning from six philosophers*. V. 2. Locke, Berkeley, Hume. Clarendon Press. – Oxford, 2001.

аналитический». (С. 198). Второй подход, подчеркивает автор, привлекает и контент-анализ, а не только inquiry о методе. Опять-таки, в обоих случаях объединяются вопросы «что» и «как».

Как видим, здесь присутствуют примерно те же оппозиции, что и в «Философии науки от А до Я», но Беннетт начинает как бы с «нулевого», предварительного вопроса (а не с первого), а именно: с (онтологического) убеждения в существовании «тела». Несколько ниже этот автор назовет «необходимым предисловием» вопрос относительно сущности наших мыслей и верований (собственно гносеологический вопрос).

Оценочные суждения противопоставляли причинному пониманию и Риккерт, и Виндельбанд, и другие классики новейшего времени (след Юма и Канта...) Собственно, первыми взяли в фокус внимания оценочные суждения еще скептики. Вспомним еще раз трактаты Секста Эмпирика. Остановимся в данном случае на его анализе одного доказательства (и его опровержения), а именно, на скептическом рассмотрении так называемого «постигающего представления» – **καταληπτικὴ φαντασία** – претендента на роль критерия истины со стороны философов-стоиков (и возражавших им академиков-скептиков).

Схематически Секст этот анализ излагает следующим образом: критерия не существует, а если существует, он располагается где-то в восприятии. «Однако, поскольку оно дает показания не всегда согласно с истиной и часто вводит в обман и разногласит с вещами, которые его посылают, наподобие негодных вестников, то по необходимости получился вывод о том, что не всякое представление может оставаться критерием истины...»<sup>57</sup>, но только истинное. Далее с эмфазой дважды Секст подчеркивает, что ввиду изостении представлений критерий должен оказаться в сфере, общей для истинных и ложных (или же для постигающих и убедительных [представлений]). Но общее для истины и лжи не дает подлинного постижения; следовательно, оно не есть и критерий.

Критерием истины (по мнению сторонников Карнеада), комментирует Секст, служит представление, которое *является* в виде истинного и выявляется *в достаточной мере*. Это не абсолютно объективное, а **вероятностное представление**; оно: а) убедительное, б) нерассеянное и в) разработанное. Истинно ли оно? Оно **является таковым** и потому убедительно. «Убедительное же, как направленное к реально присутствующему, высказывается в трех смыслах. В одном смысле оно истинно и является в виде истинного; в другом – оно по бытию своему ложно, но является в виде истинного; в третьем – оно истинно, но имеет общее и с тем, и с другим».<sup>58</sup> Принимается во внимание первый смысл. Далее, нерассеянность показана на

<sup>57</sup> Секст Эмпирик. Против ученых. – С. 93–94.

<sup>58</sup> С. 95.

совокупности представлений, ни одно из которых *не отвлекает* от предмета, а разработанность – на основании *исследования*, каковым оно бывает и в народных собраниях, «когда народ каждого из намеревающихся получить власть или производить суд, проверяет, достоин ли он доверия во власти или в ведении суда». Нерассеянность и разработанность представлений нужны в делах, касающихся особенных случаев, например, в делах достижения счастья, считает Карнеад. Собственно, это выбор и избегание, то есть критерий не истины, а существования. Секст Эмпирик разделяется с «постигающим представлением» в три приема. Смысл таков: либо мы собираемся судить, постигающее ли оно, при помощи непостигающего, что нелепо, либо постигающего, что еще более нелепо, потому что оно не преднайдено и не установлено в качестве постигающего, либо же – что постигаемый предмет оказывается оценкой самого себя и представления. Что также абсурдно.

В рамках эпистемологии существует и ряд других, неклассических концепций истины. Неклассические концепции указывают на такие свойства истинной теории: простота, красота, непротиворечивость, прагматичность, системность, эвристичность и др.

Вопрос о том, можно ли отграничить истину от заблуждения, и если можно, то каким образом, всегда интересовал познающую мысль. Это и есть вопрос о *критерии* истины. Проблема критерия истины сводится к вопросу о связующем звене, объединяющем субъективное и объективное и выступающем основанием для сравнения реальности и ее отражения в сознании человека. Какой же критерий выбрать? И по какому критерию?

Существует не один вариант ответа на него. Например:

Отождествление познавательного образа с материальным объектом, устранение различия между ними. В такой интерпретации содержание сознания субъекта ставится в полную зависимость от объекта: познавательный образ есть отпечаток в мозгу человека. Такая позиция характерна для механистического материализма XVIII в.

Помещение познаваемого объекта в сознание субъекта, утверждение, что в познании человек сталкивается только с такими предметностями, которые конструирует его сознание. Эта позиция характерна для трансцендентального идеализма И. Канта и его последователей.

Поиск связующего звена между субъектом и объектом, объединяющим в себе характеристики и того, и другого. Таким третьим элементом, позволяющим соотнести знание об объекте и сам объект знания, является *практика*...

Критерий практики, однако, не всегда может быть использован, поскольку существуют такое знание, которое напрямую непереводаемо в материально-чувственный план. Например, невозможно найти такой тип практики, который позволил бы проверить теоретические идеи высшей

математики или квантовой физики, суждения о прошлом в исторической науке, философское знание. Для подтверждения или опровержения такого рода знания используются другие способы.

Критерий непротиворечивости предполагает, что истинное знание должно соответствовать законам аристотелевской логики, в особенности второму, гласящему: нельзя, не противореча себе, утверждать, а затем тут же отрицать то же самое, о том же самом, в том же отношении или в то же время. Логическое противоречие свидетельствует либо о заблуждении, либо о лжи.

Когерентность (системность) предполагает, что новое знание должно быть хорошо согласовано с теми результатами, которые уже оцениваются как истинные. В качестве такого фундаментального знания выступают философские принципы причинности, единства мира, сохранения энергии, самоорганизации мира и т.п. Критерий когерентности позволяет выбрать между двумя теориями, которые не могут быть проверены на практике и обе являются логически непротиворечивыми. Из двух теорий истинной признается та, которая более совместима с фундаментальным знанием.

Критерий эвристичности вступает в силу, когда перечисленные выше способы отграничения истинного знания от неистинного не позволяют принять решение. Эвристичность характеризует потенцию знания к росту. Из двух теорий более эвристичной, а, следовательно, истинной, является та, в которой теоретический рост опережает эмпирический.

Суть критерия простоты в следующем: из двух теорий предпочтение следует отдать той, которая объясняет действительность, опираясь на меньшее количество независимых допущений, т.е. более просто. Красота еще более субъективный критерий, выражающий личностную удовлетворенность результатами познания. Суть принципа красоты в том, что хорошая теория отличается особой эстетической гармонией, элегантностью, ясностью и стройностью.

В материалистической традиции оценки объективности истины отличаются, конечно, от приведенных выше. Однако надо признать, во-первых, что без конвенций в науке не обойтись и их включает любая высокая теория. Во-вторых, в науке не обойтись и без субъективности; важно, как ее понимать. Многие вопросы снимутся, если рассмотреть единство объективного и субъективного в науке и вообще в познании не в гегелевском смысле (он считал, что обычно объективное понимается как достояние чувственного познания, а на самом деле таковое следует считать субъективным в смысле его неистинности, а объективными являются кантовские категории), не в смысле позитивизма (нет объекта без субъекта) и не в смысле поверхностных ссылок на марксистскую

теорию познания. Если нужна рискованная аналогия, можно сказать о сообщающихся сосудах: чем выше активность совокупного познающего субъекта, тем выше уровень объективности его совокупного звания об универсальности вселенной.

Вообще апология «теоретизма» и некоторое укрощение эмпиризма представляются оправданными, ибо принимают форму рефилософизации и повышения статуса мировоззренческих проблем, возврата к истории науки и связи времен. Становится возможной исключенная логическим синтаксисом и логической семантикой преемственность лингвосемиотической и лингвосоциологической традиции.

Как пишет акад. В.С. Степин, возникновение нового типа рациональности не уничтожает исторически предшествующих ему типов, но ограничивает поле их действия. Каждый новый тип научной рациональности вводит новую систему идеалов и норм познания, что обеспечивает освоение соответствующего типа системных объектов: простых, сложных, исторически развивающихся (самоорганизующихся) систем. Соответственно меняется категориальная сетка философских оснований науки – понимание вещи, процесса, пространства, времени, причинности и т.д. (онтологическая составляющая) и понимание знания, теории, факта, метода и т.д. (гносеологическая составляющая). Наконец, с появлением нового типа рациональности изменяются мировоззренческие аппликации науки. На классическом и неклассическом этапе своего развития наука находила опору только в ценностях техногенной цивилизации и отвергала как противоречащие ей ценности традиционалистских культур. Постнеклассическая наука значительно расширяет поле возможных мировоззренческих смыслов, с которыми согласуются ее достижения. Она включена в современные процессы решения проблем глобального характера и выбора жизненных стратегий человечества. Постнеклассическая наука воплощает идеалы «открытой рациональности» и активно участвует в поисках новых мировоззренческих ориентиров, определяющих стратегии современного цивилизационного развития. Она выявляет соразмерность своих достижений не только ценностям и приоритетам техногенной культуры, но и ряду философско-мировоззренческих идей, развитых в других культурных традициях (мировоззренческих идей традиционалистских культур Востока и идей философии русского космизма). Постнеклассическая наука органично включается в современные процессы формирования планетарного мышления, диалога культур, становясь одним из важнейших факторов кросскультурного взаимодействия Запада и Востока.

## Тема IX. ЛОГИКА СМЕНЫ ПАРАДИГМ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ НОВЕЙШЕГО ВРЕМЕНИ: ОТ ИДЕАЛИЗМА К ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМУ ДЕТЕРМИНИЗМУ

От философа обычно ожидают двух полезных вещей, двух готовых рецептов: картины устройства мира и предписания правильной, общественно одобряемой (практической, моральной) жизни. Усилия немецких мыслителей нового времени, направленные на то, чтобы продемонстрировать невозможность вечного и неизменного, раз навсегда данного существования подобных истин, мало что изменили в обыденном сознании. Тяга получить поучение и ожесточенность против тех, кто признает преходящий характер почти всех суждений и постоянство лишь самого *изменения*, движения, остаются общим правилом.

Мышление конца XX столетия отражает драматичность современного состояния общества и человека. Быстрота обогащения и смены моделей вселенной, острота социальных противоречий, проблематичность самого выживания человечества, кризис всех героических проектов – сложных, претендовавших на универсальность философских систем прошлого (от классиков-греков до классиков-немцев), делают необходимость осмысления настоящего положения личности и социума более чем актуальной.

Социология может описывать различные феномены культуры, общественные события, связи групп, коллективов и страт, повседневность и так называемые практики и техники, смену идеологических и эстетических ориентаций и т.д. как бы изнутри, не выходя ни на какой мета-уровень по отношению к наличествующему состоянию общества. Начиная с середины века (точнее, в пост-парсоновский период) она и не имеет подобной цели. Сама претензия выходов на «мета-уровни» сегодня подвергается скептическим и ироническим оценкам. Однако социальная *философия* способна на подобный шаг: описать, осмыслить жизнь человека и общества «извне», т.е. не на наивном, а на критическом уровне, каковым является уровень размышления над самими основаниями теории – и соединить этот взгляд со взглядом «изнутри», ибо философствующий – также человек, и притом «человек общественный».

Вполне очевидно, что сегодня морализирование наряду с другими абстрактными ценностями отнесено по ведомству метафизики=теологии, а наука – «строгая наука» – обязана иметь дело с наличествующим материалом реальной нравственности, и никак не с уровнем *должного*. Однако социальная философия может и должна вскрыть *логику* переходов от одних идей к другим, невзирая на то, что и логика сегодня объявлена *non grata* и заменена, где это только возможно, софистикой и риторикой.

Она обязана даже, как бы невыполнимо это ни казалось, дать соответствующий прогноз смены как общественных явлений, так и отображающих их настроений, мнений, принципов, концепций и идеалов.

Философия сегодня, как уже говорилось, хорошо осведомлена относительно смены классического идеала научности под влиянием постмодернизма: утраты претензии на объективную истинность и девальвации самих терминов «объективность» и «истина»; отмены поиска сущности и «выполаживания» научных сияющих высот (часто с превращением их, по выражению А. Зиновьева, в зияющие высоты). Практически испустила дух идея прогресса; субъект научного познания и исторического действия из агента превратился в потерянное, ищущее себя существо, не только не способное к действию, но и не свободное ни в одном поступке, так как все вокруг – даже представление о том, кто он есть и что должен делать – определяется не абсолютным образом, а в процессе взаимодействия между людьми. Хорошо известный современный итальянский социолог Л. Бовоне<sup>59</sup> сформулировала это как антиномию «проекта» и «повседневности» как *основной* и *итоговой* – да, но чего? Сущности? Однако это понятие девальвировано в постмодернистской парадигме... Субстанции? Тем более. Значит, *просто* как основную и итоговую антиномию. Соросовский учебник «Философия и методология науки», касаясь темы перемены идеала научности, стоит проект... нет, не *проект*, а просто предположение того, каким будет новый идеал: «сверхкритерием» научности объявляется способность теории успешно решать познавательные задачи. (Конечно, этот критерий подается как совсем новый по сравнению со знаменитым критерием *практики*).

На свой страх и риск философия идет на непопулярное исследование существенных закономерностей прогрессирующей системы отдельных моделей общества в социальных теориях, видя в этом призвание и оправдание своего существования. Вполне вероятно, что её снова будут предлагать полечить от застарелой болезни века «модернити», а именно, поиска глубинных оснований бытия, в том числе человеческого. Но ситуация эта, увы, не нова и для философии привычна: вспомним «образ пещеры» Платона...

В настоящем очерке могут быть лишь намечены подходы к решению этих больших задач, сами же решения потребуют гораздо бóльших и коллективных усилий.

Итак, социология XX столетия возникла из необходимости

---

<sup>59</sup> Бовоне Л. Повседневность и коммуникативный подход (актуальные тенденции развития социологии постмодерна) // Контексты современности-2.- TEMPUS (TACIS). – Казань:1998. – С. 46.

теоретически-конкретного объяснения существующего положения дел в истории. *Социология* и есть один из результатов жесткого требования, предъявленного к *философии* еще в XIX веке: статья, наконец, конкретной наукой и начать быстро приносить плоды, практическую пользу. Поэтому несомненна первоначальная связь социологии с философскими направлениями позитивизма и прагматизма.

В течение XX в. несколько раз по-новому остро ставилась проблема человеческого существования; поэтому ряд социологических направлений связан с тематикой и категориальным аппаратом экзистенциализма и, с другой стороны, марксизма, а в последнее время и постструктурализма.

Многие направления социологии сейчас неотличимы от такой философской дисциплины, как теория культуры, или культурология.

Старинная философская традиция эмпиризма по-прежнему сильна в наше время не только в трансформирующейся России, но и в самой Британии, родине этой традиции. Хорошо известны либеральные реформистские симпатии английской социологии и её скептицизм в отношении грандиозных теорий. В последнее время, однако, для нее стала привлекательной идея некоего социального синтеза, вообще говоря, присущего не эмпиризму, а его исторической и логической противоположности – рационализму. В Британии появились проекты теоретической интеграции, социального преобразования, универсального объяснения. Однако там перспектива возникновения единой философско-социальной концептуальной системы является пока весьма отдаленной. «Альтернативный ответ заключается в том, чтобы принять плюрализм и разрабатывать стратегии с целью интерпретации и переживания разнообразных удовольствий плюрализма»<sup>60</sup>.

Натурализм, в свою очередь, испытал в 80-е гг. XX века неожиданный ренессанс, составив философскую основу экологического направления в социальной теории (новые изыскания трансперсональной экософии, например), а также практики алармизма (англ.: alarm, тревога), движения «зеленых» и т.д.

Феноменология, имеющая родственную связь с неокантианством, также сыграла важную роль в разворачивании исследований, посвященных человеку и социальному познанию, породив герменевтику Гадамера и Хабермаса, символизм Кассирера, идеи Шютца, Бергера и Лукмана, сформировавшегося под влиянием этих идей Гидденса. Она скрыто подействовала в качестве мотива перехода от позитивистски-ориентированного структурализма

---

<sup>60</sup> Дэвис Г. На что направлен проект социологии? // Социальное знание: формации и интерпретации. Тез. межд. конф. TEMPUS (TACIS). – Казань, 1996. – С. 8.

к постструктурализму. С феноменологией непосредственно связана и так называемая радикальная американская социология.

Хорошо известно, что позитивизм и близкие к позитивизму трансформации марксизма, концепции Вебера и Дюркгейма к концу XX века уступили влияние постпозитивизму и модернизму, смешавшемуся с постструктурализмом, и в целом позитивистская линия в философии оказалась оттесненной *антипозитивистской* линией, как бы разные исследователи ее не называли. Отметим в связи со сказанным, что веберовский ренессанс объясняется с социально-философской точки зрения тем, что, как представитель исторической школы, он уделял необыкновенное внимание *конкретным* событиям и фактам, сторонясь уже тогда «больших нарративов». Однако, будучи проницательным теоретиком, он строил сеть *абстракций*, пусть и не категориального, а, так сказать, промежуточного порядка, вроде знаменитого «социального действия». Этим Вебер привлекателен и для эмпириков, и для рационалистов, и его социальная концепция может сегодня развиваться дальше без риска вызвать обвинение в фантазийной беспочвенности или, с другой стороны, в узком эмпиризме. Хотя, естественно, после Хабермаса теория действия уступила большую часть влияния теории коммуникации.

Главная задача социальной философии, однако, – не простая констатация того факта, что любое конкретно-научное исследование, явно или скрыто, опирается на некую мировоззренческую основу, и не определение сущности этой основы как релятивистской, позитивистской, экзистенциалистской, диалектико-материалистической, объективно-идеалистической, феноменологической, – но раскрытие самой *закономерности* смены одной парадигмы другой, что только и даст возможность экстраполировать полученные знания на будущее и надеяться на некий значимый социальный прогноз, как в области социальной теории, так и в сфере описываемого ею объекта.

Как известно, первые теоретические попытки объяснить общие законы социума были идеалистическими: ведущие силы движения и развития полагались, например, в Абсолютной Идее или в сознании и воле человека, т.е. либо это было энергичное воление сильной личности-героя, перекраивающее карту мира, либо это был коллективный общественный договор сознательных граждан, заключенный относительно справедливого и мудрого управления.

В качестве альтернативы идеализму во второй половине XIX в. упрочилось натуралистическое направление (в вариантах географического и демографического детерминизма), а в конце XIX – начале XX вв., в

качестве антитезиса этой альтернативе, от грубых аналогий, от редукции социального к более низким формам движения материи происходит переход к психологическому направлению. В известном смысле это возврат назад, ибо в его рамках восстанавливается в правах эфемерный первичный фактор исторического развития в виде закономерностей (и капризов) как индивидуальной психики, так и общественной психологии. Характерно, что и эти школы, наряду с возрожденным натурализмом, занимают в наше время ряд ведущих мест. Например, одним из ответвлений психологического направления в социологии была знаменитая Франкфуртская школа.

Далее с 20-х гг. XX в. происходит скачкообразный переход к иной и новой парадигме: в противоположность чисто умозрительным схемам социальной философии возникает технологический детерминизм, – целое гнездо родственных направлений, имеющих дело с конкретным эмпирическим материалом и непосредственно участвующих в стабилизации и усовершенствовании социальных отношений. Это направление берет за первичное начало уже социальный элемент, *технику*. С тех времен и до наших дней благополучно существует концепция постиндустриального общества.

Технократическая школа была представлена такими именами как Торнстайн Веблен, который выдвинул теорию «праздного класса» и связал надежды на общественный прогресс с научно-технической интеллигенцией. Такие ученые как Скотт и Аккерман работали в условиях великой депрессии. Следующее поколение социологов стало апологетами государственно-монополистического капитализма. Была выдвинута и отстаивалась идея «революции управляющих», подобной «революции мажордомов» в войне меровингов и каролингов. Сформировалась индустриальная социология, основанная вначале на тейлоризме, а позже – на доктрине «человеческих отношений». Так, Бернхейм писал о возникновении «нового класса» – иерархии директоров крупных корпораций, таких, как «Дженерал моторс», «Ю.С. Стил» и др., которые являются истинной правящей элитой. Он считал, что этот процесс происходил и в Советском Союзе: директора главков, министры и другие управляющие составили особый новый класс. В рамках направления технологического детерминизма возникла первая концепция трансформированного капитализма. В этих же рамках получил серьезное развитие научный менеджмент, или индустриальная социология, имевшая широкое распространение в период и особенно после II мировой войны, главным образом, в США. Один из создателей социологической теории «человеческих отношений», Э. Мэйо, считал, что связи между людьми, в том числе и между предпринимателями и рабочими, носят эмоционально-психологический характер, а вовсе не характер каких-то

там объективных социально-экономических противоречий. Он проводил опыты по повышению производительности труда без дополнительных капиталовложений в технику, только при помощи изменения структуры рабочих мест. Мэйо полагал, что социология должна практически содействовать установлению добрых личных отношений рабочих с начальством, приятного психофизиологического микроклимата в группе; проводилось широкое анкетирование, выявление симпатий и антипатий, оптимизация психологической обстановки. Социологи стали работать при отделах кадров. Потом центр научного менеджмента переместился из США в Японию.

Многие идеи того времени до сих пор популярны. Долго просуществовала без изменений концепция сверх- и постиндустриального общества. С ними связана была и концепция конвергенции (пик пришелся на 60-е – 70-е гг.). У Збигнева Бжезинского был термин «технотронное общество». Даниэль Бэлл в своей книге «Грядущее постиндустриальное общество» живописал следующую картину. Научно-техническая революция сделает ненужной революцию социальную. В новом обществе все большее количество людей будет занято в сфере обслуживания. По-новому будет оснащена сфера досуга. Решающей силой ему виделся не капитал, а знание: университеты и другие центры знания сосредоточат элиту – интеллектуалов. Фигура интеллектуала предстает и как решающий структурный элемент политики. Философы знают, что подобная научно-техническая идиллия была сконструирована уже первым философом Нового времени Ф. Бэконом.

Для эволюции взглядов Бэлла характерно, что постиндустриальное общество, первоначально изображавшееся как технократическая утопия, постепенно превращается в новую стадию антагонистического общества, и на этой ступени увековечиваются конфликты между управляющими и управляемыми, а также появляются новые экономические, политические и культурные противоречия (см.: «Культурные противоречия капитализма», журнал «Общественный интерес» под ред. Д. Бэлла вместе с двумя другими социологами).

Итак, в течение первой половины XX века можно наблюдать своеобразный «качельный синдром»: перемещение маятника обществоведческой мысли между «идеальными» (вариант: психологическими) и «материальными» (либо чисто природными, либо техническими, т.е. социальными) факторами, обуславливающими ход исторических изменений. Технологический детерминизм, однако, оторвав технику от других явлений, оказался не в состоянии объяснить ее саму. Философия техники весьма нуждается в своем дальнейшем развитии.

## **Тема X. ЛОГИКА СМЕНЫ ПАРАДИГМ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ В ПОСТКЛАССИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ: ЭВОЛЮЦИИ ЭМПИРИЗМА, СТРУКТУРАЛИЗМ, ПОСТМОДЕРНИЗМ**

Неспособность трех первых классических направлений развития социальной теории первой половины XX века<sup>61</sup> удовлетворительно раскрыть основные закономерности общественного развития стихийно привела к эмпиризму в социологии, к отказу от «абстрактного теоретизирования», отвергнутого в конкретных науках, которые являются лидерами научно-технического прогресса. Такое положение мы заново наблюдаем и сегодня, в начале XXI века. В середине же XX в. реакция на невозможность для социологии создать единую «высокую» теорию, которая раскрывала бы основные закономерности общественного развития, была парадоксальной: нет теории – и не надо. Займемся серьезными вещами: эмпирическими исследованиями. Возник имидж «скромного ученого», честно выполняющего порученные обязанности, без всякой помпезности и героики «делающий дело». Для эмпирической социологии того времени был характерен полный отказ от ценностного подхода (вернее, от «высоких» ценностей) и утверждение независимости социологии от философии. Как это поясняет известный ученый современности Дж. Ваттимо (используя, кстати говоря, марксистскую терминологию), речь идет о примате меновой ценности по отношению к потребительской<sup>62</sup>. С точки зрения методологии, эмпирическая социология означает доведение до крайности принципов позитивизма и прагматизма.

Апогей эмпирической социологии на западе пришелся на 50-е гг., а в России – на поколение позже.

Поскольку в центре внимания эмпирической социологии оказались конкретные факты, постольку появилось множество прикладных социологий: социология права, образования, семьи, армии, города и т.д. Это требовало разработки соответствующего инструментария исследований: технологии и методики составления анкет, тестов, опросов общественного мнения, разработки моделей изучаемых процессов с применением компьютеров. Широкое использование статистических данных повлекло за собой интенсивное развитие теории и методов статистики с привлечением математического аппарата. Социология стала похожа на строгую науку.

---

<sup>61</sup> Здесь мы не имеем в виду марксизм; речь идет о натурализме, психологических модификациях идеализма - фрейдизме и бихевиоризме, а также технологическом детерминизме.

<sup>62</sup> См. его кн.: “The End of Modernity”. Polity Press, 1994.

Под предлогом того, что ведущие дисциплины научно-технического прогресса – физика, химия, биология, минералогия, метеорология и др. – отвергли всякий «сверх-опытный» анализ, социология превращается в регистрацию разномасштабных общественных событий, в социометрию, фактографию. В США издавался журнал с соответствующим названием («Социометрия», ред. и изд. Дж. Морено). Преследуемые цели – выявление оптимального расселения, снятие социальной напряженности, оптимизация структуры малых групп, системы меж-индивидуальных влечений, симпатий и антипатий. Эта прикладная микросоциология рассматривает социометрию как средство достижения социальной гармонии.

Широко известны ставшие классическими исследования У. Томаса и Ф. Знанецки «Польский крестьянин в Европе и Америке» и Стоуфера «Американский солдат», бывшие в свое время первыми книгами в жанре эмпирической социологии. Там и были применены методы изучения личных документов, писем, дневников, интервью и т.д.

Эмпирические исследования в целом принесли определенную пользу: выделились автономные области исследования, был накоплен значительный фактический материал, усовершенствованы прикладные методы исследования. Интересно складывалась, например, социология лидерства.

Первоначально для того, чтобы объяснить выдвижение лидера, предлагалась «теория черт»: лидером становится человек, обладающий определенными свойствами характера (самый умный, самый волевой и т.д.). Были проведены тысячи полевых исследований, феномен лидерства изучался на примере студенческих, армейских, научных коллективов и т.д. Получился конфуз: повторяющихся черт социологии не выявили; одни исследователи активно опровергали других; не нашлось ни одной черты лидерства, с которой согласились бы *все*.

Тогда появилась концепция ситуационизма: черты лидера не фиксированы, они зависят от конкретной ситуации. Потом и эта методика стала подвергаться критике. Появилась концепция определяющей роли последователя: лидер – это функция от ожиданий последователя. В 80-е годы эмпирические теории лидерства (Гибб) пришли к таким определениям: лидер – это функция и от последователя, и от ожиданий и от ситуации. Это было тоже названо системным подходом.

Постепенно среди самих социологов-эмпириков стали раздаваться сетования на то, что они ушли в малозначащие вопросы (уже в 60-е гг. об этом писал, например, видный специалист в области методологии и методики применения математических методов в социологии П. Лазерсфельд). От общей теории социология ушла в описательство, в голую фактографию; это распрямечивание социологии. С техникой и методикой исследования,

например, динамики мод на зонтики не подступишься к серьезным общественным проблемам...

60-е–70-е гг. были отмечены ростом разочарования по поводу возможностей эмпирических исследований. Попытки преодолеть односторонность и поверхностность эмпиризма, не уничтожив его философии, но обнаружив его сугубую приземленность, привели к поискам альтернатив. Наряду с ними, если не вместо них, как и следовало ожидать, возник «теоретизм» – структурный функционализм Т. Парсонса и Р. Мертона. Данное направление основывалось, как известно, на противопоставлении функционализма и *историзма*: общество (кажется, в последний раз в XX-м веке) рассматривалось как целостная система, различные элементы которой взаимодействуют между собой.

Функциональный подход был развит первоначально в сфере культурной антропологии. Ее главный представитель, Б. Малиновски, английский этнограф и социолог, рассматривал культуру как целостную и равновесную закрытую систему, все элементы которой находятся в функциональной взаимозависимости наподобие биологических органов. Из этнографии (не впервые и не однажды – вспомним Леви-Стросса) системно-структурные идеи проникли в социологию.

Конец 70-х принес общую усталость от позитивизма, безразлично, эмпирического или рационалистического толка, приведшую к смене философской ориентации: на авансцену выступила антисциентистская, или гуманистическая, социология. Структурный функционализм уже при жизни Парсонса и Мертона стали критиковать сами западные социологи. Он неприменим в качестве единственного или главного метода в решении общественных проблем. Он имеет свои ограничения и может использоваться только в совокупности с другими подходами или применительно к отдельным явлениям общественной жизни.

Позитивизм был объявлен прежде всего «неинтересным»: влияние постмодернистского «фона». Критика касалась игнорирования субъективного, личностного фактора в развитии истории, и она одновременно была направлена и против марксизма и неомарксизма.

В 80-е гг., в отличие от позитивистской ориентации большинства предшествовавших направлений социологии, происходит «рефилософизация» этой науки. Возникает новый интерес к общесоциологической теории, наблюдается переориентирование ее на жизнь отдельного человека. На авансцену вновь, как уже указывалось, выходит феноменология (Гарфинкель, Шютц); позитивизм трансформируется в постпозитивизм, структурализм в постструктурализм и деконструктивизм (обретший

вторую родину в США), вместе они составляют постмодернизм, и на этой основе возникают многочисленные антипозитивистски ориентированные школы. Они выступают с критикой предшествующей социальной теории за элиминацию в ней конкретного человека. Приобретают популярность книги антисциентистски настроенных авторов – Бергера, Териакьяна, Моски, Михельса, Парето и др. Пафос этих исследователей состоял в реабилитации «человека», в пропаганде социокультурных детерминант развития. Среди предлагавших методов исследования – «вживание», «понимание», «сопереживание», осознание роли «другого» и т.д. В философском плане они ориентировались на герменевтику, отчасти на религиозные течения.

Из сказанного ясно, что разные стадии развития социальных исследований не просто отменяли друг друга, но, видоизменяясь, наследовались. Возьмем, к примеру, позицию Габриеля Тарда («Новые идеи в социологии»). Основными процессами в обществе он считал *изобретение* (от технических усовершенствований до политических идей и нравственных ценностей) и *подражание* – главный закон социальной жизни. Прогресс в обществе совершается по следующему сценарию. Сторонники противоположных изобретений становятся друг по отношению к другу в оппозицию; некоторые изобретения отбрасываются, другие принимаются и распространяются благодаря обычаям и моде. Наиболее характерно подражание низших слоев общества высшим: лидеры делают нововведение, толпа его подхватывает, и так совершается прогресс. Совершенно сходные идеи, за исключением деталей, мы видим и у более поздних авторов<sup>63</sup>.

Остановимся теперь специально на оценке постмодернистских подходов к анализу общества и на возможности некоего прогноза относительно парадигматики ближайшего будущего.

Постмодернизм, первоначально сложившийся в литературной критике в форме восстания против (идеологического) деспотизма «текста-произведения», довольно быстро распространился на этнографию, этнологию, историософию и историю. Дело в том, что текст-чтение, каковым объявляется в этой парадигме вся культура, навязывает адресату свою трактовку в качестве догматической истины, абсолютного смысла, осуществляет властное вмешательство в сознание личности. Борьба против принципа власти, прежде всего, власти идеологии есть движущая сила постмодернистской мысли. Текст-письмо, «рассыпанный текст» разрушает «моносемию», «агрессивное звучание» официальной идеологии; так исключается редукция к одному единственному смыслу и «акцентируется бесконечность интерпретаций как бесконечность познания»

<sup>63</sup> См., напр.: Л. Бовоне. Новые культурные посредники//Социальное знание: формации и интерпретации. Тез. межд. конф. Казань: 1996.

(Ю.Л. Бессмертный). «*Познающий субъект* оказывается теперь главным действующим лицом, занимая пространство, принадлежащее раньше *историческому субъекту*»<sup>64</sup>.

В применении к социальной теории это выглядит так. В отличие от оптимистических верований «модернити» (в частности, в возможности поиска и нахождения некоей общезначимой истины), возобладало убеждение, что никакое описание, никакой анализ общества и его истории не может быть *объективным*. Он ничем принципиально не отличается от любого художественного рассказа. «Самонадеянная гуманистическая вера в то, что рациональное, “объективное” исследование прошлого позволит нам открыть “подлинный” смысл исторических текстов, подвергается в постмодернистских дискуссиях суровой критике»<sup>65</sup>. Так, описывая знаменитый «лингвистический поворот», Нэнси Партнер пишет, что у исследователя общества не существует метаязыка, способного выйти за собственные пределы и наблюдать внешнюю по отношению к себе реальность<sup>66</sup>.

Важный признак этой парадигмы – субъективно-идеалистическое понимание реальности как ментальной конструкции. «Реальное лучше всего осмысливается как то, что Витгенштейн называл положениями вещей, которые определяют горизонт нашего знакового окружения. Эти состояния в основном бессознательны, ... это не наивная теория реализма как картины действительности»<sup>67</sup>.

Вообще говоря, постмодернизм весьма интересен. Карнавальный, иронический его смех обладает притягательной силой. Картины группы Монти Пайтон много предпочтительнее, веселее и умнее советских фильмов той же поры. Версия «Розенкранц и Гильденстерн», на мой взгляд, интереснее сентиментально-назидательного прочтения того же великого источника в картине отечественного производства. Высокий индекс цитирования, уплотняющий тексты постструктуралистов, делает их дешифровку увлекательным занятием (тут вспоминается, как во Введении к «Опыту о человеческом разумении» Джон Локк писал об удовольствии охоты на лис, воробьев и жаворонков, где охота много важнее самих лис и прочих «результатов деятельности»). Занятна и подстановочная игра понятий:

---

<sup>64</sup> Бессмертный Ю.Л. Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма и микроистории // Одиссей. – М.: Наука, 1995. – С. 8.

<sup>65</sup> Спигель Г.М. Историописание в век модернизма // Одиссей. – С. 212.

<sup>66</sup> Patner N. Making Up Lost Time: Writing on the Writing of History // Speculum. – 1986. – Vol. 61. – P. 95.

<sup>67</sup> Ильин И. Постмодернизм от истоков до конца столетия. – М.: Интрада, 1998.

знаки вместо бытия, бытие вместо существования, существование вместо сущности; конвенция вместо объективности, объективность вместо субъективности, субъективность и релятивизм вместо (абсолютной) истинности; истинная и реальная повседневность вместо мечтательных и героических прожектов, мечта и фантазия вместо агрессивных идеологем, агрессивная насмешка над «гуманизмом» модерни, идеологема беспристрастной толерантности и плюрализма; множество против Единого, единый текст против мифологем, миф против сциентизма и рационализма, косвенные падежи против номинатива. Эра борений и одолений (*overcoming*) закончилась, провозгласил победитель. Как некогда приснопамятный Пигасов, постмодернизм высказал твердое убеждение в том, что убеждений не существует, ибо для них нет оснований. Правда, практически невозможно оказалось очистить постмодернистские тексты от архаических понятий вроде истины или тождественности. (ср.: “...nihilism in this sense is also *identical* /курсив мой. – Э.Т./ to the kind of nihilism defined by Heidegger...”)<sup>68</sup>

Между тем не только модерни может быть обвинена в наивном поиске «сущностей» и «оснований», (*re-appropriation*), и не впервые опровержения всякого «абсолютизма» оборачивались еще большим, чем прежде, рвением в поиске – конечно же, иных, каких-то новых и небывалых – оснований.

Феноменология когда-то дала зарок не доискиваться сущности, и, начав с психического, т.е. «реально-наличествующего» уровня бытия и сознания, перешла через акт скрупулезно проведенного «эпохэ» к нетленным идеальным сущностям (сохранив по забывчивости за ними название феномена).

Позитивизм дал клятву верности эмпирии – и закончил построением абстрактно-схоластической семантики и теории истины как выполнимости условий формально-логической проверки высказываний, а также протокольными предложениями – абстракциями высших логических порядков.

Витгенштейн выступил едва ли не с похоронной речью над парадигмой Локка – концепцией of private language – и взамен построил аналитическую философию.

Структурализм начинался как мирное прагматическое бытописание – и закончился блеском и хрустом зеркального стекла деконструкции.

Один из упоминавшихся выше лидеров постмодернизма Дж. Ваттимо начинает свой дискурс с абстрактнейших категорий Маркса.

(Кстати говоря, «лев», рыцарь и патриарх Жак Деррида с симпатией

---

<sup>68</sup> Vattimo G. The End of Modernity. – P. 19.

начал отзываться о Марксе именно тогда, когда Россия принялась его, Маркса, анафематствовать).

Московско-тартуская школа, начав с анализа повседневности – карточных игр, гаданий, заговоров, танцев, диалектов, поэтических текстов – тридцать лет возводила арки, анфилады и базилики строжайших бинарных оппозиций, пока не оказалось, что именно стройные теоретические конструкции и есть тот самый греховный рационализм, возведение вавилонской башни, – и вот, своя своих не познаша, уничтожающая ирония стирается и для этой чаши.

А ведь это тоже были повстанцы, сразившиеся с официальным советским литературоведением (сиречь – тоталитаристской идеологией), правда, незаметно и не слишком разрушительно для неё, оружием семиотики и иностранных языков. Такие же повстанцы, как те, что во Франции впервые внятно объявили миру, что никакой «текст» и никакой «дискурс», ни авторский, ни в первом прочтении проинтерпретированный первым читателем – современником автора, никому из интеллигентных людей не указ. Никто не поддастся агрессии властного текста, никто не обязан быть дисциплинуемым апостолом некоего одобряемого Абсолютного смысла.

Рассыпанный текст (Р. Барт), плавающее означающее (Ж. Лакан) – типичный пейзаж «путешествия» по постмодернистским «топосам» и «картам». «Перформанс», игра среди бесстрастных зеркал – типичный интерьер.

Однако логика смены стилей мышления, научных школ, картин мира и т.д. подсказывает, что гибридный мир постмодернити вскоре получит иные, противоположные истины и оценки. Может ли «работать» история культуры, если она лишена любых теоретических предположений о связи культуры с социальным миром, вопрошает Линн Хант? Можно ли исключить случаи, в которых исторические тексты действительно способны передавать нам позитивные знания, восклицает Габриэль М. Спигель? Ориентация на познание конститутивна самому предназначению истории, напоминает Роже Шартье<sup>69</sup>. Он объясняет на простом примере, многочисленных работах о фальшивках, что продуцируемое историей познание и доставляемое ею истинное знание реально существуют и вписываются в порядок знания, доступный верификации. «Если бы исторический дискурс не был связан, через сколь угодно многие опосредования, с тем, что, за неимением лучшего, следует назвать реальным, мы остались бы в дискурсе, но этот дискурс перестал бы быть историческим», – вот мнение Пьера Видаль-Наке<sup>70</sup>.

<sup>69</sup> Шартье Р. История сегодня // Одиссей. – С. 203.

<sup>70</sup> Vidal-Naquet P. Les assassins de la memoir. – P., 1987. – P. 148–149.

Не умножая цитат сверх необходимости, подчеркнем, что определенная усталость от калейдоскопичности, мозаичности, индифферентного плюрализма и ироничной толерантности «постмодернити» вскоре сделает явной и некую тоску по целостности и единству, «эссенциальности», и определенный голод не столько по гипертексту, сколько по авторским, смелым, с претензией на новизну объемным проектам, по целостной социальной теории большой объяснительной силы. Двигаясь по спирали, «отягощенное сознание своей неокончательной полноценности» (выражение Г.С. Кнабе) затребует новых истин и нового реализма.

Жаль, что постмодернизм уходит в прошлое. Но это была не та идея, за которую хоть один революционер согласился бы «положить жизнь». В этом один из неисчисляемых парадоксов этой парадигмы: выступив против наивности классического гуманизма, постмодернизм обнаруживает свою гуманность тем, что органически неспособен потребовать жертв. И это хорошо.

Итак, есть все основания считать, что новый век будет веком гуманитарной науки; есть все основания ожидать возникновения новых форм, которые выразят изменения сущности человека, и новых идей, которые окажутся в состоянии обобщить происходящие перемены, затрагивающие самую природу человека – его глобализацию. Будущая крупная социальная теория, построенная на будущей – новой – антропологии, которая соединит онтологию, эстетику, гносеологию и социальную философию, сможет учесть «модернити» в качестве принципа западного общества как такового и «постмодернити» как его сегодняшнее выражение.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одним из преимущественных объектов философского интереса в западноевропейской культуре, независимо от мировоззренческой принадлежности мыслителя, была – и остается – наука. Приоритетным же подходом в философии науки вплоть до последней трети XX века, причем на разных направлениях, от аналитической философии до постструктурализма, был *позитивизм* с его логико-гносеологическим уклоном. Позже оформились социологический и культурологический подходы. Тривиальным выводом из знакомства с основными западными концепциями философии науки был бы следующий: опыт и разум в одинаковой степени являются источниками знания, попытки эмпиризма или рационализма абсолютизировать какой-либо из методов заведомо обречен на провал, поэтому в задачу научной методологии входит нахождение путей плодотворного сочетания опытных исследований

и теоретического анализа. Такое заключение было бы уместно, если бы имелись хотя бы наметки алгоритма реализации на практике данного пожелания. Но пока мы имеем лишь негативный опыт эклектических союзов между рационализмом и эмпиризмом.

Бесперспективность поисков компромисса между эмпиризмом и рационализмом обусловлена тем, что между обеими доктринами (по крайней мере, в тех формах, в которой они представлены сегодня) существует больше сходства, чем различий. И дело даже не в том, что ни одна из них не знает, как установить истинные исходные положения теории или проверить концепцию либо опытным путем, либо на основе внеэмпирических критериев, а в том, что и эмпиристы, и рационалисты отрицают принцип субъективности знания. Крупнейший физик Г. Герц писал, например: «Невозможно избавиться от ощущения, что эти математические формулы существуют независимо от нас и обладают собственным разумом, что они мудрее нас, мудрее тех, кто их открыл...»...

Но науки без активно действующего в определенном социокультурном контексте субъекта *на самом деле не бывает*. Ученый не только открывает знание, но и сам создает его. Может быть, имея это в виду, удастся преодолеть ригоризм старой дилеммы «эмпиризм-рационализм» и перейти к методологическим исследованиям, в которых большую роль станут играть психология, культура, сравнительный анализ идеалов научности, исторической трансформации понятия рациональности. Лучшие представители современной западной науки, такой, например, как нейробиология, заявляют о своем стремлении преодолеть раскол объективного наблюдения и субъективности личной жизни ученого. Ср.: «Я настаиваю, что устранение такого внутреннего разлада необходимо, чтобы вырваться на рамки нашей фрагментированной культуры и прийти к новому синтезу, который позволит преодолеть и жесткий редукционизм науки, безразличной к человеческим ценностям, и субъективизм, для которого истина – не более чем одна из многочисленных выдумок. Такой синтез и есть тот реальный рационализм, к которому следует стремиться как в лаборатории, так и вне ее»<sup>71</sup>.

Сегодня, как никогда прежде, ощущается огромный дефицит знаний об обществе и человеке. И хотя лидером прогресса будущего века останется математика, находящая все более ценные применения, новый гуманизм состоит в том, чтобы найти в себе силы и сконцентрировать внимание лучших умов на гуманитарных проблемах, понимаемых, впрочем, весьма широко:

---

<sup>71</sup> Роуз, Ст. Устройство памяти. – С. 19.

изучение жизни человека, его развития, поведения, психики, здоровья; исследование закономерностей существования общества, проблем культуры, экономики и экологии. Но интенсивное развитие науки и ее специализация потребуют большего времени для выхода на передний край. Это станет объективной причиной, тормозящей интеграционные процессы в науке, и развитие ее все более будет напоминать строительство вавилонской башни. Чтобы этого не случилось, необходимо, во-первых, найти новые, эффективные формы образования. А во-вторых, всемерно развивать скрепляющую все 15 000 с лишним наук академическую дисциплину, философию науки – и философию вообще. «Гибридный мир постмодернизма» вскоре получит новые импульсы: так, Джанни Ваттимо, «классик декады», в своем знаменитом произведении «Конец модернити» предсказывает необходимость новой метафизики, *prote philosophia*.

Непреложно, однако, что новый идеал научности уже складывается; его даст та область знаний, чье воздействие на культуру и социум будет наиболее ощутимым. Произойдет замена фундаменталистской обоснованности «сверхкритерием» – способностью эффективно *решать* познавательные проблемы. Войдут в силу множественные частные идеалы научности, различные наборы стандартов, конкурирующих в ходе решения проблем. Смягчится непримиримость в отношении независимости науки, и вместо образа «храма» войдет в обиход образ «науки на марше». Усилится социально-практическая ориентированность теоретических научных исследований. Так понятый рационализм, граничащий просто со здравым смыслом, вскоре переживет ренессанс, и важным мотивирующим фактором осознанно предстанут социокультурные ценности.

## УСТОЯВШИЕСЯ ДЕФИНИЦИИ

**Аксиология** – философское учение о ценностях, их происхождении, сущности, функциях, типах и видах.

**Знание** вообще – кодифицированная и благодаря этому идентифицируемая информация любого рода. В зависимости от средств кодификации сознанием информации различают перцептивное и понятийное знание, дискурсное и интуитивное, явное и неявное (латентное), эмпирическое и теоретическое, научное и ненаучное и др. Сторонники социологии знания относят к таковым не только «проверенное практикой и логикой адекватное отражение в сознании человека действительности», но и предоставляемые ему обществом ценности, логику, запас информации и дезинформации.

**Знание** можно охарактеризовать как **обнаружение и принятие** («понимание», т.е. «имение», присвоение) **бытия, участие** человека в конкретном существовании объекта так, что он (объект) оказывается замещенным, а точнее, презентирован, **представлен** (vorgestellt, от Vorstellung), обо-**значен** идеальным образом (в обоих смыслах слова «образ»).

**Истина** – такое содержание знания (данных чувственного опыта, интуиции, суждений, теорий, когнитивных систем), которое тождественно (в определенном интервале) предмету знания. В подавляющем большинстве случаев это тождество и его границы лишь относительно, условны, приблизительны. Наиболее жестко это тождество может контролироваться и удостоверяться в теоретическом познании. Самая эффективная реализация этого требования имеет место в аналитических истинах и логико-математических дисциплинах. Однако и там достижение абсолютного тождества (абсолютной истины) невозможно. Впрочем, как показывает историческая практика, для целей высоко адаптивного существования человечества вполне эффективным, надежным средством человеческой деятельности является и относительная истина (относительно-истинное знание).

**Категорический императив** – базовое понятие этики И. Канта, фиксирующее общезначимое нравственное предписание, имеющее силу безусловного принципа человеческого поведения.

**Лингвистический поворот** – термин, описывающий ситуацию, сложившуюся к/в сер. XX в.; понимается как момент перехода от философии сознания к философии языка. «Лингвистическая философия» – «средний этап» развития аналитической философии.

**Наука** – социальная система, состоящая из профессиональных сообществ, занятых деятельностью, основной *целью* которой является получение, распространение и применение научного знания.

**Научный метод:** собирательное имя для обозначения совокупности применяемых в науке средств получения, обоснования и применения (использования) научного знания.

Совокупность этих средств весьма обширна, разнообразна и специфична – и для разных типов наук, и для качественно разных уровней одной и той же науки.

**Научное знание:** знание, получаемое и фиксируемое специфическими научными *методами и средствами* (абстрагирование, анализ, синтез, вывод, доказательство, идеализация, системное наблюдение, эксперимент, классификация, интерпретация, сформировавшийся в той или иной науке или области исследования её особый язык и т.д.).

Важнейшие *виды и единицы* научного знания: теории, дисциплины, области исследования (в т.ч. проблемные и междисциплинарные), области наук (физические, математические, исторические и т.д.), типы наук (логико-математические, естественные, инженерные, социальные, гуманитарные).

**Опыт**, на который опирается научное знание, определяется как категория для обозначения процесса и результатов деятельности сознания во всех его проявлениях.

**Ось знания:** Даниэль Белл, основоположник концепции нового, информационного (постиндустриального) общества, именуемого также «обществом знания» – the society of learning – построил следующую статусную иерархию (ось «знания»):

### **III. Класс профессионалов:**

- 5) научное сословие (академическая и вузовская наука);
- 6) технологическое сословие (прикладные типы знания: инженерное, медицинское, экономическое);
- 7) административное сословие;
- 8) культурологическое сословие (художественная и религиозная деятельность).

### **II. Класс техников и полупрофессионалов.**

### **III. Класс служащих и торговых работников.**

IV. Ремесленники и полуквалифицированные **рабочие** («синие воротнички»).

### **Парадигма**

Парадигма – то, что изменяется в ходе научной революции.

– совокупность наиболее общих взглядов о рациональном устройстве природы; теория, признанная научным сообществом (аналог мировоззрения);

– образец, шаблон для решения “головоломок” – научных задач; правила, стандарты, образцы, примеры (аналог методологии);

– дисциплинарная матрица (ценностные предпосылки познания, нормы, методики...)

Парадигма – то, что объединяет исследователей в некое научное сообщество. Это способ научного производства.

**Рациональность** вообще – тип мышления (и соотв. ему продукта – рационального знания), обладающего следующими необходимыми свойствами:

**1) языковая выразимость** (дискурсивность);

**2) определенность** понятий и терминов и сост. из них суждений (высказываний), их значения и смысла;

**3) системность** (наличие координационных и субординационных связей между понятиями и суждениями);

**4) обоснованность** (существование логических связей между суждениями);

**5) открытость для** внутренней и внешней **критики** оснований, средств и результатов мышления;

**6) рефлексивность** (самоуправляемость процесса мышления);

7) способность к **изменению и усовершенствованию** мышления.

Научная рациональность – это, так сказать, «усиленная» рациональность. **Научная рациональность** вообще – специфический вид рациональности, характерный для науки. Отличается от общей рациональности более строгой (точной) экспликацией всех основных свойств рационального мышления, стремлением к максимально достижимой определенности, точности, доказательности, объективной истинности рационального знания.

Научной рациональности свойственны:

– объектная предметность (эмпирическая или теоретическая);

– однозначность;

– доказанность;

– проверяемость (эмпирическая или аналитическая);

– способность к улучшению.

Научная рациональность всегда имеет исторический и конкретный характер, реализуясь и закрепляясь в парадигмальных для той или иной области научного исследования **представлениях об идеале научного знания и способах его достижения.**

**Логико-математическая** рациональность: идеальная предметность, конструктивная однозначность, формальная доказательность, аналитическая верифицируемость.

**Естественнонаучная** рациональность: эмпирическая предметность, наблюдательно-экспериментальная однозначность, частичная логическая

доказательность, опытная верифицируемость (подтверждаемость и фальсифицируемость).

**Инженерно-техническая** рациональность: «вещная» предметность, конструктивная системность, эмпирическая проверяемость, системная надежность, практическая эффективность.

**Социально-гуманитарная** рациональность: социально-ценностная предметность, рефлексивность, целостность, культурологическая обоснованность, адаптивная полезность.

**Сциентизм (сайентизм)** – мировоззрение и идеология всесильности научного знания. Его распространению способствовали как достижения научно-технического прогресса, так и идеи французских просветителей. Девиз «Знание – сила» дополняется идеей научного преобразования человека, государства и общества.

Наиболее последовательно идеи сциентизма отстаивали позитивисты и марксисты, верившие в возможность тотальной замены научным знанием всего остального (религиозно-мистического, умозрительно-философского, художественно-эстетического) познания.

**Ценность** – положительная значимость явления, имеющая истоком человека, его коренные цели и идеалы.

**Бытие:** все то, что существует; существует в единстве ставшего и становящегося, сущности и существования. Материя и сознание (дух) суть различные способы существования единого и одного бытия.

**Реальность:** разворачивающееся бытие, окончательно проявляющееся затем в действительности.

**Действительность:** развернувшееся бытие, действующее в своем многообразии материальных, духовных и материально-духовных проявлений.

**Жизнь:** особая форма существования бытия, мера одновременного сочетания материи и духа. Сущность такой формы бытия в сохранении, самовоспроизводстве самой себя и расширении своих границ и возможностей.

**Жизнь человека** находится за пределами ее биологических смыслов. Основной и определяющей детерминацией здесь является смысл жизни, укорененность в бытии, обретение смысла своих действий за пределами своей биологической смерти. Она неизбежно включает социокультурное содержание и действия с позиции вечности, облагораживания жизни, так как смысл жизни человека может быть обретен при условии активного включения в многообразный поток самой жизни.

**Каузальный:** основывающийся на причинности, а не на чуде. «Кауза» – причина. Акаузальный – не относящийся к причинности, причине; объясняющий что-либо, опираясь на чудо, помимо причинности.

**Козволюция**, или соэволюция (ко- приставка, обозначающая согласованность; эволюция – разветвливанию): взаимное соизменение разветвившихся ранее видов, систем; более узко – процесс неизбежного совместимого развития биосферы и развившегося человеческого общества. Центральная идея коэволюции (Н.В. Тимофеев-Ресовский, В.И. Вернадский, Н.Н. Моисеев) состоит в признании целостности развития всех уровней природной действительности, а также в осознании того, что изменение в одной сфере природы влечет изменение во всей системе. Сегодня термин «коэволюция» используется также для обозначения многообразных (прямых и обратных) связей и отношений между эволюцией биосферы и социальным развитием человеческого рода по направлению к наиболее устойчивому состоянию (ноосфере).

**Время** (как категория социально-гуманитарного познания) – мера становления человеческого бытия, мера осуществления-дления жизни; включает в себя объективное и субъективное дление и ощущение дления жизни человека в культуре, а также плотность и ритмику дел поколений людей, возраст и интервалы их жизни.

**Пространство** (как категория социально-гуманитарного познания) – мера протяженности-простираемости ноосферной жизни человека и рядоположенность ее культурных матриц, композиций, форм. Социальное пространство – всегда «очеловечено» мерой человеческой деятельности и особенностями поведения. Оно не совпадает с «геометрической» простираемостью и рядоположенностью, то есть меняется (разжимается и сжимается) по мере развития культуры человека.

**Хронотоп** (хронос – время, тоπος – место): понятие, отображающее одномоментное дление и простираемость события в их единстве и взаимовлиянии. Изображается это слияние времени и пространства чаще всего в художественном произведении, где их границы утрируются, (нарушаются-размыкаются, замедляются-сворачиваются, ускоряются-разворачиваются), чтобы выявить для читателя самое существенное, не дать пропустить главное.

**Культурная матрица** – сложившаяся на определенное время пространственная очеловеченная архитектоника образа жизни поколения людей (типа их отношений, связей человека с человеком и человека с природой, человека с самим собой), которая активно воздействует на общественную и частную жизнь другого времени, других поколений.

**«Осевое время»** – одновременный глобальный поворот большей части человечества от мифа и магии к рациональному опыту. Понятие введено К. Ясперсом.

**Человек** – уникальное состояние бытия мироздания. Уникальность этого типа бытия состоит в том, что это существо, переживающее свое конечное существование в вечности мироздания, а потому способное жить в качестве человека лишь в культуре, быть субъект-объектом культуры. Сущность человека не в выживании и адаптации, как у животного, а в обустройстве человеческой жизни. Человек есть так или иначе культурное существо.

**Экзистенция** (от лат. “existere”, «экзистере»: существовать, становиться, обнаруживать себя): существование, предшествующее сущности, состояние переживания любым человеком смысла своего существования (вопроса «зачем?»), как конечного (смертного) существа перед лицом бесконечного мироздания и отсюда некоей «неполноты» жизни и томящего одиночества, стремления к самостроительству или саморазрушению.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. – М., 2005.
2. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук / Собр. соч. В 7 т. – Т. 5. – М., 1996.
3. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Академия, 1999.
4. Бергер П.Л. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. – М.: Аспект Пресс, 1996.
5. Бергсон А. Два источника морали и религии. – М., 1991.
6. Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. – М., 1991.
7. Биалалов М.И. Субъектность познания и познавательная культура // Наука. Философия. Общество. М-лы V Российского Философского Конгресса. Т. I. – Новосибирск: Параллель, 2009.
8. Биалалов М.И. Критерий истины и критерии заблуждения // Философия и будущее цивилизации. М-лы IV Российского философского конгресса. – В 5-ти т. – Т. I. – М.: Совр. тетради, 2005.
9. Борзенко И.М. и др. Человечность человека: Учеб. пособие для вузов / И.М. Борзенко. – М., 2005. – Раздел 2.
10. Benson O., Stangroom, J. Why Truth Matters? – London, N.Y., 2006.
11. Боэций. «Утешение философией» и другие трактаты / Вст. ст.: Г.Г. Майоров Судьба и дело Боэция. – М.: Наука, 1990.
12. Бряник Н.В. Введение в современную теорию познания. – М.: Академический Проект, 2003.
13. Галиева А.М. Философия языка: Учеб. пособие. – Казань: КГУ, 2006.
14. Гегель Г.В.Ф. Наука логики / Речь, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г. / Соч. в 3-х т. – Т. I. – М.: Наука, 1970–1972.
15. Гидденс Э. Социология. – М.: Эдиториал, 1999.
16. Гончаров С.С., Ершов Ю.Л., Самохвалов К.Ф. Введение в логику и методологию науки. – М.: Интерпракс, Ин-т матем. СО РАН, Новосибирск, 1994.
17. Гуссерль Э. Философия как строгая наука. – Новочеркасск, 1994.
18. Джегутанов Б., Стрельченко В., Балахонский В., Хон Г. История и философия науки. – «Питер», М., СПб., Нижний Новгород, Ростов-на-Дону, Екатеринбург и др. – 2006.
19. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М.: 1983; М.: 2003.
20. Дубровский И. Мировоззрение Витгенштейна. (1889–1951) // Вокруг света. – 2005 (2728). – № 1.

21. Зигварт Х. Логика. Т II. Вып. 1. – СПб., 1908.
22. Иванов Вяч.Вс. ДО – ВРЕМЯ – ПОСЛЕ? (вместо предисловия). Генри Франкфорт, Г.А. Гройневеген-Франкфорт, Джон А. Уилсон, Торкильд Якобсен. В преддверии философии. – М.: Наука, 1984.
23. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
24. Кант И. Сочинения в 6-ти т. – М., Мысль, 1963. Т. III.
25. Классическая философия науки. Хрестоматия / Ред. В.И. Пржиленский. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2007.
26. Косарев А.П. и др. Философская мысль в прошлом и настоящем (некоторые сюжеты): Учеб. пособие. – Казань: КГЭУ, 2011.
27. Кохановский В.П.. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. – Ростов-на-Д., Феникс, 2005.
28. Кохановский В.П., Пржиленский В.И., Сергодеева Е.А. Философия науки: Учеб. пособие. 2-е изд.. – М: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2006.
29. Кун Т. Структура научных революций. (Чикаго, 1962).
30. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции / Структура и развитие науки. – М.: Прогресс, 1978.
31. Лекторский В.А. Субъект. Познание. Деятельность / К 70-летию В.А. Лекторского. – М.: КАНОН+, ОИ «Реабилитация», 2002.
32. Лекции по философии науки: Учеб. пособие / ред. В.И. Пржиленский. – М.: ИКЦ «МарТ», Ростов н/Д: «МарТ», 2008.
33. Лосев А.Ф. Культурно-историческое значение античного скептицизма и деятельность Секста Эмпирика. Вст. ст. к: Секст Эмпирик. Сочинения в 2-х т. – Т. I. – М.: Мысль, 1976.
34. Лосев А.Ф. Философия имени / Из ранних произведений. – М.: 1990.
35. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.
36. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. Т. 26. Ч. III.
37. Маркс К., Энгельс Ф. – Соч. Т. 46. Ч. I.
38. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.
39. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005.
40. Нугаев Р.М. Современная социология знания: некоторые итоги и перспективы // Социология. – Т. 8. 1997. – № 8.
41. Оккам, Уильям. Избранное / Ред. и вст. ст. А.В. Аполлонова / РАН ИФ Едиториал УРСС. – М., 2002.
42. Полани, Майкл. Личностное знание. – М., 1985.
43. Поппер, Карл. Логика и рост научного знания. – М.: Прогресс, 1983.

44. Пржиленский В.И. Идея реальности и эпистемологический конструктивизм // Вопросы философии. – 2010. – № 11.
45. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. В 4-х т. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
46. Рорти, Р. Релятивизм: найденное и сделанное // Философский прагматизм Ричарда Рорти и российский контекст. – М., 1997.
47. Секст Эмпирик. Сочинения. В 2-х т. – М., 1976.
48. Пуанкаре А. О науке. – М., 1983.
49. Современная философия науки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994.
50. Современная философия науки: знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей Запада: Учеб. хрестоматия (пер. А.А. Печенкина). – М.: Изд. корпорация «Логос», 1996.
51. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук: Учеб. пособие. – Раздел 4, 5. – М., 2006.
52. Stathis, P. Philosophy of Science A-Z. – Edinburgh Univ. Press, 2007.
53. Степин В.С. Теоретическое знание. – М.: Прогресс-традиция, 2003.
54. Тойнби А. Постижение истории. – М., 1992.
55. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М., 1986.
56. Философия для бакалавров: учебное пособие / под ред. В.И. Пржиленского. – Ростов н/Д: Феникс, 2007.
57. Философия науки / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект, 2004.
58. Философия и методология науки. В 2-х ч. – М.: SvR–Аргус, 1994.
59. Философия науки. Хрестоматия. – М.: Прогресс-Традиция, Флинта, 2005.
60. Философия науки. – М.: Трикста, 2004; М.: Академический Проект, 2004.
61. Франк Ф. Философия науки. – М., 1960.
62. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. – М.: Республика, 1993.
63. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.
64. Хинтиikka Я. Логико-эпистемологические исследования. – М., 1980.
65. Шпенглер О. Закат Европы. – М., 1993.
66. Штайнер Р. Истина и наука. Пролог к «Философии свободы». – М., изд-во Московский центр вальдорфской педагогики, 1992.
67. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – ТООТК «Петрополис», 1998.
68. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М., 1992.

## ВОПРОСЫ К КАНДИДАТСКОМУ ЭКЗАМЕНУ «ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ»

### Часть I

#### Общие проблемы философии науки

1. Предмет философии науки. Основные концепции соотношения философии и науки.
2. Понятие науки и ее многоаспектный характер. Основные подходы к исследованию развития науки.
3. Научное и вненаучное знание. Знание и вера. Научное знание как система, его особенности и структура.
4. Роль науки в современном образовании и формировании личности. Функции науки в жизни общества.
5. Социокультурные детерминанты развития науки.
6. Традиционалистский и техногенный типы цивилизационного развития и их базисные ценности. Роль науки в условиях техногенной цивилизации.
7. Наука, религия, искусство, мораль и их взаимоотношения в социокультурном контексте. Культура в науке.
8. Проблема исторического возраста науки. Преднаука и наука в собственном смысле. Характерные черты античной науки.
9. Особенности средневековой науки. Роль средневековых университетов в развитии норм научного мышления и организации науки.
10. Становление опытной науки в новоевропейской культуре. Соединение экспериментального метода с математическим описанием природы: Г. Галилей, Ф. Бэкон, Р. Декарт. Возникновение дисциплинарно организованной науки.
11. Классификация наук. Эмпирический и теоретический уровни, их единство и критерии различия.
12. Научная проблема – исходный пункт исследования. Понятие проблемной ситуации в науке. Выбор, постановка, разработка и решение научных проблем.
13. Структура и особенности эмпирического знания. Эмпирические факты и зависимости. Проблема теоретической нагруженности факта.
14. Структура и особенности теоретического знания. Теоретические модели и законы. Понятие идеального объекта и конструкта. Функции научной теории.
15. Методы научного познания и их классификация. Методы эмпирического исследования.
16. Методы теоретического познания.

17. Общелогические методы и приемы исследования.

18. Идеалы и нормы научного исследования. Научная картина мира и ее функции.

19. Философско-мировоззренческие основания науки. Функции философии в научном познании.

20. Общие закономерности и характерные тенденции развития науки.

21. Научные революции и историческая смена типов научной рациональности. Первая научная революция XVII века и характерные черты классического типа научной рациональности.

22. Вторая и третья научная революция конца XIX – первой половины XX веков и формирование неклассической науки. Характерные черты неклассического типа научной рациональности.

23. Четвертая научная революция последней трети XX века. Рождение постнеклассической науки и ее главные черты.

24. Синергетика как научная парадигма и ее особенности.

25. Глобальный эволюционизм и современная научная картина мира.

26. Наука и паранаука. Необходимость ведения борьбы с шарлатанством и дилетантством в науке. Непознанное и проблема паранормальных явлений.

27. Космизм как мировоззрение и поле научного поиска. Космическая философия К.Э. Циолковского.

28. Космизм и экологическая проблема. Учение В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Гелиобиология А.Л. Чижевского.

29. Глобалистика, глобализация и перспективы человечества. Концепция устойчивого развития. Сциентизм и антисциентизм.

30. Наука как социальный институт.

31. Социальные характеристики научной профессии. Проблема подготовки научных кадров. Наука, экономика, власть.

32. Этические проблемы современной науки. Свобода выбора и моральная ответственность ученого.

## **Часть II**

### **Философские проблемы социально-гуманитарных наук (СГН)**

1. Сходство и различие наук о природе и наук об обществе и культуре. Специфика социально-гуманитарного познания.

2. Роль философии в становлении социально-гуманитарных наук. Социальные и гуманитарные науки, их сходство и различие.

3. Субъект, объект, предмет социально-гуманитарных наук.

4. Позитивистская традиция в философии науки: первая фаза развития (О. Конт, Дж. С. Милль, Г. Спенсер).

5. Позитивистская традиция в философии науки: вторая фаза развития (эмпириокритики, А. Пуанкаре).
6. Логико-эпистемологический подход к исследованию науки (Венский кружок, логический позитивизм, аналитическая философия).
7. Критический рационализм К. Поппера.
8. Постпозитивистский этап развития европейской философии науки: Теория научных революций Т. Куна. Концепция неявного личностного знания М. Полани.
9. Постпозитивистский этап развития европейской философии науки: концепция «исследовательских программ» И. Лакатоса. Плюралистическая эпистемология П. Фейерабенда.
10. Природа ценностей и их роль в социально-гуманитарном познании.
11. Жизнь как категория наук об обществе и культуре.
12. Пространство и время в социально-гуманитарном познании.
13. Вера, сомнение, знание в социально-гуманитарных науках.
14. Методы социально-гуманитарного познания. Герменевтический подход. Объяснение, понимание, интерпретация.
15. Роль языка в становлении научных теорий в социально-гуманитарном познании. Языковая картина мира.
16. «Лингвистический поворот» и его значение для трансформации европейского самосознания и культуры.
17. Рациональное, объективное, истинное в социально-гуманитарном познании.
18. Логика смены парадигм социальных теорий новейшего времени: От идеализма к технологическому детерминизму.
19. Логика смены парадигм социальных теорий новейшего времени: От эмпиризма к постмодернизму.
20. Постмодернизм как философское мировоззрение.

**Темы рефератов  
для сдачи экзамена кандидатского минимума  
по курсу «История и философия науки»:  
«Философия социально-гуманитарных наук»  
(примерный перечень)**

1. Философия как интегральная форма социально-гуманитарных знаний.
2. Роль философии в формировании научных знаний об обществе.
3. Науки о природе и науки о культуре.
4. Жизнь как категория наук об обществе и культуре.
5. История как форма проявления жизни.

6. Время, пространство, хронотоп.
7. Предмет социального познания и его специфика.
8. Социокультурная обусловленность структуры научного знания.
9. Традиционалистский и техногенный типы цивилизационного развития.
10. Наука как производительная и социальная сила.
11. Средства и методы социально-гуманитарного познания.
12. Текст как первичная данность всякой гуманитарной дисциплины.
13. Текст как единица методологического и семантического анализа.
14. Понимание и объяснение.
15. Герменевтика – наука о понимании и интерпретации текста.
16. Роль диалога в социальном познании.
17. Феномен личностного (неявного) знания.
18. Новая парадигма социальной методологии.
19. Специфика объекта социального познания.
20. Специфика субъекта социального познания.
21. Роль науки в современном образовании и формировании личности.
22. Природа ценностей и их роль в социально-гуманитарном познании.
23. Проблема «ценностной нейтральности» социального исследования.
24. Вненаучные критерии в социально-гуманитарном познании.
25. Особенности художественного хронотопа.
26. Коммуникативная природа познания.
27. Коммуникативность в науках об обществе и культуре.
28. Рождение знания в процессе коммуникации.
29. Проблема нравственной ответственности ученого.
30. Роль и место индоктринации в науке.
31. Проблема истинности и рациональности в СГН.
32. Соотношение рационального, объективного и истинного в СГН.
33. Специфика экзистенциальной истины.
34. Плюрализм и монополия на истину.
35. Объяснение, понимание, интерпретация.
36. Вера, сомнение, знание.
37. Язык, «языковые игры», языковая картина мира.
38. Основные исследовательские программы СГН.
39. Общечеловеческое значение феномена социально-гуманитарного знания.
40. Концепция «Общества знания».

## ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение .....	3
	6
Часть I. Тема I. Предмет философии науки .....	
Тема 2. Позитивистская традиция в философии науки .....	22
Тема 3. Логико-эпистемологический подход к исследованию науки .....	27
Тема 4. Историко-критический подход к исследованию науки .....	38
Тема 5. Социологический подход к исследованию науки .....	43
Тема 6. Культурологический подход к исследованию науки .....	53
	66
Часть II. Тема I. Специфика социально-гуманитарного познания .....	
Тема II. Природа ценностей и их роль в СГН .....	89
Тема III. Жизнь как категория наук об обществе и культуре .....	96
Тема IV. Пространство и время в социально-гуманитарном познании. Понятие хронотопа .....	110
Тема V. Понимание и объяснение в философии науки .....	119
Тема VI. Философия и язык .....	132
Тема VII. Семиотика как универсальный метод социально-гуманитарного познания .....	156
Тема VIII. Рациональное, объективное, истинное в социально- гуманитарном познании .....	183
Тема IX. Логика смены парадигм социальной теории новейшего времени: от идеализма к технологическому детерминизму .....	190
Тема X. Логика смены парадигм социальной теории в постклассическое время: эволюции эмпиризма, структурализм, постмодернизм .....	196
	204
Заключение .....	206
Приложение .....	
Библиографический список .....	212
Вопросы к кандидатскому экзамену «История и философия науки» ....	215
Темы рефератов .....	217



*Учебное издание*

**Эмилия Анваровна Тайсина**

**ИСТОРИЯ И ФИЛОСОФИЯ  
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ**

Учебное пособие  
для аспирантов и соискателей

Кафедра философии КГЭУ

Редактор издательского отдела *К.В. Аршинова*  
Компьютерная верстка *Т.И. Лунченкова*  
Дизайн обложки *А.Ф. Гаязов*

Подписано в печать

Формат 60×84/16. Бумага «Business». Гарнитура «Times». Вид печати РОМ.

Усл. печ. л. 12,78. Уч.-изд. л. 14,19. Тираж экз. Заказ №

Издательство КГЭУ, 420066, Казань, Красносельская, 51  
Типография КГЭУ, 420066, Казань, Красносельская, 51